

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**ГОУ ВПО ЛНР «ЛУГАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО»**

ГОУ ВПО ДНР «ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ГОУ ВПО ЛНР «ЛУГАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
ВЛАДИМИРА ДАЛЯ»**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
II Международной
научно-практической конференции**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Луганск
2018

УДК 81 (06)
ББК 81Я43
А 43

Рецензенты:

- Нередкова С.С.** – декан филологического факультета ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры славянской филологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля».
- Скиба И.Г.** – доцент кафедры экономико-правовых и социально-гуманитарных дисциплин ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко», доцент, кандидат филологических наук.
- Шкуран О.В.** – директор Института профессионального развития ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко», кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии и издательского дела ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

А 43

Актуальные проблемы современной лингвистики: материалы II Международной научно-практической конференции (25 апреля 2018 года, г. Луганск) / Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко. – Луганск: Книта, 2018. – 181 с.

В сборнике представлены материалы II Международной научно-практической конференции, состоявшейся 25 апреля 2018 г. на базе кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий филологического факультета ГОУ ВПО ЛНУ «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».

Сборник адресован лингвистам, специалистам в области когнитивных исследований и межкультурных коммуникаций; преподавателям, аспирантам, студентам вузов, всем тем, кто интересуется русским языком и проблемами современной высшей школы.

УДК 81 (06)
ББК 81Я43

*Рекомендовано Научной комиссией
Луганского национального университета имени Тараса Шевченко
(протокол № 13 от 19 июня 2018 г.)*

© Коллектив авторов
ГОУ ВПО ЛНР «ЛНУ имени
Тараса Шевченко», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ДИСКУРСОЛОГИЯ: КОНВЕРГЕНТНОЕ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

Александрова Н.Е. Передача языковых реалий в переводах английских народных сказок на русский язык	4
Елифанова Т.В. Влияние интернет-дискурса на современный русский язык	9
Курмакаева Н.П. Факторы формирования и дискурсные маркеры современной региональной языковой личности.....	15
Луценко И.В. Актуальные вопросы исследования текста в современном языкознании.....	23
Мачай Т.А. Стержневые терминосочетания научно-технического текста.....	27
Мельничук А.И. Нарушение толерантности или национализм в СМИ как средство влияния на социум	33
Пономарёва Т.А. Особенности языковой игры в современном языковом дискурсе	39
Синельникова Л.Н. Интеграция компетенций как путь к целостному знанию.....	46
Теркулов В.И. Ономаσιологические типы текстовой эквивалентности сложносокращенного слова	57
Шаповалова И.В. Концепт «пространство» в идиолекте Беллы Ахмадулиной: индивидуально-авторское осмысление	63

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ

СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Балко М.В. Церковнославянский язык как подсистема современного русского литературного языка (на материале языковой ситуации Донбасса)	69
Белоусова Е.В. Англоязычные неологизмы в молодежном сленге	75
Гелюх Н.А. Формирование речевой культуры студентов нефилологических специальностей при изучении курса «Русский язык и культура речи».....	78
Могила С.А. Влияние разговорной речи в СМИ	82
Романова Е.Г. Проблемы формирования речевой культуры студентов-медиков.....	88
Серебряк М.В. Публицистический дискурс фразеологических неологизмов.....	92
Соболева М.А. Функциональный потенциал иронии в современном медиакурсе....	98
Сушинская И.М. Функционирование «лекторского номинатива» в научно-учебном монологе	103
Юрьева Е.В. Типологические характеристики модальности в слоганах социальной рекламы	109
Юсеф Ю.В., Плахотник А.Н. Общение современного врача: проблемы и задачи.....	116

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: УЧЕБНАЯ И НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Джинджолия Г.П. Слово «сердце» в библейской традиции	121
Ткачева Е.А., Диденко А.А. Особенности перевода культурных реалий России по роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».....	130
Семеренко Э.В. Репрезентация концепта «творчество» в поэтическом дискурсе (на материале лирики Б. Ахмадулиной)	134
Скрипченко Е.В. Концепты поэтического эпистолярия: «видеть» и «слышать» (на материале романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»)	141

Шкуран О.В. Лингвокультурологические измерения сакрального макроцепта «милостыня» в русской языковой картине мира	146
Шпилева Я.А. “INTELLIGENTSIA” как концептуальное заимствование из русской лингвокультуры	153

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

Вылиток С.В. Текстотрический подход к изучению русского языка в школе.....	156
Дмитренко И.А. Тексториентированный подход к организации работы с учащимися на уроках русского языка в 5-11 кл. методические приемы работы с учебным текстом.....	160
Лазарева Л.К. О работе с учебно-научным текстом в курсе «Русский язык и культура речи»	166
Тыщук Д.С. Формирование уважения к личности в контексте ознакомления с произведениями художественной литературы в начальной школе	172
<i>Сведения об авторах</i>	178

**ПЕРЕДАЧА ЯЗЫКОВЫХ РЕАЛИЙ В ПЕРЕВОДАХ АНГЛИЙСКИХ
НАРОДНЫХ СКАЗОК НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

В статье акцентируется внимание на особенностях перевода английских сказок на русский язык с сохранением языковых реалий. Подчеркивается сложность перевода, связанного с нахождением необходимого фольклорного эквивалента и сохранением национальной самобытности оригинала. На примере нескольких сказок представлены варианты передачи реалий при переводе.

Ключевые слова: народная сказка, языковые реалии, национально-культурные особенности, проблемы перевода.

The article focuses on the peculiarities of translation of English fairy tales into Russian with the preservation of linguistic realities. The complexity of translation, associated with searching the necessary folklore equivalent and preserving the national identity of the original, is emphasized. There are variants of realities' interpretation during translation, based on the examples from several fairy tales.

Key words: folktales, linguistic realities, national and cultural peculiarities, the problems of translation.

Актуальность проблемы перевода английских народных сказок на русский язык обусловлена их своеобразной особенностью и, соответственно, со спецификой передачи языковых реалий. Английские и русские народные сказки имеют схожие черты и преследуют общие цели. Это помогает нам проводить параллели в исследовании и на основании этих параллелей подбирать наилучшие варианты для передачи языковых реалий с английского на русский язык, а также культурно адаптировать эти переводы. Английский народ имеет свою самобытность и менталитет, и благодаря народным сказкам мы можем погрузиться в атмосферу страны изучаемого языка и понять ее особенности. Но для этого нам нужен качественный перевод, который с учетом национальной специфики требует знаний языковых реалий.

Объект исследования – английские народные сказки и их переводы на русский язык. Предметом исследования статьи являются способы передачи языковых реалий с английского на русский язык. Целью данной статьи является анализ способов передачи языковых реалий при переводе английских народных сказок на русский язык.

Язык являет собой определенное отражение культуры какой-либо нации, он несет в себе национально-культурные особенности того или иного народа. В нем могут встретиться слова, в которых выделяется особая часть в их значении, способная отразить связь языка и культуры. Такая часть называется культурным компонентом семантики языковой единицы. К вышеупомянутым словам, прежде всего, относятся слова-реалии. Именно они в зависимости от различных культурных и этнических особенностей, могут вызывать значительные проблемы при переводе.

На сегодняшний день проблемой исследования анализа передачи языковых реалий занимаются лингвисты и языковеды. По мнению С.И. Влахова и С.П. Флорина, о реалиях, как о носителях колорита, конкретных, зримых элементах национального своеобразия, заговорили в начале 50-х годов [3]. Эти же исследователи упоминают работы таких ученых, как А.Е. Супрун, Л.Н. Соболев, Г.В. Шатков, Г.В. Чернов. С.И. Влахов и С.П. Флорин обратили внимание на такие «непереводимые» элементы практически полвека тому назад (в 1960 году вышла их статья «Реалии»). Позже этими учеными была издана книга «Непереводимое в переводе», в которой представлена полная характеристика, классификация и способы передачи реалий. Главным объектом исследований Г. Д. Томахина являются реалии-американизмы [6]. Проблемы соотношений языка и культуры рассматриваются также Е. М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым [2]. В учебниках по теории перевода Л.С. Бархударова, В.Н. Комиссарова, В.Н. Крупнова, Л.К. Латышева, Т. Р. Левицкой, М.М. Морозова, А.В. Федорова, А.М. Фитермана также представлена информация о культурно-маркированных словах.

В силу особенностей своего менталитета, каждый народ имеет собственное представление о воспитании детей и о роли сказок в этом процессе.

Сказка – это тонкая нить, связывающая каждого из нас с воспоминаниями о детстве и верой в чудо. В современной литературе существуют различные толкования понятия «сказка». Известный советский фольклорист и этнограф, доктор исторических наук Э.В. Померанцева определяет народную сказку (или казку, байку, побасенку) как эпическое устное художественное произведение, зачастую прозаическое, волшебное, авантюрного или бытового характера с элементами вымысла. Последний признак отличает сказку от других жанров устной прозы: предания, сказа и былички, то есть от рассказов, которые преподносятся рассказчиком слушателям как повествование о действительно произошедших событиях, какими бы маловероятными и фантастичными они не были. В народе самая любимая сказка – с элементами волшебства [5, с. 13].

В Англии народные сказки впервые были собраны и записаны значительно позже, чем русские в России, немецкие в Германии и французские во Франции. Первые сборники английских народных сказок начали появляться лишь в конце XIX века. Президент английского фольклорного клуба Джозеф Джекобс был первым, кто собрал и издал два тома английских народных сказок. Выдающийся английский фольклорист не подвергал сказки литературной обработке, как это сделал А.Н. Афанасьев в России, братья Гримм в Германии и Шарль Перро во Франции. Целью работы Джозефа Джекобса было дать примеры сказочного народного творчества в той форме, в какой их создал сам народ.

Зачастую, сказки богаты реалиями, которые вызывают в свою очередь некоторые трудности в работе переводчика. С одной стороны, существует риск, что необходимый фольклорный эквивалент не будет найден; а с другой стороны, нужно сохранить национальную самобытность оригинала, а для этого переводчик должен найти выразительные средства в своём родном языке, которые смогут передать весь колорит и атмосферу иностранной сказки. Все эти особенности и являются причиной трудности перевода английских народных сказок.

В то время как одни исследователи относят реалии к «безэквивалентной» лексике, другие, как например С.И. Влахов, С.П. Флорин, учитывают не только тематический принцип, но и рассматривают ещё и принципы деления непосредственно в иностранном языке и принципы временного деления [3].

Главным принципом отнесения явления к реалиям является национальная окрашенность референтов (колорит). Данная окрашенность настолько очевидная, что её невозможно скрыть и выдать эти явления за явления других стран. То есть, каждая реалия принадлежит к национальным особенностям той страны, которая является её родиной [7]. По сути, реалиями можно назвать всё то, что требует дополнительного объяснения или описания, то есть энциклопедической справки, табличного или схематического объяснения, или же повествования определённых житейских сведений, которые известны носителям данного языка, и неизвестны иностранцам [4].

Что же касается возможных вариантов передачи реалий при переводе, многие исследователи выделяют схожие между собой способы. На основе работ С.И. Влахова и С.П. Флорина, а также Г.Д. Томахина нами была выведена следующая классификация:

1. Транскрипция (транслитерация) / практическая транскрипция – реалия, согласно принятым в языке правилам, передаётся на нужный язык графически. Транскрипцией передаются все имена в сказке «Том Тит Тот»: *“What, is that Bill?” says she. – Наверное, Билл? – молвила королева.; “Is that Ned?” says she. – Ну так Нед?; “Is that Nicodemus?” says she. – Никодим? - молвила королева.; “Nimmy Nimmy Not. My name’s Tom Tit Tot.” –*

Нимми-Нимми-Нот. А я-Том-Тит-Том!» В данном переводе сохранены имена, предлагаемые королевой, соответственно колорит сказки не теряется.

2. Гипо-гиперонимический перевод – для данного вида перевода характерно создание отношений эквивалентности между словом оригинала, называющим видовое понятие реалии, и переводом, называющим соответствующее родовое понятие. Примером является отрывок из сказки «Тростниковая шапка»: *«Make some gruel for the young master,” they said to the cook. – Сварите молодому господину овсяную кашу, – приказали поварихе».* Слово *«gruel»* в первую очередь переводится как *«жидкая каша, размазня».* Но данный перевод звучал бы некорректно в детской сказке, да и какое имеет значение, жидкая каша или густая? Поэтому был использован гипо-гиперонимический способ перевода. Культурная среда сохранена, ведь всем известно, что англичане любят овсяную кашу, и красота речи не нарушена.

3. Калькирование (кальки, полукальки) – «заимствование путем буквального перевода (обычно по частям) слова или оборота». Например, в той же сказке «Тростниковая шапка» есть такое сравнение: *«So he says to the third, “How much do you love me, my dear?” “Why, I love you as fresh meat loves salt,” says she. – И спрашивает младшую: – А как же ты меня любишь, моя голубка? – Я люблю тебя, как мясо любит соль, – отвечает она».* Для русского языка сравнение *«как мясо любит соль»* является очень нетипичным. В русском представлении о мире неодушевлённые предметы не могут что-либо любить. Но для того, чтобы сохранить колоритность, самобытность и отголоски английской культуры, переводчик воспользовался способом калькирования. В данном случае, этот способ был самым подходящим.

4. Описательный перевод – приём перевода, который заключается в описании реалии средствами родного языка переводчика. Сказка «Джек и бобовый стебель» и пример из неё: *«Then Jack crept out of the oven on tiptoe and caught hold of the golden hen, and was off before you could say “Jack Robinson.” – Тогда Джек потихоньку вылез из печи, схватил золотую курицу и в два счёта оказался за дверью».* В английском языке используется устойчивое выражение *«before you could say “Jack Robinson”»*, в то время как в русском мы понимаем его как *«в два счёта, очень быстро».* Джек Робинсон не упоминается ни в одной из исторических записей, но очевидно, что он был очень быстрым и ловким человеком.

5. Введение функционального аналога – используется обычно при передаче модификаторов, которые чаще всего представлены прилагательными. Примером введения многофункционального аналога можно считать сказку «Крошечка», в которой слово *«teeny-tiny»* на протяжении всей сказки переводится как *«крошечный»* и используются все

его производные.

6. Транспозиция – перевод слова из одной части речи в другую или употребление данного слова в функции другой части речи. Примером использования способа транспозиции, то есть перехода одной части речи в другую, можно считать кличку коровы из сказки «Джек и бобовый стебель»: *«There was once upon a time a poor widow who had an only son named Jack, and a cow named Milky-white. – Жила когда-то на свете бедная вдова. У нее был единственный сын по имени Джек да корова по прозвищу Белянка»*. Слово «*milky-white*» является прилагательным и переводится как «*молочно-белый*». Но корову же не могут звать прилагательным, поэтому переводчик заменил имя прилагательное существительным, и подобрал функциональный аналог, схожий с тем, какими кличками называют коров в нашей культуре. Таким образом, корова получила кличку Белянка.

7. Контекстуальный перевод – переводимое слово, при использовании данного приёма может иметь такие соответствия, которые отличаются от представленных в словаре. Примером контекстуального перевода, то есть перевода, который отличается от стандартного перевода слова можно считать следующее предложение из сказки «Тростниковая шапка»: *«Well, one day there was to be a great dance a little way off, and the servants were allowed to go and look on at the grand people. – Вот как-то раз по соседству давали большой бал, и всем слугам разрешили пойти посмотреть на знатных господ»*. Слово «*dance*» в данном случае переводится как «*бал*», а «*grand*» как «*знатный*».

На примере рассмотренных отрывков можно понять, что при переводе реалий в английских сказках существует огромное количество способов их передачи, и лишь переводчик решает, каким способом он будет пользоваться. Любой перевод может отличаться от оригинала, и основная задача переводчика – сделать так, чтобы этих отличий было как можно меньше.

Каждая сказка несёт в себе скрытый смысл и учит нас чему-то новому. Слушая сказки, дети получают базовые представления о жизни, о семье, о добре и зле, о традициях и обычаях собственного народа. Ребёнку прививаются любовь и уважение к родным, любовь к природе, чувство долга перед другими, понятие морали и совести. Опираясь на фольклорные сказки можно проследить историю целого народа. Сказка является отражением души каждого народа, его веры, традиций, обычаев, особых примет.

Перспективным направлением наших дальнейших исследований будет анализ «отчуждающего» и «осваивающего» способов передачи реалий в переводе с английского на русский язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бархударов Л.С.** Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода [Текст] / Бархударов Л.С. – М.:Изд-во «Международ. отношения»,1975. – 240 с.
2. **Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.** Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного [Текст] / Верещагин Е. М.; 4 изд. – М.: Изд-во «Русский язык», 1973. – 246 с.
3. **Влахов С.И., Флорин С.П.** "Непереводимое в переводе" [Текст] / С.И. Влахов, С.П. Флорин. – М.: Изд-во «Международные отношения», 1980. – 343 с.
4. **Денисов П.Н.** Лексика русского языка и принципы ее описания [Текст] / П.Н. Денисов. – М.: Изд-во «Русский язык», 1980. – 254 с.
5. **Померанцева Э.В.** Некоторые особенности русской пореформенной сказки [Текст] / Э. В. Померанцева. – М.: Изд-во «Советская этнография», 1956. – № 4 – С.13.
6. **Томахин Г.Д.** Америка через американизмы[Текст] / Г. Д. Томахин. – М.: Изд-во «Высшая школа», 1982. – 262 с.
7. **Томахин Г.Д.** Реалии в культуре и языке / «ИЯШ» 1981. – № 3 – С. 17-21.

УДК 811.161.1'271

Елифанова Т.В.

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА НА СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматривается проблема влияния Интернет-дискурса на русский язык в целом. Исследование этой проблемы позволяет наблюдать за явлениями, которые происходят в фонетике, синтаксисе, стилистике, лексике языка вследствие пребывания на просторах глобальной сети. Эта статья может быть актуальна в педагогической деятельности для взаимопонимания с детьми, студентами, для родителей, которые хотят идти в одну ногу со временем и своими детьми.

Ключевые слова: дискурс, сленг, Интернет, коммуникация, форумы.

The article discusses the problem of the influence of Internet discourse on the Russian language in General. The study of this problem allows to observe phenomena that occur in phonetics, syntax, stylistics, vocabulary of the language due to stay on the vast global network. This article may be relevant in teaching for understanding with children, students, for parents who want to go one up with the times and their children. A common language and understanding brings together the older generation with the younger.

Key words: discourse, slang, Internet, communication, forums.

В наше время технологии активно совершенствуются и проникают в нашу повседневную жизнь, это неудивительно, так как люди преследуют цель и находят способы внешней коммуникации, дабы распространять и получать необходимую информацию проще и быстрее. Одним из таких способов стала сеть Интернет, задевшая проблематику связи культуры, общества и языка. Из-за активного развития сети, виртуальная коммуникация набирала новые обороты и, в итоге, создавался язык виртуального общения.

Всё чаще можно услышать в речи (особенно это распространено у молодёжи) неправильно произнесённые слова, аббревиатуры, искажённые иноязычные слова с определённым смыслом. Стоит выяснить, каким образом влияет Интернет-дискурс на язык, и какие последствия за собой несёт.

Цель данной работы заключается в проведении анализа лексического корпуса современного Интернет-сленга и выяснении, каким образом такой предмет виртуальной коммуникации может повлиять на язык и устную речь пользователей.

С развитием технологий, росла популярность виртуального дискурса, и теперь уж словарный запас пользователей пополнился и Интернет – сленгом. Сленг включает в себя различные слова и словосочетания, с помощью которых люди могут отождествлять себя с определёнными социальными и профессиональными группами, так как сленг состоит из слов и фразеологизмов, которые возникли и первоначально употреблялись в отдельных социальных группах, и отражает целостную ориентацию этих сообществ.

Елена Игоревна Горошко, описывая природу феномена Интернет-сленга, отмечает следующие его особенности:

1. Взаимодействие устной и письменной формы реализации языка (контаминация письменного литературного и устного разговорного языков);
2. Коммуникативная сущность (коммуникация и средства ее осуществления приобретают в Интернете ведущую роль — массовая коммуникация в случае трансляции информации через справочные службы, электронные библиотеки, официальные сайты учреждений; персональная коммуникация при общении на форумах, в чатах и под.);
3. Интегративность, социализация (включение индивидов в общественную жизнь);
4. Сильная зависимость от внешних факторов, таких как развитие новой государственности, международные контакты, воздействие СМИ, социально-психологическая перестройка личности в условиях новой государственности, развитие науки и техники, распространение просвещения;

5. Антиномия информационной и экспрессивной функции языка (проявляется в противоречии между стремлением к однотипности, стандартности языковых единиц и к новизне, оригинальности изложения);

6. Усиление личностного начала (степень его в разных жанрах проявляется по-разному: от полной анонимности автора в чате, где единственный способ представления человека — его речевой образ, до открытой публичности в социальных сетях и полного самораскрытия на персональной веб-странице);

7. Диалогичность общения (даже монологичный текст часто возникает здесь как реакция на предыдущий текст, повышая свою диалогичность);

8. Атмосфера свободы и смеховая стихия как следствие физической непредставленности коммуникантов, порождающей карнавальное общение и демократизацию языка; анонимность, конструирование своей виртуальной личности усиливают игровой эффект общения;

9. Стилистические динамизм и контрастность;

10. Нарочитая неграмотность текстов;

11. Неформальность общения;

12. Семиотические осложнения текста как новые средства выразительности (в качестве компенсации смыслоразличительных средств — интонации, мимики и жестов — наряду с вербальными, применяются иконические средства, а также знаковые средства других семиотических систем шрифт, цвет и др.).

Итак, формы реализации языка в виртуальном пространстве полифункциональны и многоаспектны.

Язык интернета - это по сути симбиоз русскоязычного молодежного сленга и жаргона программистов, что несомненно оказывает влияние на письменное общение пользователей интернета. Такой тип общения требует быстроты написания сообщений, поэтому письма отличаются краткостью и лаконичностью. В связи с этим, формируются некоторые особенности написания слов, такие как:

1. Сокращение слов.

Из-за постоянно убыстряющегося темпа общения в Интернете появляется необходимость передать максимальное количество информации в единицу времени. Пример: «норм» – нормально, «оч» – очень, «чз» – через, «м-ду» – между, «инфа» – информация, «бро» – брат, «кэп» – капитан, «ахахах» - очень смешно и др.

2. Подражание детской речи.

Фонетически придаёт некую детскость звучанию слов. Пример: употребление слова «сябки» вместо «спасибо». Можно встретить и сокращения такого типа: «Я тя лю» («Я тебя люблю»), что напоминает детский лепет.

3. Влияние английского языка.

Как известно, практически все термины, связанные с компьютерными технологиями перешли к нам с английского языка. В связи с этим, в русском сленге преобладают иноязычные жаргонизмы. Пример: выяснение отношений, разборки: кипиш (от keep), батл (от battle) – драка, противостояние.

4. Суффиксация.

В речи пользователей сети заметно стремление к выбору словообразовательных суффиксов, более типичных для просторечия: Пример: «спасибо»—«спасиб-он», «сибо»—«сиб-уль», «день»—«ден-яг-а». Широко используются уменьшительно-ласкательные суффиксы: «спасибки», «сибульки», «сибки», «сипки», «спасибульки», «пусичка», «лапочка».

Проанализировав сообщения на различных форумах, сайтах, блогах, социальных сетях, можно выделить основные типы ошибок:

- 1) Замена звонких согласных на соответствующие глухие и наоборот (привет – привед, прифет)
- 2) Сокращения (привет – прив, нормально – норм)
- 3) Звукоподражания (Ха-ха. УУУ, ОУУ)
- 4) Написание слов по произношению (нормально – нармас, сложно - сложна)
- 5) Отсутствие пунктуации (как ты)
- 6) Использование смайлов вместо знаков препинания (прив=)как дела?)
- 7) Написание имён собственных с маленькой буквы (маха, мы с тобой)
- 8) Неверное написание -тся и -ться в глаголах (хочеться есть)

Анализ ошибок позволяет сделать вывод о том, что пользователи Интернета допускают огромное количество ошибок. И эти ошибки можно классифицировать по двум группам:

1. Неграмотность обыкновенная.

Некоторые люди не ознакомились с правилами орфографии и не знают как пишется то или иное слово.

2. Неграмотность нарочитая.

Неграмотность в этом случае возведена в ранг достоинства. Слова печатаются так, как они слышатся и произносятся («дефачка»), звонкие согласные меняются на глухие, А на О, и наоборот, (например, «кросафчег», «с празднегом», «превед»). Такое написание слов называется «олбанским языком». Очень часто владение таким языком показывает

принадлежность человека к громадному сообществу Интернет-общения, в котором он «становится своим» лишь потому, что коверкает русский язык по определенным правилам.

Для выяснения отношения пользователей Сети к проблематике использования Интернет – сленга и его влияния на практическую грамотность, был проведён опрос – анкетирование среди пользователей различных форумов, блогов, социальных сетей и т.д.

Первый вопрос анкеты задавался с целью выяснить какое количество свободного времени занимает Интернет – общение у пользователей за один день. 37,2% респондентов отметили, что их времяпровождения в сети Интернет занимает более 5 часов в сутки. 30, 25% пользователей отметили 3-5 часов. 27,9% - 1-2 часа, и всего 4,65% отметили, что используют виртуальное общение за день менее часа.

Эти данные говорят о том, что действительно, коммуникация через сеть Интернет занимает важное место в жизни многих пользователей, оно отнимает значительное количество времени и в последствие, естественно, оказывает определённое влияние.

Второй вопрос задавался он с целью определить на каких сайтах удобнее всего общаться пользователям, и на каких они проводят большее количество времени. Как выяснилось, самой большой популярностью среди русского Интернет - сообщества пользуется социальная сеть «Вконтакте», так же некоторые отмечают приложение для публикации фотографий «Instagram», реже можно встретить различные форумы как «Telegram».

Третий вопрос несёт цель выяснить, сокращают ли слова пользователи сети в процессе виртуального общения. 72,1% указали, что чаще всего да, 18,6% делают это изредка, и 9,3% отметили, что почти во всех случаях употребляют слова полностью. Благодаря этому вопросу, мы выяснили, что большинство использует сокращения, которые в свою очередь являются составляющим элементом Интернет-сленга.

Четвёртый вопрос нёс предназначение выяснить на сколько распространён Интернет – сленг. 46,5% респондентов отметили, что активно его употребляют, 32,5% указали, что используют его иногда, а 20,9% утверждают, что не пользуются им вовсе. Это подтверждает тот факт, что действительно Интернет – сленг приобрёл большие масштабы и активно используется среди пользователей Сети.

Далее стоит выяснить, как именно активное употребление виртуального жаргонизма влияет на практическую речь. В этом и заключался пятый вопрос, который звучал так: «Испытываете ли Вы затруднения при выражении мысли в устной речи?». Чёткий ответ «Да» дало лишь 2,32% респондентов, ответ «Иногда» указало 60,46%, а ответ «Нет» - 37,2%. Полученные данные позволяют уже судить о том, что проблема стоит остро и связь между активным употреблением Интернет – сленга и скудностью выражения мысли существует.

Шестой вопрос преследовал цель выяснить, переносится ли Интернет – сленг на устную речь для выражения своих мыслей. 23,84% указали, что активно используют Интернет – сленг в живом общении, 25% ответили, что не используют его в устной форме. А 51,16% отметили, что иногда разбавляют им обычные фразы. Эти данные подтверждают, что действительно Интернет – сленг влияет на речь и язык пользователей, так как проникает и в повседневную жизнь.

Далее было бы целесообразно узнать мнение самих пользователей о том, влияет ли употребление Интернет-сленга на их практическую грамотность. 51,17% уверены, что да, 48,83% убеждены, что это никак не вредит их речи. Всё таки большее количество признаёт негативные стороны такой формы общения.

Если негативный фактор действительно признаётся, но всё равно Интернет – сленг продолжает распространяться, тогда возникает логический вопрос, могут ли пользователи отказаться от использования всевозможных сокращений, аббревиатур и т.д. при общении в социальных сетях. Так и звучал вопрос номер 7. 51,17% респондентов уверены, что им не составит труда использовать только лишь правильную русскую речь, 48,83% отметили, что уже не смогут общаться без Интернет – жаргонизмов.

Девятый вопрос был полуоткрытым, имелся ряд вариантов ответов, но при этом предполагался свой. Цель вопроса была выяснить причину употребления Интернет – сленга. Из возможных предложенных вариантов 60,49% отметили, что использование всевозможных жаргонизмов, аббревиатур и т.д. экономит время написания сообщения, 6,97% отметили, что используют такой вид общения, так как это модно и молодёжно. 13,95% утверждают, что это помогает им яснее и точнее выражать свои эмоции. Остальные респонденты написали свой вариант ответа, из которых 2,32% утверждают, что так им комфортнее общаться и выражать свои мысли, 4,65% не используют это вовсе и не могут предположить причины его употребления.

Так же встретился ответ, который заключался в том, что человеку просто нравится так общаться, так же была часть респондентов, которая затруднялась ответить и объяснить причины вот такого способа общения.

С помощью анализа переписок на различных сайтах, прочтения литературы и проведении анкетирования, можем сделать следующий вывод:

- Интернет-сленг активно употребляется при общении в сети Интернет.
- Употребление Интернет-сленга переносится в реальную жизнь и активно употребляется в устной речи пользователей сети.
- Интернет-сленг негативно влияет на речь, снижает грамотность, способствует неумению чётко и правильно излагать свои мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Буторина Е.П.** Пространство деловых культур «Русского Интернета» / Е.П. Буторина. Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. - № 5. – С. 30-34.
2. **Виноградова Н.В.** Компьютерный сленг и литературный язык: проблемы и конкуренции / Н.В. Виноградова // Исследования по славянским языкам. Корейская ассоциация славистов. – Сеул, 2001.
3. **Горошко Е.И., Жигалина Е.А.** Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное / Е. И. Горошко, Е. А. Жигалин // Вопросы психолингвистики. М., 2014. – С. 286-292.
4. **Копылов В.И.** «Общение в Интернете» / В.И. Копылов. Изд-во: АСТ, 2005. – 175 с.
5. **Плешаков В.А.** Виртуальная социализация как современный аспект квазисоциализации личности / В. А. Плешаков // Проблемы педагогического образования. Сборник научных статей. Вып. 21. /Под ред. В. А. Слестёнина, Е. А. Левановой. – М.: МПГУ – МОСПИ, 2005. – С. 48 – 49.
6. **Трофимова Г.Н.** Языковой вкус интернет-эпохи в России: Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. – 2-е издание, исправленное и дополненное / Г. Н. Трофимова. – М.: Изд-во РУДН, 2008. – 300 с.

УДК 811.161.1*27(470.325)

Курмакаева Н.П.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ДИСКУРСНЫЕ МАРКЕРЫ СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматриваются основные факторы формирования современной региональной языковой личности и выявляются ее дискурсные маркеры на примере региональной языковой личности Донбасса, изучение которой начинается в рамках разработки донецкого региолекта. Отмечается важность этапов социализации и инкультурации индивида, особенно в период школьного обучения и усвоение знаний и представлений о культурно-языковом своеобразии региона проживания.

Ключевые слова: дискурсные маркеры, региолект, региональная языковая картина мира, региональная языковая личность.

The article considers the main factors of formation of the modern regional language personality and identifies its discourse markers on the example of the Russian language personality of Donbass. The importance of the stages of socialization and inculturation of the individual is noted, especially in the period of school education. Much attention is paid to the issues of mastering knowledge and ideas about the cultural and linguistic originality of the region of residence.

Key words: discourse markers, regional dialect, regional language picture of the world, regional language personality.

В современном довольно полноводном потоке многоаспектных исследований по проблеме языковой личности (далее – ЯЛ) наметилось направление по изучению не просто «глубоко национального феномена» ЯЛ, а индивида, социализированного и инкультурированного в условиях регионально отмеченной среды, наделенного «региональным языковым сознанием» [8], «региональной компонентой» [10], «как аспект языковой личности в ее региональной самоидентификации» [3], т. е. нового для лингвистической науки феномена – региональной языковой личности (далее – РЯЛ). О предпочтительности терминов *регион* и *региональный* достаточно убедительно изложено [7, с. 53 – 57] не только с точки зрения географического и территориального членения пространства проживания этноса, но прежде всего с культурологической и языковой, с позиций «личностной идентификации» представителя данного сообщества [7, с. 56].

Как показывают материалы исследований, РЯЛ – это не когнитивная метафора, а вполне сложившийся феномен со своим ментально-лингвальным комплексом, языковым поведением, ассоциативным пространством, со своим мировидением (языковой картиной мира), орудием мышления которой является живая разговорная речь – региолект. Об этом свидетельствуют, помимо уже упомянутых, работы М.В. Власковой, С.В. Гановой, А.С. Герда, Т.А. Голиковой, И.И. Просвиркиной, В.И. Теркулова и др. исследователей.

Специфика современных региональных дискурсивных практик сформирована исторически и в большой степени обусловлена сложившейся культурой, в которой социализируется и живет индивид. Если культуру понимать как некую цивилизацию, «человеческую среду, всё то, что <...> придает человеческой жизни форму и содержание <...>, сложный комплекс представлений, организованных в кодекс отношений и ценностей» [2, с. 171], то матрицы этой цивилизации (в виде языковых элементов в том числе) оказываются заложенными в поколения и передаются от одного к другому. Общественный характер культуры, присущий нашей славянской цивилизации, и матричное сознание (в духе Э. Сепира) – это то, что вполне убедительно выявляется на уровне региональных культурных слоев, т.е. той части общего культурного пространства

нации, которая непосредственно окружает человека. Индивид, как социальная личность, инкультурируется путем присвоения системы ценностей того социума, в котором существует, и входит в «свою» культуру. Одновременно он может и влиять на изменения, трансформацию этой системы через внедрение (навязывание) образов индивидуального осмысления мира в общественное сознание. В науке обычно рассматривается усредненная, типическая, узнаваемая личность, в достаточной мере наделенная теми признаками, которые являются ключевыми для ее характеристики.

Цель данной статьи – выявить основные факторы формирования современной региональной языковой личности и ее дискурсные маркеры на примере РЯЛ Донбасса.

На формирование РЯЛ влияют различные факторы, причем как экстралингвистические, так и внутриязыковые. В результате этих влияний формируется некая региональная языковая картина мира, специфичность которой эксплицируется через систему особых дискурсных маркеров, позволяющих вычленивть РЯЛ из категории «своих», но «других своих». Так, в числе ведущих факторов называют окружающую «наглядную действительность» как «невербальные проявления социокультуры в языковой среде», «непосредственное речевое воздействие», «социокультурные стереотипы общения», «стихию живого языка» [7, с. 29] и ряд других. Рассмотрим эти и другие факторы в приложении к Донбассу и к формированию РЯЛ Донбасса.

Фактор 1. Окружающая «наглядная действительность». О ее влиянии на формирование РЯЛ красноречиво свидетельствуют письменные источники прошлого. Вот какую картинку убогой жизни шахтерского края конца XIX – первой половины XX века дает К. Паустовский: *«Теперь от прошлой Юзовки не осталось и следа... Тогда же это был беспорядочный и грязный поселок, окруженный лачугами и землянками. Скопления этих землянок назывались по-разному: Нахаловка, Собачевка, Кабыздоховка. Мрачный юмор этих названий лучше всего определял их безрадостный вид»*. Языковая память жителя Донбасса до наших дней сохранила подобные урбанонимы как напоминание о тех временах. Почти в каждом шахтерском городе есть свой *Шанхай*, свои *Соловки*, свои «говорящие» жилые объекты. Однако в сопоставлении со старыми новые названия микрорайонов Донецка: *Широкий, Солнечный, Голубой, Мирный, Раздольный*, а также объектов современной городской инфраструктуры: *Донбасс-арена, Донецк-сити, Шахтар-плаза, Арт-Донбасс* – это не только «визитная карточка» другой социокультурной эпохи, это, среди прочих, дискурсный маркер и интеллектуальное мерило современной РЯЛ, которая при этом является носителем и хранителем уникального регионального ономастикона. А он впитал в себя культуру и историю не одного этноса (вспомним некоторые современные известные местные онимы разных

групп: *кафе «Кальмиус», коктейль «Кальмиусский», пиво «Сармат»; комбинат «Старобешевский», завод «Харьковский», музей «Юзово», семечки «Юзовские»* и др.).

Фактор 2. «Непосредственное речевое воздействие», «социокультурные стереотипы общения», «стихия живого языка». Имеется в виду систематическое и последовательное «впитывание» индивидом всей вербальной информации из окружающего мира, весь аудиоряд, в котором дискурсным маркером необщенационального становятся специфические лексемы (*гарбуз* – тыква, *жерделя* – абрикос, *жужалка* – остатки сгоревшего угля, *насыпать (борца)* – налить; *сёрпать* – шумно хлебать, *хершик* – бутылка (1,5 л.), и др.); их морфолого-синтаксические формы (*игратся* вместо *играть*, *скупился за юшкой* вместо *соскупился по бульону*; *дивлюсь с вас* вместо *удивляюсь вам*); ненормативное словообразование (*бабский* – бабий, *вырубивать* – вырубать, *гуска* – гусыня, *досточка* – дощечка, *кутенята* – кутята, *лодарька* – ленивица, *морква* – морковь, *поманул* – поманил, *свекруха* – свекровь, *свинячий* – свиный, *щавлевый* – щавелевый и др.); местная фразеология: *байдыки бить* – бездельничать, *губы копылить* – сердиться или обижаться, *паморки, баки забивать* – морочить голову, *с террикона свалиться* – с луны свалиться, а также ряд других признаков, которые глубоко и подробно изучаются на уровне лингворегиеоноведения.

Некоторое количество наиболее часто встречающихся в речи дончан отступлений от современных норм (в том числе маркирующих донецкий региолект) собрано и проанализировано в брошюре Г.И. Рихтера [9]. Например, ученый пишет: «В Донбассе на городском транспорте то и дело слышишь: *вы встааете, я встаю* [с. 6]; *Где ты дел книгу, где делись ключи* [с.7]; *Не стоит с ними заводиться*. Так говорят многие в Донбассе, имея в виду «не стоит вступать в пререкания, не стоит связываться» [с.7]; Если вы в Донбассе спросите в магазине у покупателей: «*Кто последний?*» — вам ответят подчеркнуто, с чувством превосходства и явно поправляя вас: «*Я крайний*» [с. 9]; В Донбассе номера трамвайных маршрутов принято называть *марками*. Такое употребление слова *марка* — узкий провинциализм [с. 9]» и др. Следует сказать, что речевая ситуация за прошедшие 60 лет не слишком изменилась: срабатывают стереотипы речевого поведения, от старшего поколения речевые штампы передаются младшему. Так складывается специфический региональный речевой дискурс со своей когнитивной базой, которая в отличие от общенациональной, претерпела некоторую качественную переработку под влиянием а) русских диалектов, б) украинского языка и его диалектов, в) профессиональных жаргонов шахтеров, металлургов и т.п.

Вообще разговор о факторах формирования РЯЛ следует начинать с процесса социализации индивида, поскольку человеческие способности формируются в самом этом

процессе; «в процессе социализации осуществляется трансляция культуры, и именно трансляция культуры представляет собой “содержание” процесса социализации» [5, с. 44]. Человек рождается и воспитывается в семье, которая уже имеет сложившиеся традиции – культурные, поведенческие, языковые, переданные ей предшествующими поколениями, и ребенок их впитывает. В детстве складываются основные представления об окружающем мире и вербализуются на уровне примитивной наивной языковой картины мира, которая может содержать весьма своеобразные приметы регионального дискурса. Приведем пример из подслушанного разговора взрослого с 6-летним ребенком (Донецк): – *Вырастешь – шахтером станешь?* – *Нет, у меня дедусь шахтер, а баба Галя говорит: хватит нам одного слуги Шубина.* – *Не понял, какого Шубина?* – *Ну ты что, не знаешь, кто хозяин шахты?*

Диалог является показательным в плане дискурсной реализации стойкого народного (шахтерского) поверья о том, что в шахте живет горный дух, хозяин шахты, Шубин, незримо присутствующий во время работ и якобы нередко помогающий шахтерам избежать трагедий либо, наоборот, жестоко наказывающий за пренебрежение к нему. В шахтерских семьях легенды о «добром Шубине» усваиваются с детства и, соответственно, включаются в коммуникативный бытовой дискурс. Тем самым индивид получает доступ к конвенциональной, выработанной данной культурной традицией региональной картине мира, т.е. овладевает системой концептов и стереотипов окружающей ближайшей к нему реальности.

Затем наступает период образовательный – школьного обучения, тоже очень важный, процесс усвоения и овладения научными знаниями, накопления в том числе и языкового опыта объективирования действительности. Происходит выработка навыков практического использования накопленных знаний, системы значений, концептов, кодовых маркеров. В этот период индивид уже осмысленно усваивает общенациональное и частнорегиональное, учится дифференцировать разноуровневые картины мира и средства их вербализации.

Необходимо согласиться с Т.А. Голиковой в том, что «региональный язык ни в коем случае не сводим к совокупности регионализмов, под которыми обычно понимаются слова различных сфер функционирования, зафиксированных только в памятниках отдельных территорий», а также слова, демонстрирующие «нерегулярные отклонения, противопоставляющие обиходно-разговорную речь разных регионов государства». Его даже нельзя, по мнению ученого, сводить «к совокупности этнотекстов данного этноса». «Региональный язык – это система всех языковых механизмов, обеспечивающих порождение и понимание речи в данном регионе» [4, с. 81].

В период школьного обучения языку индивид должен усвоить не только нормативную базу современного русского литературного языка в его письменном и устном вариантах, но и его региональную компоненту, разработка и реализация которой предусмотрены при изучении предмета «русский язык» в государственном стандарте образования на уровне национально-региональной составляющей. Методисты отмечают, что «обучение русскому языку в школе рассматривается не просто как процесс овладения определенной суммой знаний о русском языке и суммой соответствующих умений и навыков, а как процесс речевого, речемыслительного, духовного развития школьника в результате его активной речевой деятельности» [1, с. 6]. Соответственно, антропоцентрическая научная парадигма обусловила внедрение в школьную практику обращения к живому народному слову, к богатству и выразительности народных изречений, к веками создававшейся культуре региона проживания ученика с целью формирования у школьников адекватной национальной языковой картины мира, которая складывается из частных, в числе которых важное место занимает региональный сегмент. Большие перспективы в этом плане видятся во внедряемом в систему образования направлении – регионоведение (краеведение). Школа, писал А.И. Солженицын, «должна расти из русской культуры, из русской истории, из краеведения», именно в этом видел писатель «корневую основу» современного образования.

Поэтому немалозначимым фактором формирования современной РЯЛ следует считать уровень и качество получаемых (полученных) в результате обучения объективных знаний, совокупность которых «представляет собой некоторую определенным образом структурированную и иерархизированную систему» [5, с. 52], например: географические названия (*Дикое поле, Великоанадолье, Хомутовская степь*), социокультурные объекты (*монумент Саур-Могилы, музей Арт-Донбасс, Пальма Мерцалова*), исторические факты (*Донецко-Криворожская республика*), региональная персонификация (*Артем, Макар Мазай, Паша Ангелина, Вадим Писарев*), художественные тексты («*Живет Донбасс!*», «*Всем смертям назло*»), их авторы и герои (*Павел Беспощадный, Владислав Титов; Сергей Петров, молодоговардейцы*), прецедентные тексты (*Донбасс никто не ставил на колени и никому поставить не дано*), народные наименования мест и объектов (*Ветка, Ларинка, Смолянка*) и мн. др.; об этом более подробно в нашей статье [6]).

Отметим также важность формирования (сформированности) социальных (коллективных и индивидуальных) представлений о жизни и культуре региона, понимаемых как «чувственные впечатления» (В.В. Красных), как «система действий, идей и ценностей», направленных на осмысление социального, материального и идеального окружения, как система оценок, коннотаций, отношений к тем или иным явлениям

действительности. Более того, сложившиеся представления выступают мощнейшим фактором воспитания РЯЛ, выработки в ней убеждений, жизненных принципов, стереотипов поведения и мировосприятия, таких, как: национальное самосознание, трудолюбие, упорство, смелость, отвага, патриотизм, коллективизм, инициативность и др. Так, показательными могут быть сложившиеся в дискурсивной практике донбассовцев паремии: *Горняцкая дружба крепка не лестью, а правдой и честью; Клевета что уголь: не обожжет, так замарает; Закон шахтерский не забудь: стыдись работать как-нибудь* и др.

Следует отметить, что для РЯЛ сформированная система представлений как ценностных ориентиров имеет не меньшее значение, а порой и большее, чем знания. Любопытно, что В. В. Красных, рассуждая об этих факторах в отношении ЯЛ вообще, приводит в доказательство пример с личностью Стаханова: «Опросы показывают, что Стаханов воспринимается как герой, как фанатик и как “дугая фигура”» [5, с. 59]. Это значит, что представления о ценностях реальных и мнимых формируются социумом и могут в разное время или даже в разных регионах по-разному восприниматься. Донбасс не исключение. Однако очевидно и то, что в народной памяти жителей Донбасса Алексей Стаханов продолжает оставаться положительным образом, олицетворением трудовой отваги, хотя по прошествии времени его имя, ставшее прецедентным, включается в речевой дискурс не без доброй доли шутки, например: *А работать за тебя Стаханов будет?* или: *Ну ты Стаханов!* Возможно, только на народных гуляниях в глубинке Донбасса еще поют частушки о шахтерах-стахановцах: *Ты стахановец на шахте, / все берут с тебя пример. / Институт закончишь скоро, / станешь в шахте инженер.*

В этой связи наглядным примером положительных перемен в коллективном сознании пока на уровне представлений (своеобразным фактором формирования нынешнего молодого поколения РЯЛ Донбасса) является предпринимаемая попытка возврата в региональную картину мира забытых образов молодого поколения, о чьем подвиге практически не знает учащаяся молодежь региона. И здесь очень важно сбалансировать знания и представления, чтобы избежать повторной коммуникативной неудачи, а по сути социального конфликта; создать условия, чтобы превалировал рациональный анализ над эмоциями и субъективными оценками.

Таким образом, важнейшим фактором формирования современной РЯЛ вообще и РЯЛ Донбасса в частности является уровень и направленность школьного образования. Вероятно, по примеру российских регионов, включивших в свое время в программы такие модульные курсы, как Московведение, Белгородоведение и др. краеведческие дисциплины, стоит подумать о Донбассоведении с целью получения нашими учащимися

комплексных знаний и сведений о культурно-языковой уникальности своей малой родины, а главное – об уникальности её персониферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова О.М. Становление содержания школьного курса русского языка в современной России: к проблеме стандартизации содержания обучения / О.М. Александрова, Ю.Н. Гостева // Русский язык в поликультурном мире: X Международная научно-практ. конф-ия: сб. науч. статей. В 2-х т. / отв. ред. Е.Я. Титаренко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. – Т. 2. – С. 3 – 11.

2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.

3. Ганова С.В. Концептуализация ойконимов в сознании региональной языковой личности: автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.02.01 / С.В. Ганова. – Кемерово, 2013. – 24 с.

4. Голикова Т.А. К вопросу о сущности регионального языка / Т.А. Голикова // Актуальные проблемы филологии. Барнаул, 1998. – С. 77–81.

5. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.

6. Курмакаева Н.П. К вопросу о структуре региональной языковой личности и принципах ее формирования / Н.П. Курмакаева // Вестник ДонНУ. Серия Д. Филология и психология. – Донецк: ДонНУ. – 2018. – № 1. – С. 9–14.

7. Опыт аспектного анализа регионального языкового материала (на примере Белгородской области) / кол. моногр.; под ред. Т.Ф. Новиковой. – Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2011. – 228 с.

8. Просвиркина И.И. Региональное языковое сознание как основа модели региональной языковой личности / И.И. Просвиркина // Вестник Оренбургского гос. ун-та. Сер. Языкознание. – 2005. – № 11. – С. 106–107.

9. Рихтер Г.И. Нормы литературной речи, по преимуществу разговорной / Г.И. Рихтер. – Сталино: Сталинское обл. изд-во, 1958. – 30 с.

10. Харченко В.К. Регионоведческая компонента в структуре языковой личности / В.К. Харченко // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: Материалы II Международной научно-практической конференции. – Белгород, 2017. – С. 81–85.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

В статье рассмотрены актуальные вопросы исследования текста в отечественной и зарубежной лингвистике. Проанализированы научные взгляды на определение текста и его категорий. Дана характеристика устной и письменной формам существования текста. В работе освещены понятия стилистического и экспрессивного синтаксиса, а также аспекты, которые он охватывает

Ключевые слова: предложение, текст, синтаксис, стилистический синтаксис, экспрессивный синтаксис.

Scientific views on defining of the notions of the text and its categories are analyzed. The characteristics of such features of artistic texts oral and written forms of the text are characterized. Peculiarities of artistic text syntax and its relevance are investigated. The notions of stylistic and expressive syntax and its aspects are revealed.

Key words: sentence, text, text categories, syntax, stylistic syntax, expressive syntax.

На сегодняшний день вопрос текста можно считать одним из самых изучаемых в языкознании, а проблема текста относится к приоритетным для отечественной и зарубежной лингвистики начала XXI века. Проблема текста имеет много аспектов. Одним из направлений ее лингвистического анализа является изучение особенностей прагматического потенциала текста и его экспрессивности. Актуальность нашей статьи обусловлена тем, что текст, способы его композиционной и смысловой организации с учетом основных категорий и лексико-грамматических средств занимают важное место в современном языкознании. Особое внимание ученых привлекают прозаические художественные тексты, которые определяются богатством стилистических и экспрессивно-синтаксических средств. Детальное их исследование дает возможность выяснить и осветить целый ряд актуальных вопросов, начиная от способов организации связного текста и заканчивая определением индивидуального авторского стиля художественных произведений.

Цель статьи заключается в том, чтобы выяснить состояние изучения лингвостилистики текста и экспрессивного синтаксиса в современном языкознании. В течение длительного времени для большинства лингвистов предметом изучения были предложения и высказывания, образующие как письменные, так и устные тексты. В 70-х

годах XX в. ученые пришли к выводу, что основной единицей речи является не предложение, а текст. Предложение является лишь частным случаем, разновидностью текста.

В связи с тем, что текст стал рассматриваться учеными как самая высокая единица языка, возникла необходимость исследования синтаксиса текста, или синтаксиса сверхфразового единства. Следует отметить, что до сих пор учеными не выделено единого всеобъемлющего понятия «текст». На начальных этапах исследования проблемы О.С. Ахманова рассматривает текст как «речевое образование, зафиксированное на письме» [1, с. 470]. Позже этот термин означает уже не только акт речи, «последовательность вербальных знаков» [9, с. 456], но и «объединенную смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которых являются связность и целостность» [9, с. 456]. Л.Г. Бабенко определяет текст как реализацию «всех языковых единиц (от фонемы до предложения), что является сложным языковым знаком» [2, с. 12]. Эта же мысль по тексту как сложного знакового образования прослеживается в трудах других лингвистов [3, 7]. М.Ю. Лотман рассматривает текст на синтагматическом уровне как структурное целое. В.А. Кухаренко, анализируя понятие текста, отмечает, что он не является «хаотическим нагромождением единиц различных языковых уровней», а представляет собой «упорядоченную систему, в которой все взаимосвязано и взаимообусловлено» [8, с.122]. Подобного мнения придерживается Н.С. Валгина, которая считает текст завершенным структурным целым и определяет его как «объединенную по смыслу последовательность знаковых единиц, основными свойствами которых является связность и целостность» [4, с.72]. У. Хендрикс обращает внимание, что грамматические отношения существуют вне предложения, и проводит параллель между понятиями «анализ дискурса», «лингвистика текста» и «стилистика» [14, с. 172]. Итак, все ученые сегодня рассматривают текст как смысловую и завершенную структуру. Соответственно, определяются такие свойства текста, как «конструктивная организованность, внутренняя и внешняя форма», «целостность, связность и завершенность» [6]. Очевидно, что обе группы категорий взаимообусловлены и не могут существовать отдельно, поскольку характеризуют текст с разных сторон: первая рассматривает его как лингвистический объект, а вторая – как объективную действительность. Несмотря на то, что текстовые категории активно исследуются учеными, многие из них еще не получили полного и бесспорного освещения. Это, как и определение содержания понятия «текст», остается основной проблемой лингвистики текста. Очевиден тот факт, что текст по своей природе является многоплановой структурой, поэтому это понятие имеет многочисленные классификации, характеризующие его с разных сторон. По форме речевой презентации

тексты разделяют на устные и письменные. В частности, Д.Е. Розенталь [12, с. 553] и О.С. Ахманова [1, с. 470] придерживаются точки зрения понятия «текста» как письменного образования. И.Р. Гальперин утверждает, что текст – это «порождение письменного варианта языка» [5, с. 5].

Синтаксис художественного текста занимает ведущее место в лингвистических исследованиях уже много десятилетий. Категория экспрессивности взаимодействует со структурными и семантическими категориями текста. Соответственно, возникает проблема соотношения стилистического или экспрессивного, синтаксиса и семантики. Экспрессивный синтаксис исследует М.Ю. Глазкова [6], которая отмечает, что экспрессивность является лингвистической категорией, которая реализуется в языке и речи и представляет собой совокупность признаков языковой или речевой единицы, а также целого текста. Ученые также утверждают, что нет четко выработанных устойчивых понятий и их дефиниций, категорий, которые отражали бы уровень синтаксической лингвостилистической абстракции. Есть однозначности в применении методов стилистического анализа в сфере синтаксиса. В то же время ученые соглашаются, что именно сфера синтаксиса, сфера предложения раскрывает широкие возможности для передачи смысла, синтеза новых значений в предикативных единицах.

Изучение степени «яркости», «экспрессивности» синтаксических структур – одно из направлений современной аналитической стилистики. Их анализ требует особых методов, отличия от анализа грамматических значений и структурного синтаксиса. Такие исследования стилистического синтаксиса являются приоритетными для современной лингвистики текста, поскольку многие вопросы синтаксической организации остаются на сегодня дискуссионными. Исследование проблемы текста и экспрессивного синтаксиса является важным и перспективным в современном русском языкознании.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
2. **Бабенко Л.Г.** Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. — М.: Флинта; Наука, 2005. – 496 с.
3. **Брандес М.П.** Стилистика текста. Теоретический курс: [учебник] / М. П. Брандес – М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. – 416 с.

4. **Валгина Н.С.** Теория текста / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
5. **Гальперин И.Р.** Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М: Ком Книга, 2006. – 144 с.
6. **Глазкова М.Ю.** Экспрессивный синтаксис в современной публицистике (на материале русскоязычных и англоязычных общественно-политических статей): автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.19/М.Ю. Глазкова, Педагогический институт ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет». – Ростов-на-Дону, 2010. – 20 с.
7. **Корженский Я.** Прагматический компонент и вопросы теории текста / Я. Корженский // Синтаксис текста. – М.: Наука, 1979. – С. 68 – 77.
8. **Кухаренко В.А.** Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
10. **Леонтьев А.А.** Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации / А.А. Леонтьев // Синтаксис текста. – М.: Наука, 1979. – С. 18 – 36.
11. **Лотман Ю.М.** Структура художественного текста // Ю. М. Лотман. – СПб.: «Искусство – СПб», 1998. – 359 с. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/lotman/papers/sht/>.
12. **Розенталь Д.Э.** Словарь-справочник лингвистических терминов / Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. – М., 2001. – 624 с.
13. **Тураева З.Я.** Лингвистика текста (Текст: Структура и семантика): [учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.»] / З. Я. Тураева. – М.: Просвещение, 1986. – 127 с.
14. **Хендрикс У.** Стиль и лингвистика текста / У. Хендрикс // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 9. Лнгвостилистика / Отв. ред. И. Р. Гальперин. – М.: Прогресс, 1980. – 430 с.

СТЕРЖНЕВЫЕ ТЕРМИНОСОЧЕТАНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Изучены работы последних лет относительно происхождения, строения и функционирования терминологических единиц в текстах разных жанров научного стиля, в частности в текстах научно-технического подстиля. Конкретизированы различия взглядов исследователей. Установлены типичные модели терминологических словосочетаний в научно-техническом тексте. Охарактеризованы особенности оформления их компонентов. Теоретически обосновано существование семантических границ терминологического словосочетания в научном, научно-техническом тексте.

Ключевые слова: научно-технический текст, терминологические единицы, границы терминологических единиц.

We studied the work of recent years regarding the origin, structure and functioning of the terminological units in the texts of different genres of scientific style, particularly in the texts of scientific and technical sub-genres. Concretized differences of views researchers. Established the typical model of terminological phrases in scientific and technical texts. The features of the processing of their components. Theoretically substantiated the existence of semantic boundaries terminological phrases in the scientific, scientific and technical texts.

Keywords: scientific and technical text, terminology unit, border terminological units.

Изучение специализированных изданий разных жанров научного стиля и особенно научно-технического подстиля дает основание говорить о том, что в числе существенных проблем развития украинского языка наблюдается недостаточная сформированность языка специальности. Прежде всего, мы имеем в виду функционирование терминов и терминологических словосочетаний в текстах разной жанровой принадлежности. Поскольку терминологические единицы являются исходной базой для построения коммуникативно значимых компонентов текста, они привлекают внимание и специалистов конкретной отрасли знаний, и лингвистов, которые исследуют современное состояние развития языка.

Анализ лингвистических исследований последних лет дает основание утверждать, что внимание ученых привлекали вопросы создания терминов за счет использования префиксов и суффиксов как собственных, так и заимствованных (О.Медведь, Л. Козак, З. Корженко и Вас. Корженко, А. Сметана и др.), заимствования (Л. Петрух, Р. Гильченко, Г. Чепуре). Кроме того, в центре внимания исследователей были вопросы изучения

терминов как когезионных средств (С. Рыбачок), многозначность термина как отражение наращивания новых знаний в его семантической структуре (Я.Яремко), метафоризация терминов в области машиноведения (Л. Масенко, О. Кримец), использование прилагательных (Е. Карпиловская), функционирование отглагольных прилагательных, которые обозначают предназначение или способность субъекта выполнять действие (М. Гинзбург), использование терминов-синонимов (Т. Михайлова), антонимичные отношения на материале терминов в области холодильной техники (О. Южакова), лексико-семантические характеристики терминов: паронимы в горной отрасли (О. Колган), строение терминов: композиты (И. Лях, В. Рудый) на материале немецкой терминологии горного дела.

Вопросам терминоведения в украинском языке посвящено значительное количество исследований. В них по-разному освещаются проблемы создания терминов, в частности анализ количества компонентов терминологических единиц (например, О. Медведь, О. Чуешкова и др.). Как правило, ученых интересовал вопрос выявления продуктивных моделей терминологических единиц у конкретных отраслях гуманитарных или естественных знаний. Чаще всего такими моделями терминологических словосочетаний оказывались двух- и трехкомпонентные. Значительно меньше внимания было уделено учеными изучению особенностей использования многокомпонентных терминов. Например, к таким малочисленным исследованиям малопродуктивных, многокомпонентных терминологических словосочетаний относятся работы Т. Мачай (разные отрасли научно-технического подъязыка, где их количество составляет 5,47%) и О. Чуешковой, которая анализирует экономическую терминологию, где общее количество указанных единиц составляет 6%.

В современных исследованиях фиксируются различные мнения ученых относительно многокомпонентных терминологических словосочетаний. Одни (например, В. Даниленко и др.) считают создание таких громоздких терминов носителями языка – специалистами ненормативным явлением. Однако, фиксацию этого явления осуществляют многие ученые (А. Загнитко, К. Авербух и др.). Пути решения этого вопроса предлагают разные. В. Лейчик [2] считает, что численный состав любого термина можно определить с помощью статистических методов, а О. Чуешкова утверждает, что конкретного ответа на этот вопрос вообще не существует [5, с. 98].

Некоторые ученые утверждали, что в границах научного, в частности научно-технического текста, функционируют преимущественно многокомпонентные терминологические словосочетания. Поскольку именно использование многокомпонентных терминологических словосочетаний, которые могут иметь четыре и

больше компонентов, в научно-техническом тексте позволяет автору уточнять, конкретизировать любое новое явление, понятие или техническое изделие.

Актуальность выполненного исследования состоит в попытке ликвидировать недостаточное изучение особенностей состава и границ, а также особенностей функционирования терминологических единиц, выступающих в специализированном научно-техническом тексте стержнем организации его содержательной информации.

Цель выполненной работы – теоретическое обоснование прогнозируемости границ стержневых терминологических единиц, которые функционируют в научно-техническом тексте и несут основную смысловую нагрузку в таком специализированном тексте.

Для терминологических номинаций чрезвычайно существенно, насколько прозрачна их структурная организация, так как они играют большую роль в передаче содержательной информации научно-технического текста.

Анализ массива стержневых терминологических единиц, изучение их состава позволяет отметить значительное преимущество в их составе словосочетаний (63,04%). Среди них преобладают двухкомпонентные аналитические формы – 51,48%. Например: *природний газ (ХТ)*, *втомні тріщини (МТ)*, *великогабаритні опори (ЕСП)*, *упорний підчипник (МС)*.

Ни специальность, ни профессиональное направление, как свидетельствуют наблюдения, не имеют значительного влияния на строение ключевых терминов.

Широкое использование в составе научно-технического текста стержневых терминологических словосочетаний, которые имеют в своем составе атрибутивные компоненты, обусловило интерес к изучению особенностей их функционирования в составе терминологических единиц.

Изучение лингвистических характеристик терминологических единиц научно-технического текста в форме терминологических словосочетаний позволяет утверждать, что в их продуктивных реализациях, независимо от количества компонентов четко прослеживается частотность функционирования компонентов-прилагательных. Терминологические прилагательные встречаются в **двухкомпонентных** словосочетаниях (модель: прилагательное + существительное): *примусове подрібнення (ХТ)*, *струминний лічильник (ХТ)*, *дифузійні хвилі (МТ)*; (модель: прилагательное + устойчивое словосочетание): *екологічні мастильні матеріали (ХТ)*, в **трехкомпонентных** словосочетаниях (модель: прилагательное + прилагательное + существительное): *скловолокнистий композиційний матеріал (ХТ)*.

Функционирование терминологических прилагательных фиксируется и в примерах многокомпонентных терминологических словосочетаний, которые анализируют другие ученые в других отраслях знаний, например, экономической терминологии, исследуя состав соответствующих терминологических словосочетаний: *золотий вміст грошової одиниці, відновна вартість основних фондів* (в четырехкомпонентных терминологических словосочетаниях, модель: прилагательное + существительное + прилагательное + существительное); в пятикомпонентных: *твердий офіційний курс національної валюти* (прилагательное + прилагательное + существительное + прилагательное + существительное); в шестикомпонентных (модель: прилагательное + существительное + прилагательное + существительное + прилагательное + существительное): *інституціональні моделі світового ринку робочої сили* [5, с. 96].

Результаты выполненного нами исследования массива стержневых терминологических словосочетаний, которые функционируют в научных и научно-технических текстах разных специализаций естественных отраслей знаний, позволяют утверждать, что в составе анализируемых единиц имеются атрибутивные компоненты, терминологические прилагательные, реализующие функции **уточнения** и **конкретизации** главного слова в форме существительного-номинатива, его **оценки, предназначенности, состояния** и обозначения общего **свойства**. Этот компонент – терминологическое прилагательное – чрезвычайно важен. Именно введение формы прилагательного и устанавливает семантическую границу в стержневом терминологическом словосочетании, когда реализует этот компонент указанные выше функции в научно-техническом тексте. Например, *твердий сплав – дрібнозернистий твердий сплав (МТ); магнітотверді сплави (МТ)*. Как видим, функцию определения передает трехкомпонентный термин-компонит: реализуется морфологический способ словообразования. Независимо от количества компонентов в терминологических словосочетаниях, формы прилагательного, которые могут передавать как простое определение, так и сложное, выполняют функции конкретизации, уточнения. Например, *стічні води, очищення стічних вод, біологічне очищення стічних вод, звичайне очищення стічних вод, первинне очищення стічних вод (ПЕ и ОНС)*, способствуя нормированному созданию новых терминологических единиц.

Дальнейшее развитие научных идей дает толчок к углубленному изучению семантики прилагательных как основного вида определительных слов в составе терминологического словосочетания. Рассматривая вопрос о том, при каких условиях используется данное слово для той или иной цели, ученые [4] разделяют прилагательные на несколько групп. Прилагательные первой группы, по их мнению, указывают на то, что предмет имеет некоторые свойства, которые способны вызвать эмоции, а прилагательные

второй группы входят в описание. Кроме того, выделяют отдельную группу прилагательных, которые обозначают свойства, обуславливающие конкретное действие. Конечно, это разделение условное, поскольку прилагательные одной группы в определенных контекстах могут выступать в функции другой. В этом разделении отразилась, в частности, концепция, когда на первый план выходит функция оценки.

Оценка объекта, прежде всего, связана с его функциями. Оценочный маркер закономерно взаимодействует с другими семантическими признаками слов. Так, слова, в содержании которых имеется признак «артефакт» (*вода, станция*), и слова, в содержании которых имеется признак «природная субстанция» (*вугілля, залізо, деревина*), допускают оценку по способу их **использования**, еще можно дифференцировать по таким категориям: функция, назначение и др.

Предложенный принцип отображает представление о возможности описания значения слов с помощью семантических компонентов с **ограничениями на сочетаемость**. Следует учитывать, что аспект оценки достаточно сложный. Так, *вільна вода* означает не только то, что это природная вода, но и то, что это чистая вода. Аспект оценки включает, очевидно, все компоненты значения, на которые опираются дескриптивные признаки, входящие в оценочный стереотип. Иногда оценочные слова действуют выборочно, и аспект оценки предвидит только некоторые особенности, свойственные стереотипу. При этом образуются устойчивые словосочетания, например: *стічні води, очищення стічних вод, агресивна вода, забруднена вода* і т.ін.

Таким образом, общеоценочные слова замещают определенный спектр частично оценочных признаков, которые входят в стереотипное представление об объекте, сравним: *важка вода, зв'язана вода, тверда вода* и др. Не вызывает сомнений то, что диапазон этих признаков достаточно размытый. С другой стороны, в стереотипных наборах признаков объектов (и соответственно в семантической структуре их обозначений) можна выделить оценочные компоненты и компоненты, которые не имеют отношения к оценке. Такие свойства воды как быть физической жидкостью, иметь текучесть, к оценке отношения не имеют.

При частичной оценке ее аспект определяется тем признаком, который обозначается оценочным словом, сравним: *підживлювальна вода, агресивна вода*. Очевидно, что *агресивна вода* включает целый ряд признаков, *підживлювальна* – только один из них. Значит в структуре «частично оценочный признак – имя объекта» аспект оценки как будто инвертируется, он проявляется не в семантике имени объекта, а в семантике прилагательного. При этом не исключено, что аспект отображается и в значении существительного, однако это не обязательно. Такое свойство частичных оценок

определяет отличие в сочетаемости общеоценочных и частично оценочных слов. Так, существительные, обозначающие объекты, которые не входят в классы сравнения сами по себе и не имеют в своем значении компонентов, указывающих на аспект общей оценки, легко сочетаются с частично оценочными словами. Последние включают их в классы сравнения по указанному признаку, поэтому имеется много имен объектов (обозначений объектов) и явлений, которые не сочетаются с общеоценочными словами. Так, последние подчеркивают в объекте разные аспекты оценки: *відпрацьована вода, забруднена вода, зв'язана вода, біологічне очищення стічних вод*.

Различие между общей и частичной оценкой состоит в том, что общий оценочный признак предвидит определенный спектр частичных признаков, которые входят в оценочный стереотип объекта. В то же время, частично оценочные признаки могут быть как стереотипными, так и не стереотипными. Последние характеризуют объект, опираясь на основу оценки – свойство объекта, что допускает соответствующую квалификацию.

Вопросами исследования оптимальной длины и оптимальной структуры, а также аспекта оценки в семантике стержневых терминологических словосочетаний не исчерпываются особенности их функционирования в научно-техническом тексте. Представляется интересным анализ устойчивых терминологических единиц в их массиве с точки зрения установления и описания тенденций их создания и использования в научно-технических текстах.

Литература

1. **Арутюнова Н.Д.** Об объекте общей оценки / Н. Д. Арутюнова// Вопросы языкознания.1985. №3. – С.32-38.
2. **Лейчик В.М.** Оптимальная длина и оптимальная структура термина/ В. М.Лейчик // Вопросы языкознания. – 1981. – № 2. – С.62-67.
3. **Мачай Т.О.** Особливості будови ключових термінів науково-технічного тексту/ Т. О. Мачай // Гуманітарний вісник Переяслав-Хмельницького держ.педаг.ун-ту ім. Г. Сковороди: Наук.-теор.зб. – Переяслав-Хмельницький. – 2002. – С.33-42.
4. **Мачай Т.О.** Стрижнева терміносполука у науково-технічному тексті та її межі/ Т. О. Мачай // Вісник: Проблеми укр.термінології. – Львів: Нац.ун-т «Львівська політехніка», – 2011, №709. – С.19-24.
5. **Nowell-Smith P.H.** Ethica. / P. H. Nowell - Smith. - Oxford.-1975. – 185с.
6. **Чуешкова О.** Про поняття оптимальної довжини терміна (на матеріалі економічної термінології) / О.Чуешкова // Вісник: Проблеми укр.термінології. – Львів: Нац.ун-т «Львівська політехніка», 2008, №620. – С.95-99

НАРУШЕНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ, ИЛИ НАЦИОНАЛИЗМ В СМИ КАК СРЕДСТВО ВЛИЯНИЯ НА СОЦИУМ

В статье затрагиваются аспекты, связанные с нарушением толерантности в СМИ, а именно проявление речевой агрессии в национализме. Материал иллюстрирует комментарии политических лидеров, депутатов и участников массовых демонстраций. Автор исследует особенности использования в текстах СМИ речевой агрессии, ее влияние на речь в среде политической толерантности между странами.

Ключевые слова: толерантность, интолерантность, речевая агрессия, социум, дискурс.

The article touches upon aspects related to the violation of tolerance in the media, namely, the manifestation of speech aggression in nationalism. The material illustrates the comments of political leaders, deputies and participants in mass demonstrations. The author investigates the use of speech aggression in the media texts, its influence on speech in the context of political tolerance between countries.

Key words: tolerance, intolerance, speech aggression, socium, discourse.

Постановка проблемы. СМИ играют активную роль на формирование отношений между определенными социальными кругами, отдельными личностями и даже народами. Пресса создает и устанавливает в сознании людей ценности, определенные идеи и стереотипы, которые могут разжечь или уничтожить конфликты в социуме. Важнейшую роль в формировании информации в СМИ должна играть толерантность, но зачастую речевая агрессия является способом привлечения интереса к материалу, предлагаемому зрителям или читателям. Национализм в СМИ является прямым доказательством нарушения уважения к мультикультурному обществу и нарушает толерантную коммуникацию среди жителей страны.

Анализ последних исследований. Среди ученых, внесших вклад в изучение проблем толерантности, необходимо назвать такие имена: А.Г. Асмолов, в работе которого были представлены подходы к определению понятия «толерантность» («На пути к толерантному сознанию»); В.Л. Лекторский, выявил различные критерии толерантности как этического феномена («О толерантности, плюрализме и критицизме»); В.В. Шалин, рассмотрел место толерантности в системе либеральных ценностей («Толерантность (культурная норма и общественная необходимость)»); П. Николсон, квалифицировал толерантность как идеал морали («Толерантность как моральный идеал»); Уолцер,

предложил выделять разные степени проявления толерантности личности («О терпимости») и др.

Пути и способы решения задач исследования предполагают определение основных методов, которые использовались при проведении исследования. В данной работе использовались **методы**: метод сравнительного анализа, монографический метод.

Цель работы. Выяснить, как нарушение толерантности с помощью национализма в СМИ влияет на общественное сознание.

Предмет исследования — социальная толерантность и проявление национализма в общении, включающая различные формы терпимости людей во взаимоотношениях друг с другом, выражающиеся в монологической и диалогической речи. **Объект исследования** — современные коммуникации.

Толерантность и интолерантность выполняют важную коммуникативную роль. Дискурсивная функция этих категорий проявляется в процессе общения. И хотя эстетические установки в дискурсе трудно верифицируются, преднамеренно или непреднамеренно передавая информация может быть выявлена. В коммуникативном действии сходятся социальное и психологическое, "происходит перенос приоритета от конвенций языковых к социокультурным"[6, с. 44].

Мультикультурализм означает сосуществование или содействие сосуществованию различных культур в одной стране. Но мультикультурализм может также означать взаимную изоляцию культур. Некоторые расисты верят в своего рода мультикультурализм, который близок к системе апартеида, существовавший в Южной Африке, где различные культуры были жестоко и несправедливо разрознены [7].

«Толерантность – это то, что делает возможным достижение мира и ведет от культуры войны к культуре мира», – так говорится в Декларации принципов толерантности, принятой генеральной Конференцией ЮНЕСКО в 1995 году.

Толерантность – это миролюбие, терпимость к этническим, религиозным, политическим, конфессиональным, межличностным разногласиям, признание возможности равноправного существования «другого» мнения, поведения, точек зрения и т.д. Подобным же образом определяет данное понятие и большинство современных словарей; например, «Большой энциклопедический словарь» под общей редакцией А.М. Прохорова трактует «толерантность» как «...терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению» [5, с. 694].

Более полным представляется определение терпимости, данное в словаре по этике под редакцией А.А. Гусейнова и И.С. Кона: «Терпимость – моральное качество, характеризующее отношение к интересам, убеждениям, верованиям, привычкам и

поведению других людей. Выражается в стремлении достичь взаимного понимания и согласования разнородных интересов и точек зрения без применения давления, преимущественно методами разъяснения и убеждения...». Именно общение и позволяет нам достигать взаимопонимания [3, с. 351].

Нетерпимость (интолерантность) — это неуважение к привычкам и убеждениям (верованиям) других людей. «Нетерпимость» может подразумевать несправедливое обращение с людьми по причине их религиозных верований, различия полов или даже одежды и прически. «Нетерпимость» не приемлет различий и является одной из основ расизма, антисемитизма, ксенофобии и дискриминации. Она часто может привести к насилию [7]. Эта трактовка понятия «интолерантность» является одной из самых распространенных, поскольку она встречалась во многих работах. Соответственно, интолерантность — это неприятие другого человека, враждебное отношение к другому социальному слою или неготовность к сосуществованию с другими (иными) людьми; проявляется через конфликтное, агрессивное поведение.

В русском языке толерантность можно рассматривать в двух аспектах: она понимается, во-первых, как отношение и соотносится со словом терпимость, а во-вторых, понимается как деятельность, поведение, и соотносится со словом ненасилие. Таким образом, толерантность является ядром лингвокультурологического поля, в которое входят все слова, семантически и ассоциативно связанные с терпимостью и ненасилием.

Национализм – это идеология и политика, основа которых – идеи национальной исключительности и национального превосходства, трактовка нации как высшей формы общности. **Национализм** – идеологическая доктрина и политическая практика, направленная на приведение политических границ в соответствие с границами национального сообщества, основанная на идеях национальной исключительности. Современный национализм как идеология выражает политические требования граждан, чьи интересы в повышении социального статуса связываются с национальной принадлежностью. Национализм используется для создания привилегий для лиц определенной национальности или этнической группы. В этом случае создаются основы для сепаратизма, идей этнического и национального превосходства. Национализм рассматривается и как особая форма этнического сознания, содержанием которого является абсолютизация собственной национальной исключительности, соединенная с недоверием к чужим этническим сообществам.

Следует различать патриотизм и национализм. Патриотизм как чувство любви к Отечеству исторически возникает намного раньше национализма. Без патриотического чувства невозможно нормальное и эффективное функционирование народа как

политически организованного сообщества, но патриот своей страны не относится крайне негативно к другим государствам. В национализме главным является этническое начало, именно этнос становится объектом этнического чувства («*Нация – превыше всего! Слава Украине – смерть врагам! Слава Украине – героям слава!*»).

Реализуется национализм с помощью речевой агрессии. Речевая агрессия — это сфера речевого поведения, которая мотивирована агрессивным состоянием говорящего. Можно говорить о двух вариантах проявления случаев речевой агрессии в текстах. Во-первых, автор прямо призывает адресата к агрессивным действиям. Во-вторых, автор подачей предмета речи вызывает или поддерживает агрессивное состояние адресата [6,с. 45].

В ходе исследования было выявлено следующие проявления национализированной речевой агрессии в СМИ:

1. В гимне Украины есть ростки нацизма, одной из форм проявления: «Будем господствовать и мы, братья, на своей сторонке» — если есть господа, то должны быть и холопы «своей сторонке». Исходный текст гимна в 1863 году содержал строки: «*Ой, Богдан, Богдан, славный наш гетьман, Зачем отдал Украину москалям поганым?!*» (декларируется превосходство Украины и агрессия по отношению к России, слово «поганый» имеет толкование «очень плохой, отвратительный», «москаль – шовинистическое прозвище, употребляемое по отношению к русским. В русском языке обладает выраженной негативной коннотацией. Обычно употребляется с оттенком презрительности (пренебрежительности), также в ироническом, шуточном смысле») [2].

2. Информационный портал «Нью Информ» от 25.01.18, журналист Михаил Терентьев сообщает о проявлении национализма в поведении президента Украины Петра Порошенко: *Президент Украины Петр Порошенко отказался отвечать на вопрос журналистки, которая задала его на русском языке, а также посоветовал снять ей вышиванку.* Данный инцидент произошел во время Всемирного экономического форума в Давосе. Сообщается, что журналистка спросила у лидера Украины о том, зачем он принял закон о войне. Однако на это Порошенко потребовал женщину снять вышиванку и обратиться к нему на украинском языке. После этого охрана попросила уйти журналистку от украинского президента. Отмечается, что организаторы Всемирного экономического форума сочли действия журналистки за провокацию и запретили ей находиться в зале во время выступления Порошенко (Из примера видно, что президент ставит на ранг выше украинский язык, забывая о том, что более 25 % жителей страны (данные 2017 года, исследователь - Financial Times) говорят на русском языке [8].

3. Федеральное агентство новостей, Киев, 23.01.18 г. Свыше сотни украинских националистов вышли к зданию Конституционного суда на улице Жилианской, требуя полностью запретить русский язык на Украине. Об этом сообщает корреспондент **Федерального агентства новостей** (ФАН) с места событий. Неонацисты выкрикивали в адрес русскоговорящих граждан оскорбительные слоганы, а также повесили на забор суда валенки, лапти и канистры с надписями «Боярышник для русского», напоминая о прошлогодней трагедии, когда в России несколько десятков человек отравились суррогатным алкоголем на основе настойки боярышника. Заметим, что после этой трагедии на Украине произошла еще более массовая трагедия с настойкой боярышника, когда отравились уже украинцы, но в России никому не пришло в голову смеяться над этим. Активисты представляли партию «Свобода», которая официально представлена в украинском парламенте и лидер которой, Олег Тягнибок, регулярно и публично призывает к этническим чисткам на Украине. Большая часть активистов общаться с прессой под камеры не пожелала, но без записи мужчины, называвшие себя националистами, не стеснялись заочно угрожать всем русскоговорящим гражданам Украины. *«На русском языке говорят только враги Украины. Если ты хочешь жить здесь, ты должен забыть русский язык. Ни на венгерском, ни на польском, ни на русском! Никаких других языков здесь не будет! Осиновый кол вобьем в глотку всем, кто будет мешать развитию нашей родной певучей мовы! Говоришь по-русски – получи по морде! И только так победим!»*, - так ответил один из мужчин на просьбу о комментарии, заданной на русском языке. Впрочем, нападать на корреспондента Дениса Машкина этот активист не стал [4]

4. «Тупой национализм». В России отреагировали на кота в украинском МИДе Корреспондент.net, 27 декабря 2017. Спикер МИД РФ Мария Захарова назвала *«тупым национализмом»* заявление украинского дипломата о коте, работающем в МИД Украины для борьбы с *«русокрысами»*. Об этом она написала на своей странице в социальной сети. Захарова также проиронизировала относительно украинско-кошачьих интересов, о которых писал украинский дипломат Макеев. *Украинско-кошачьи интересы?.. Не знали, честно говоря, что такие есть. А украинско-собачьи или украинско-петушиные интересы, как я понимаю, уже кто-то успешно представляет?»* – написала она. Напомним, 26 декабря директор политического департамента МИД Алексей Макеев в своем Twitter сообщил, что МИД Украины "приняло на работу" кота. (Уничжительное отношение к России выражено соединением слов «русский» и «крысы» – «русокрысы». Крыса – перен. О мелком, ничтожном, приниженном службой чиновнике, солдате (презр. устар.). Гарнизонная крыса. Канцелярская крыса. (Толковый словарь Д.Н.

Ушакова). Высмеивание политической ситуации в Украине с помощью животных подчеркивает, что национализм становится нацизмом, ведь и животным прививается *национальная сознательность*) [1].

Выводы. Речевая агрессия провоцирует конфликты и информационные войны. Нетерпимость демонстрирует не только нарушение общечеловеческих норм, но и влияет на имидж стран в том случае, если интолерантные оценки затрагивают национальное достоинство или сферу социально-политической жизни. В силу последних лет именно одной из ключевых тем проявления речевой агрессии является реализация национализма в нарушении толерантности. Интолерантное поведение транслируется средствами массовой информации, обсуждается на форумах и в блогах, то есть получает большой общественный резонанс, что и необходимо СМИ.

Литература

1. **Авдюшин В.** «Тупой национализм». В России отреагировали на кота в украинском МИДе [Электронный ресурс] / В.Авдюшин. — Режим доступа к ресурсу: <https://korrespondent.net/world/3922872-tupoi-natsyonalizm-v-rossyy-otreahtyrovaly-na-kota-v-ukraynskom-myde>
2. **Величко М.В.** Фашизм, национализм и русофобия на Украине (+18) [Электронный ресурс] / М.В. Величко. — Режим доступа к ресурсу: <http://mediamera.ru/post/20008>
3. **Гусейнов А.А.** Словарь по этике / А.А. Гусейнов. — Политиздат. 1989. — 100 с.
4. **Машкин Д.** Федеральное агентство новостей, Киев, 23.01.18 г. [Электронный ресурс] / Д. Машкин. — Режим доступа к ресурсу: <https://riafan.ru/1018618-nationalisty-kieva-esli-ty-hochesh-zhit-zdes-ty-dolzhen-zabyt-russkii-yazyk>
5. **Прохоров А.М.** Большой энциклопедический словарь. В 2 т. / А.М. Прохоров. — Сов. энциклопедия. 1991. — Т.2. — 896 с.
6. **Синельникова Л.Н.** Концепт толерантность в проекции на современное общественное сознание / Л.Н.Синельникова / Отв.ред.Л.Н.Синельникова. — Луганск: Альма-матер, 2005. — 38-48 с.
7. Словарь терминов [Электронный ресурс]. — Режим доступа к ресурсу: <http://www.tolerance.ru/slovar.php>
8. Терентьев М. [Порошенко П.А. потребовал от журналистки снять вышиванку Электронный ресурс] / М. Терентьев. — Режим доступа к ресурсу: <https://newinform.com/102309-poroshenko-potreboval-zhurnalistku-snyat-vyshivanku-iz-za-voprosa-na-russkom-yazyke>

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В СОВРЕМЕННОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье описываются особенности языковой игры в современных поэтических текстах. Рассмотрены некоторые теоретические особенности этого явления.

В поэтическом тексте языковая игра создается на разных уровнях языка разнообразными языковыми средствами. На материале произведений А. Левина автор анализирует следующие проявления языковой игры: окказиональность, грамматическую транспозицию, интертекстуальность и некоторые другие.

Языковая игра в современном поэтическом тексте строится по принципу намеренного использования отклоняющихся от нормы и осознаваемых на фоне системы и нормы явлений.

Автор приходит к выводу, что языковая игра может рассматриваться как лингвистический эксперимент современного поэта.

Ключевые слова: современная поэзия, языковая игра, норма, антинорма, грамматическая транспозиция, интертекстуальность.

This article discusses the features of the language game in modern poetic texts. Considered some theoretical aspects of this phenomenon.

In a poetic text language game is created on a variety of different levels of language linguistic means. Based on modern poetry of A. Levin the author analyzes the following manifestations of language game: occasional, grammatical transposition, intertextuality and others.

Language game in the modern poetic text based on the principle of intentional use events that deviate from the norm.

The author concludes that the language game can be seen as a linguistic experiment of contemporary poet.

Key words: modern poetry, language game, norm, antinorm, grammatical transposition, intertextuality.

Поэзия рождается в игре и как игра...

Йохан Хёйзинга

Феномен игры рассматривается с различных позиций учеными-философами, культурологами, психологами, педагогами, социологами, лингвистами.

Данная статья посвящена одной из составляющих игры – языковой игре. Цель статьи – рассмотреть некоторые особенности языковой игры в современном поэтическом дискурсе.

Как известно, термин *языковая игра* введён Людвигом Витгенштейном в «Философских исследованиях» 1945 г. для описания языка как системы конвенциональных правил, в которых участвует говорящий. Понятие языковой игры подразумевает множественность смыслов и интерпретаций, осознанное нарушение различных норм.

В конце XX – начале XXI века в лингвистике появилось много исследований, посвященных рассмотрению феномена языковой игры вообще и её особенностей в различных типах дискурса в частности. Среди наиболее значимых работ назовём исследования Е.А. Земской, М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой, Т.А. Гридиной, В.З. Санникова, А.П. Сковородникова, Л.В. Зубовой, О.И. Северской, О.А. Аксёновой, Ю.О. Коноваловой и др.

Н. В. Данилевская в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» под редакцией М.Н. Кожинной определяет языковую игру как «определённый тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, т. е. на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя / читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект» [8].

Языковая игра строится по принципу намеренного использования отклоняющихся от нормы и осознаваемых на фоне системы и нормы явлений: «Языковая игра порождает иные, чем в узусе и норме, средства выражения определенного содержания или объективирует новое содержание при сохранении или изменении старой формы» [3, с. 7]. Таким образом, благодаря языковой игре стираются границы между кодифицированным литературным языком и разговорной речью, нормой и не-нормой, антинормой.

«Эффект языковой игры основывается на ассоциативном потенциале слова – ассоциативной валентности слова, допускающей варьирование при совмещении его плана выражения и плана содержания и – как результат – различную интерпретацию его значения», – отмечает Т.А. Гридина [3, с. 33]. В контексте реализуется та или иная частная ассоциативная валентность слова – фонетическая, семантическая, лексическая, словообразовательная, синтаксическая. Каждая из этих частных валентностей выступает как тот или иной механизм языковой игры [8].

Поэзия, будучи способом и средством осмысления и интерпретации действительности, в той или иной мере склонна к языковой игре, поскольку опирается на неоднозначность поэтического слова. «В какой-то степени поэзия следует принципу множественности значений божественного слова, но это не значит, что можно сформировать некий список отдельных значений» [1]. Современная же поэзия основывается, как отмечает Л.В. Зубова, на двух основных противоположных тенденциях. «Одна из них направлена на познание логики мироздания, стремится к реалистическому отражению действительности, укреплению языковых норм, предполагает воспитательную функцию произведения. Другая тенденция связана с установкой на эксперимент, критическим отношением к языковой норме и отказом от дидактической функции. Она основана на том, что внимание авторов и читателей привлечено к неупорядоченности мира, парадоксу, изменчивости сущностей и свойств, алогизму и нестабильности самого языка как отражения нашего сознания» [4]. Для современной поэзии свойственна ориентация на эстетику и философию постмодернизма – «признание того, что реальность изначально многозначна, неупорядоченна и процессуальна» [4]. «Стихотворения – это скорее попытка вступить в противостояние с действительностью, попытка присвоить действительность, сделать ее зримой...» [1].

В современном поэтическом тексте языковая игра создается на разных уровнях языка разнообразными средствами: стилистическими фигурами и приемами (например, метафорой, оксюмороном, каламбуром, иронией и т. д.), окказионализмами, грамматической транспозицией, интертекстуальностью и др.

Рассмотрим некоторые особенности языковой игры в современной поэзии на материале произведений Александра Левина.

«Путь, выбранный в пространстве языка А. Левиным, пролегает через области активного воздействия на слово с использованием его как бы физических свойств: расчленяемости, способности к слипанию и сплетению с другими словами, растягиваемости, сжимаемости и других видов пластической деформации» [5]. Сам А. Левин говорит, что в основе его стихотворных текстов – «языковая игра, трансформация слова, его как бы физическая деформация в сочетании со стилистическими играми» [6].

Часто языковая игра строится на явлении транспозиции – переводе слова (или основы слова) из одной части речи в другую или его употреблении в функции другой части речи [9, с. 147].

Стихотворение А. Левина, имеющее название «Наклонительное повеление», построено на обыгрывании форм императива, использовании в функции повелительного

наклонения слов других частей речи, которые по формальным показателям можно отнести к императиву. Приведем фрагмент этого стихотворения:

Рыбина, голоси!
Дерево, улетай!
Ижина, небеси!
Миклуха, маклай!
Спящерица, проснись!
Тъматьматьма, таракань!
Яблоко, падай ввысь!
Усадьба летом, рязань! [6].

Игры со словом А. Левина допускают многочисленные нарушения грамматической и словообразовательной нормы, разнообразные проявления частеречной транспозиции:

Снятие с учёта

Мы для снятия с учёта
взяли лестницу в подвале,
потащили, прислонили
и наверх по ней залезли —
всё для снятия с учёта.
Мы на дерево залезли,
где сучёт сидел на ветке,
скалил маленькие зубы,
громко жаловался людям —
снять просил его, сучёта [6].

Если в заглавии и первой строфе в словосочетании «снятие с учёта» функционирует существительное с предлогом, то дальше предлог сливается со словом. Появляется новое существительное – сучёт, которое по формальным показателям и особенностям склонения относится к одушевленным существительным мужского рода.

Как справедливо отмечает О.А. Аксенова, «используя грамматическую транспозицию как прием в языковой игре, автор моделирует не только новое грамматическое значение слова, но и дополнительную семантику текста» [2].

Часто языковая игра А. Левина строится на намеренном нарушении нормы: словообразовательной, грамматической, синтаксической. Ярким примером может стать стихотворение «Декларация прав человека!»:

Прав человека, прав! –
когда он юн и минздрав,

когда он стар и сортир,
беженец, дезертир,
голоден и пожрав.

<...>

И как бы он ни был бурав,
углублён или, может, возвышен,
усмирён или, может, придушен,
озверев, одурев, заорав,
взлетев или убежав, –
он прав, человека, прав.
Ведь нет никого другого,
третьего и даже второго,
кто сказал бы, не просто ав-ав,
му-му, чик-чирик и мяв-мяв,
а что человека, к примеру, мудрав,
или, там, перелев, переправ,
или же он пережив, перемёртв,
и потому проиграв.
А значит, он прав, прав,
что бы он там ни сказав [6].

Данный текст характеризуется использованием омоформов (*прав* – родительный падеж множественного числа имени существительного и *прав* – краткая форма имени прилагательного), образованием кратких форм прилагательных, причастий, форм деепричастий с нарушением нормы (*минздрав, бурав, мудрав, перемёртв* и др.), нарушениями синтаксической нормы (*что бы он там ни сказав*).

С точки зрения частеречной принадлежности слов и возможностей транспозиции интересно стихотворение А. Левина «И еще кое чем занимаются»:

Прибегало по сту дентов,
прилетало по сту денток,
забирало двести пендий,
посещало триста ранов
или тысячу сто ловых,
где боширило бессовестно,
пило из пятиста канов —
то ли пиво, то ли весело —

по сто явно било сто рожу
ста лярм и ста матологам... [6].

Многочисленные ненормативные членения слов, переходы из одной части речи в другую, окказиональное словообразование, нарушение синтаксических связей в предложениях – таковы особенности поэтического текста. В этом стихотворении четко прослеживается противопоставление потенциальных и окказиональных слов. Потенциальные слова становятся реализацией нормативной словообразовательной модели, окказиональные – её нарушением. В связи с этим приведем следующие слова А. Левина: «как особую разновидность омонимической подмены я выделяю так называемые изоморфы. Суть дела в том, что некоторые слова могут иметь строение, характерное для других частей речи, что позволяет использовать их не по прямому назначению.

Например, существительное «стрела» и наречие «уныло» по форме подобны глаголам прошедшего времени, существительное «булавок» и глагол «упал» – кратким прилагательным, а существительное «свеча» – деепричастию. В определенном контексте такие слова способны изменять свой смысл, как бы мигрируя в другую часть речи. Необходимый контекст часто создается тем, что «нормальное» слово, задающее парадигму восприятия, и изоморф ставятся в один перечислительный ряд: «Когда душа стрела и пела...», «Будь я ловок и булавок...» [5]. Примером изоморфа в приведенном выше стихотворении может служить строка «то ли пиво, то ли весело», в которой адвербиализируется существительное среднего рода *пиво*.

В современной поэзии вообще и в поэзии А. Левина часто встречается языковая игра, связанная с интертекстуальностью. О. Северская справедливо отмечает, что в традиционных приёмах создания характерного для языковой игры эффекта «обманутого ожидания» в современной поэзии «чаще всего используются обыгрывание речевых клише и культурных стереотипов, псевдоцитирование и перефразирование прецедентных текстов, оживление внутренней формы слова» [7].

Интересным с этой точки зрения нам кажется стихотворение А. Левина «От Щербы»:

«Да не будет у бокра куздры, а у куздры бокра перед лицом Моим, ибо Я так будланул, и Мною так будлануто.

Не делай себе бокра из будлания своего, и никакого бокрения или перебокрения из будлания своего, ни обокрения, обобокрения либо же выбокрения из будлания своего, ибо куздра твоя во Мне, и глокость твоя во Мне же, и нет другой ни перед людьми, ни передо Мной в будланутости их или выбудланутости. <...>

Почитай бокра своего и бокренка своего, как повелела тебе Куздра Будлающая и Куздра Невыбудловываемая. <...>

Не курдячь. Не куздри. Не бокрей сам, и не желай другим.

Не будлани ближнего своего, и не воскурдячь уменьшительного его, ибо на всякое большое найдется свое расширительное...» [6].

Текст А. Левина построен на обыгрывании знаменитой фразы Л.В. Щербы «Глѡкая кѹздрa штѣко будланѹла бѡкра и курдѣчит бокрѣнка». В этой искусственной фразе все корневые морфемы заменены на бессмысленные звуковые сочетания. Тем не менее, за счёт наличия у слов этой фразы грамматических значений её общий смысл понятен.

Н. Фатеева справедливо отмечает, что в современных поэтических текстах зачастую «контраст с претекстом оборачивается связью, в результате которой интертекстуальная связь приобретает характер каламбура, гиперболы или их взаимоналожения», таким образом «соединяются «высокий» и «низкий» регистры» [10, с. 33]. В приведённом произведении А. Левина наблюдаем, на наш взгляд, именно такую интертекстуальную переключку.

Итак, наблюдения над современным поэтическим дискурсом позволяют говорить об активном использовании разнообразных приёмов, с помощью которых создаётся языковая игра: интертекстуальность, грамматическая транспозиция, ирония, нарушения языковой нормы и др. Нам кажется возможным рассматривать языковую игру в современной поэзии в качестве лингвистических экспериментов авторов. В таких лингвистических экспериментах поэт стремится представить окружающую действительность и свои рассуждения о ней в виде языковой загадки, которую читателю предстоит отгадать.

Перспективой исследования видится дальнейшее осмысление и описание типологических свойств современного поэтического текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Азарова Н.** Мысли о поэзии [Электронный ресурс] / Н. Азарова. – Режим доступа к ресурсу: <http://natalia-azarova.com/cgi-bin/index.pl?p=pensee>.
2. **Аксенова О.А.** Игровое словообразование и грамматика [Электронный ресурс] / О. А. Аксенова. – Режим доступа к ресурсу: <http://levin.rinet.ru/ABOUT/Aksenova3.html>.
3. **Гридина Т.А.** Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. — Екатеринбург: Урал. ГПИ, 1996. – 215 с.

4. **Зубова Л.В.** Категория рода и лингвистический эксперимент в современной поэзии [Электронный ресурс] / Л. В. Зубова. – Режим доступа к ресурсу: <http://www.levin.rinet.ru/ABOUT/zubova1.html>.
5. **Левин А.** Лингвопластика. полисемантика. Попытка анализа и систематизации [Электронный ресурс] / А. Левин, В. Строчков. – Режим доступа к ресурсу : <http://www.levin.rinet.ru/TEXTS/lingvosem.htm>.
6. **Левин А.** О себе [Электронный ресурс] / А. Левин. – Режим доступа к ресурсу : <http://www.levin.rinet.ru/TEXTS/autobiogr.htm>.
7. **Северская О.** «Языковые игры» современной поэзии / О. Северская // *Общественные науки и современность*. – № 5. – 2007. – С. 159-168.
8. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* : [под ред. М. Н. Кожинной]. – М : Флинта, Наука, 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: <http://enc-dic.com/stylistic/Jazkovaja-igra-160/>.
9. **Столярова Л.П.** Базовый словарь лингвистических терминов / Л. П. Столярова, Т. С. Пристайко, Л. П. Попко. – К.: Изд-во Гос. академии руководящих кадров культуры и искусств, 2003. – 192 с.
10. **Фатеева Н.А.** Контрапункт интертекстуальности или интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. – М. Агар, 2000. – 280 с.

УДК [378.016 +378.147.091.31]:811.161.1

Синельникова Л.Н.

Интеграция компетенций как путь к целостному знанию

В статье обращается внимание на необходимость включения в образовательный процесс интегрированных компетенций, основанных на междисциплинарном подходе. Метапредметный характер имеют текстовая и коммуникативная компетенции, значимость которых проявляется как в традиционных дисциплинах, так и в новых областях современного научно-практического знания. Интегрированные компетенции возникают в пространстве каузативно связанных гуманитарных наук и способствуют формированию целостного знания.

Ключевые слова: интегрированные компетенции, междисциплинарность, каузация, текст, дискурс, коммуникативистика, эколлингвистика, кейс-метод.

The article emphasises the necessity of including integrated competencies based on an interdisciplinary approach into the education process. Text and communicative competencies have a meta-subject character, and their significance is revealed in both traditional disciplines

and new spheres of modern scientific and practical knowledge. Integrated competencies emerge in the space of causatively connected humanitarian sciences and promote the formation of holistic knowledge about the world.

Key words: integrated competencies, interdisciplinarity, causation, text, discourse, communicative studies, ecolinguistics, case-method.

Компетентностный подход в системе образования рассматривается как основа качественного обучения. Это реальность, регламентирующая учебный процесс, определяющая уровень владения материалом, влияющая на критерии оценки результатов. Матрица компетенций содержит множество позиций, иерархия которых варьируется в зависимости от дисциплинарных ориентаций, и каждая учебная дисциплина имеет нормативный перечень компетенций, закреплённых за определённым учебным модулем. В то же время ощущается острая необходимость в выявлении и описании интегрированных компетенций, ориентированных на междисциплинарное знание.

Диалектическое развитие науки основывается на взаимодействии процессов дифференциации и интеграции научного познания и связанного с ним практического опыта. Поиск возможностей и критериев интеграции компетенций – одно из свидетельств такого рода отношений. Система может быть длительно жизнеспособной в условиях целостности, и интеграция компетенций – это путь от «распылённости» к концентрированности, обеспечивающей целостность знаний [17]; [14].

Концептуальная интеграция (conceptual blending) активно осуществляется в современном научном пространстве. Междисциплинарный подход, конкретизирующий принцип целостности, представлен в когнитивных исследованиях, в исследованиях текстов культуры, в описании современных социокультурных коммуникаций, особенностей межкультурного взаимодействия, то есть в пространстве всего цикла гуманитарных наук. Междисциплинарный ландшафт пополняется новыми объединениями: биотика – социально-этическое учение о сбережении биологических и социокультурных ресурсов жизнеспособности на земле; соционика – наука, изучающая процессы обмена информацией между человеком и внешним миром, биософия – изучение жизни во всех её составляющих, как материальных, так и духовных и мн. др.

Взаимопроникновение наук – это и взаимопроникновение компетенций, однако методология (теория) и учебная практика пока мало контактируют. Их встречное движение могут обеспечить интегрированные курсы и соответствующие критериям их объединения интегрированные компетенции. Установка на интеграцию требует поиска «общего поля» для ряда гуманитарных наук. Есть органично проникающие образовательные курсы, например, такие филологические дисциплины, как

литературоведение и языкознание, а внутри последнего – культура речи, культура общения, коммуникативная стилистика и ряд других, для системного изучения которых необходимость интегрированных компетенций очевидна.

«Междисциплинарные курсы жизненны и практичны, поскольку адекватны специфике современной природе науки, её коммуникативным – междисциплинарным – связям с социальностью и культурой» [10, с. 90]. Есть все основания считать, что в условиях продуманной и коллегиально согласованной междисциплинарности повышается уровень понимания сути каждой дисциплины, поскольку отдельная категоризация значимых дисциплинарных концептов проектируется на взаимосвязанный цикл дисциплин, в результате чего возникает возможность выявления каузаций через установление причинно-следственных связей явлений и фактов, понимания влияния одних явлений на свойства других. Так, к числу взаимопроникающих относятся дисциплины «Эволюция норм современного русского языка» и «Активные процессы в современном русском языке», и каузация здесь очевидна: изменения в области языковой нормы детерминированы процессами демократизации литературного языка, активностью диалогических форм общения, экспансией разговорных средств и заимствований.

Необходимым условием реализации принципа междисциплинарности в учебно-образовательном процессе считаем выделение метапредметных компетенций, то есть таких, которые важны для изучения любой дисциплины и которые способствуют созданию междисциплинарной общности. К числу интегральных метапредметных компетенций есть все основания отнести *текстовую и коммуникативную компетенции*, в последнюю можно включить и *риторическую компетенцию* как умение убеждать, вести спор, обеспечивать гибкость речевых стратегий и тактик, проявлять интеллектуальную и эмоциональную активность через речь.

«Где нет текста, там нет и объекта для исследования мышления» [2, с. 282] – это известное высказывание М. Бахтина можно соотнести со значимостью текстовой компетенции, интегративные свойства которой заданы знаковой природой текста, возможностью извлекать из него разную информацию – культурологическую, психологическую, политологическую, риторическую, социолингвистическую и т.д. Текст – общегуманитарная ценность, интегрирующая основа практически всех гуманитарных наук и актуальная педагогическая дефиниция, действующая в рамках любой дисциплины: в герменевтической философии устанавливается онтологический статус языка и текста; на интерпретации текстов основывается междисциплинарное исследование культуры; в психологии тексты привлекаются для реализации большинства когнитивных методик; социология трактуется как набор текстов и их толкование и т.д.

Текст был и остаётся полем интеграции филологии, включающей две взаимосвязанные ветви: языкознание и литературоведение. В языкознании принцип текстоцентричности ориентирует на изучение «языка в действии», в литературоведении – на внимание к текстам разных жанров и поиск адекватных методик интерпретации, в которых не могут не использоваться языковые (речевые) показатели.

Развёрнутый анализ текста и описание принципов текстуальности входит в филологическое интеграционное поле, которое состоит из общетеоретических сведений о тексте и его подсистемах и набора практических навыков работы с текстом. Филологический анализ призван научить студентов комплексному рассмотрению текста в единстве содержания и формы. В результате междисциплинарного подхода студенты должны получить представление об основных признаках текста, текстовых категориях, текстообразующих возможностях языковых единиц разных уровней, а также о разнообразии текстов, структурированных по определенным типологическим критериям, – всё это формирует текстовую компетенцию в области филологии. При этом учитывается профессиональная ориентация будущих специалистов, которым предстоит работать с текстами различных типов в учебно-воспитательной, социально-педагогической, учебно-воспитательной, культурно-просветительной, научно-методической, организационно-управленческой деятельности.

Обобщённая характеристика текстовой интегрированной компетенции может быть такой: эта компетенция проявляет культуру читательского общения с текстом, которая основывается на понимании содержательно-смыслового содержания текста – как единичного, так и обобщённого текста человеческой культуры и повседневной коммуникативной деятельности.

В современном науковедении текстоцентричность теснейшим образом связана с дискурсологичностью. Дискурс – коммуникативное событие, проявляющее природу интерактивности через совокупность языковых составляющих, тем или иным образом соотносимых с когнитивными процессами в сознании коммуникантов, на которое оказывает влияние внеязыковая информация, и, соответственно, дискурс-анализ ориентирует на знания о тексте в их согласованности со знаниями о мире. Лингвистика текста в практическом смысле – это работа в основном с изолированными текстами, лингвистика дискурса – интерпретация текста в социально-культурном контексте. Конкретный дискурс связан со множеством других дискурсов, что также может быть полем для интеграции через совместное рассмотрение литературоведами и лингвистами интертекстуальности, интердискурсивности, манипулятивности и многого другого. Дискурс представляет собой междисциплинарный капитал, и остаётся придать ценность

этому свойству дискурса в выработке принципов междисциплинарного объединения и апробации адекватных алгоритмов дискурс-анализа.

Стремление к интеграции лежит в основе методологии научного познания журналистики. На целостное знание ориентирована система профессиональных компетенций журналиста, комплекс и иерархия которых отражают разные точки зрения и подходы, что вполне объяснимо тесной связью журналистской деятельности с обществом определённого времени во всех его характеристиках.

Журналистское образование организует множество компетенций, в том числе таких, которые некоторое время назад квалифицировались как инновационные: обладать хорошей лингвистической подготовкой; представлять контент во всех комбинациях слов, звуков и картинок; уметь использовать различные способы изложения; уметь объяснять, интерпретировать, выбранную информацию; способствовать развитию диалога [5]. Если умение производить тексты по недоразумению не включается в набор компетенций филолога, то для журналиста навыки текстопроизводства крайне необходимы: современный журналист должен быть убедительным, креативным в организации смысла через привлечение всего регистра стилистических и риторических средств. В современной матрице компетенций журналиста есть ряд ориентирующих на производство текстов формулировок: *уметь использовать различные способы изложения, уметь развивать обоснованную точку зрения, способствовать развитию диалога, структурировать информацию в журналистской манере, умение убедительно представлять и излагать свои идеи*. Рассредоточенность этих позиций в системе профессиональных компетенций не способствует фокусированию внимания на показателях журналистского текста, призванного организовывать движение мысли читателя, обеспечивать интерес к заявленной теме, и дефицит интегрированной компетенции текстопроизводства в журналистской среде продолжает оставаться ощутимым.

Современный журналист, на наш взгляд, должен владеть дискурс-анализом и, соответственно, уметь действовать по характеристикам дискурсивной компетентности, интегративные свойства которой соответствуют онтологии дискурса. Однако проблема нахождения общего дискурсивного пространства, вмещающего социологию, культурологию, психологию, политологию, герменевтику, практически не разрабатывается [8]. Формирование поля трансдисциплинарной интеграции должно вестись параллельно с разработкой интегрированных компетенций, необходимых для практической реализации декларируемой методологической установки.

Профессиональная деятельность гуманитариев, прежде всего филологов и журналистов, в современной ситуации всё более оказывается включённой в экосистему

как природный (в широком понимании) комплекс, в котором существует множество составляющих и связей. Формирование эпохи экологии проходило постепенно, через последовательный выход за изначальные биологические (Эрнст Геккель), биофизические и математические (Альфред Летка, Вито Вольтерра) рамки. Путь от прошлого к будущему – это путь от экологии природы к экологии культуры (Д.С. Лихачёв), экологии духа, экологической этике, нравственной экологии, экологии сознания. Благодаря междисциплинарному взаимодействию экология приобрела системное развитие.

Траектория экологической мысли неизбежно должна была привести к экологизации лингвистики как возможности включить язык (речь) в оценку качества жизни. Происходит активное развитие новой научной дисциплины – лингвоэкологии с чётко заявленной установкой на междисциплинарность: «Эколингвистика, или лингвоэкология, – это междисциплинарная отрасль языкознания, тесно взаимодействующая с рядом лингвистических дисциплин (таких как социолингвистика, этнолингвистика, этнопсихология, лингвокультурология, юрислингвистика, лингвоконфликтология), а также с историей конкретных народов, их культур и языков» [13, с. 196]. Установление связей эколингвистики с другими областями знания как в лингвистическом круге дисциплин [7]; [9], так и за пределами этого круга [3]; [4] продолжается.

Эмотивная лингвоэкология соединила экологию, валеологию и лингвистику. Новая интеграция дала возможность описать роль эмоций в экологическом аспекте, их значимость в сохранении языка, культуры общения и здоровья нации. Интегративное пространство новой и уже многосторонне разработанной (в основном научной школой профессора В.И. Шаховского) дисциплины велико: «... эмотивная лингвоэкология является результатом тесной интеграции ряда наук, иногда через блендинг (как, например, культура речи вошла составной частью в лингвоэкологию и включилась в лингвокультурологию, ставшей частью концептологии, в которую вошла эмотиология, которая, в свою очередь, объединилась с валеологией и экологией)» [16, с. 39-40].

Каждый аспект экологии может рассматриваться как отдельный раздел, но исследователи всё больше акцентируют внимание именно на междисциплинарных связях, которые основываются на схождении естественнонаучной и гуманитарной культуры. Гуманитарии обращают внимание на экологичность коммуникативного стиля, эколингвистическую прагматику современного публичного текста, на поведенческую экологию, на экологические аспекты переводоведения, на экологичность гендерной коммуникации, экологию в организации информации, экологичность современных институциональных дискурсов (прежде всего – медийного), разного рода дискурсивных

практик (в том числе – виртуальных) и многое другое. Всё это может стать основанием для выделения экологической компетенции как интегральной, которая формируется одновременно с понятием «лингвоэкологическая ответственность языковой личности» [11]. Вполне обосновано включение лингвоэкологической компетенции в культурологию, педагогику, социо-, психо-, этнолингвистику, в методику, риторiku, дискуртологию. Ряд учебных дисциплин, для которых в освещении материала важен экологический модус, открыт.

Интегратором междисциплинарности является коммуникативистика. Коммуникативная деятельность в системе компетентного подхода занимает ведущее положение (см. видеолекцию И. А. Зимней – www.youtube.com, 23 мая 2012 года). Внимание к коммуникативной компетенции согласуется с современной установкой на гуманизацию образования. Встречное движение филологии и коммуникативистики на современном этапе их развития уже обозначены и утверждены в интегративном пространстве филологической теории коммуникации (см. работы и учебные программы профессора А. А. Чувакина).

Интегративный резерв коммуникативной компетенции безграничен, важна акцентированность значимости этой компетенции как во всём образовательном пространстве, так и в многоступенчатой подготовке специалиста в единстве уровней бакалавриата и магистратуры [1]. Коммуникативная компетентность включает владение навыками взаимодействия с другими людьми, умение включаться в социально-ролевое поведение с учётом ситуации общения, собственных интенций, согласованных с «фактором адресата».

От коммуникативной компетенции зависит успешность любого рода профессиональной деятельности. Показательный пример интердисциплинарности – определение содержания коммуникативной компетентности менеджера как способности осуществлять речевую деятельность на основе языковых, социолингвистических, предметных и страноведческих знаний и с помощью умений, связанных с прагматической, лингвистической и социокультурной компетенциями, в соответствии с различными задачами и ситуациями общения в рамках той или иной сферы общения [15]; [6]. Расширение круга специальностей, в обучении которым коммуникативная компетенция займёт ведущее место, будет продолжаться.

Количество теоретических моделей и обобщённых рекомендаций превышает опытную проверку предлагаемой теории. Диапазон междисциплинарных исследований, от которых зависит выявление и описание интегративных компетенций, велик. Практических рекомендаций – неизмеримо меньше.

Оптимальным носителем междисциплинарного модуса и одновременно развёрнутым тестом на понимание сути интегрированной компетентности может быть кейс-метод (case-study, от английского case – случай, ситуация). Рекомендации по применению кейс-метода по большей части касаются экономических наук, сферы бизнеса и управленческого менеджмента, но этот метод можно эффективно применять и в гуманитарных науках, в том числе – в филологии. Комплексное задание в формате кейс-метода предполагает ориентацию на нелинейные, то есть междисциплинарные, связи. Такого рода связи обнаруживаются в устройстве текстов, филологический анализ которых включает данные психолингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии, этнолингвистики и ряда других областей гуманитарного знания.

В сжатой письменной форме кейс предлагает информацию о неординарной проблемной ситуации, для решения которой нужно комплексное знание, полученное в результате изучения одного или нескольких взаимосвязанных учебных тем или курсов.

Приведём несколько примеров.

Кейс 1. Какие функционально-стилистические отличия вы заметили в двух фразах, имеющих общее содержание: *Я получил эту корону от Бога, и никто не отнимет её у меня* и *Эта корона дарована мне Богом, и горе тому, кто посягнёт на неё* (пример из сюжета телепрограммы «Умники и умницы»).

В кейс интегрированы знания коммуникативной стилистики, прагматики и дискурсологии.

Кейс 2. О чём это стихотворение?

Однажды в юности, летящей

На крик и на весёлый свист,

Я заглянул в почтовый ящик,

А в нём лежал осенний лист. (И. Шкляревский)

В кейс интегрированы знания особенностей лирического жанра, проявленные в характере художественного образа, в изобразительно-выразительных средствах его реализации.

Кейс 3. *Гоголь провёл героя «Мёртвых душ» Чичикова в его общении с помещиками через множество коммуникативных ролей: наблюдение со стороны с целью сбора необходимой информации, использование комплиментов, продуманной похвалы, по-разному организуемой для мужчин и для женщин, намеренное завышение статуса партнёра и формулировку своих целей в зависимости от адресата и ситуации и т.д.* [см.: 12]. С рекомендациями каких современных гуманитарных наук согласуется коммуникативное поведение гоголевского персонажа?

В кейс интегрированы знания коммуникативистики, прагматики, конфликтологии, нарратологии, теории информации, риторики.

Составление интегрированных комплексных заданий – работа трудоёмкая (имеющиеся учебные пособия редко предлагают такого рода задания), но весьма результативная: комплексное задание – гарантия самостоятельности и, соответственно, некий результирующий знак качественного обучения. Возможно, совершенствование системы контроля также должно идти по междисциплинарному вектору. Такого рода установка может быть реализована при условии включения в учебный процесс *компетенций интеграции* как способности включать полученные знания в междисциплинарные комбинации, конструировать новые конвергенции.

Обучающий и контролирующий потенциал кейс-метода по многим признакам превышает возможности традиционных методов. Прежде всего по признаку реальной интерактивности, сопровождающейся мотивацией действий. В междисциплинарном пространстве формируется критическое мышление, развиваются лидерские и коммуникационные способности обучающихся.

Преподаватель, практикующий в своей деятельности кейс-метод, должен иметь особый набор компетенций, позволяющих стимулировать альтернативное мышление студентов и реализовывать принцип партнёрства, сотрудничества с обучающимися на пути к целостному знанию. В объём необходимых компетенций входят: *гносеологическая* (владение научными методами познания), *проектировочная* (заданность системных связей в реализации задач учебного курса), *конструирующая* (умение создавать интерактивные сценарии занятий с учётом специфики предмета, особенностей аудитории, уровня её подготовки и т.д.), *организационная* (умение хронометрировать запланированные действия, контролировать ход индивидуальных и командных действий студентов), *коммуникативная* (владение комплексом знаний, связанных с педагогикой и риторикой общения).

В заключение обратим внимание на следующее. Проблема создания системы интегральных компетенций относится к числу важных и актуальных, и её решение зависит от твёрдости и аргументированности междисциплинарных позиций как со стороны теоретиков, так и со стороны практиков. Междисциплинарные конвергенции – не препятствие для развития дисциплинарного знания, а стимул для его углубления через системные связи, ведущие к целостности знания о мире. Особенно важно установить точки соприкосновения новых научных направлений с традиционными знаниями и умениями, зафиксированными в дисциплинарных компетенциях. Неверным представляется тезис о том, что компетенции относятся к области умений, а не знаний:

умения и знания неразделимы. Мотивационный уровень интегральных компетенций – потребность в получении качественных знаний в широком поле профессиональной деятельности, не ограниченной временем обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Алеевская Ю.И., Аширбагина Н.Л., Мещерякова Н.А.** Коммуникативная компетентность как предмет педагогического исследования / Ю.И. Алеевская, Н.Л. Аширбагина, Н.А. Мещерякова // Интеграция образования. – 2016. – Т. 20. – № 3. – С. 352–363.
2. **Бахтин М.М.** Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
3. **Бузская О.М.** Современные социокультурные коммуникации: эколого-аксиологическое измерение: дисс. ... канд. философ. наук / О.М. Бузская. – М., 2014. – 170 с.
4. **Гришаева Ю.М.** Эколого-профессиональная компетентность личности: педагогическая адаптация: монография / Ю.М. Гришаева. – М.: РИЦ МГГУ им. М. А. Шолохова, 2013. – 172 с.
5. **Дрок Нико.** Смена профессиональных компетенций в журналистском образовании / Нико Дрок // Медиаскоп. Электронный научный журнал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. – 2011. – Вып. 3.
6. **Железнова Е.Г.** К вопросу об экологии языка и экологической лингвистике / Е. Г. Железнова // Научный вестник Южного института менеджмента. – 2016. – № 3. – С. 70-73.
7. **Копнина Г.А., Сковородников А.П.** Стилистика креатива и эколингвистика / Г.А. Копнина, А.П. Сковородникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 8 (38). – № 1. – С. 101-104.
8. **Корконосенко С.Г.** Культура понимания как поле интегральных исследований журналистики / С. Г. Корконосенко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер: Гуманитарные науки. – 2015. – № 18 (215). – Вып. 27. – С. 5-9.
9. **Молчанова Г.Г.** Лингвоэкология и современное состояние языка / Г. Г. Молчанова // Вестник МГОУ. Сер: Лингвистика. – 2016. – № 2. – С. 47-54.
10. **Ревягин Л.Н.** Структура и свойства целостности как методологической основы междисциплинарности учебно-образовательных процессов / Л. Н. Ревягин //

Вестник Томского государственного ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2008. – № 3 (4). – С. 89-91.

11. Семчук Е.В. Лингвоэкология как междисциплинарная наука / Е. В. Семчук // Молодой ученый. – 2014. – №4. – С. 1233-1235.

12. Синельникова Л.Н. Бизнес-коммуникации гоголевского персонажа Чичикова в контексте современности / Л. Н. Синельникова // Верхневолжский филологический вестник. Научный журнал. – 2016. – № 4. – С. 160-166.

13. Сковородников А.П. О предмете эколингвистики применительно к состоянию современного русского языка / А. П. Сковородников // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. – № 1. – С. 205-233.

14. Тарасова М.Ю. Интеграция компетенций и их оценивание в профильном гуманитарном спецкурсе / М. Ю. Тарасова // Сибирский педагогический журнал. – 2007. – № 13. – С. 104-111.

15. Чичикин И.В. Формирование коммуникативной компетентности в профессиональном образовании менеджеров (на примере специальности «Менеджмент организации»): автореф. дис. ... канд. пед. наук / И.В. Чичикин. – Курск, 2010. – 24 с.

16. Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции / В.И. Шаховский. – Волгоград, 2016. – 504 с.

17. Шемякина М.С. Теоретические подходы к интеграции компетенций / М. С. Шемякин // Вестник университета Российской академии образования. – 2013. – № 5 (68). – С. 94-99.

УДК 81'373

Теркулов В.И.

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ ТЕКСТОВОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ СЛОЖНОСОКРАЩЁННОГО СЛОВА

В работе даётся описание особенностей синхронной текстовой интерпретации ономасиологической структуры сложносокращённого слова через ономасиологическую структуру эквивалентных ему словосочетаний. Автор предполагает существование трёх базовых ономасиологических типов трактовки значения аббревиатур рассматриваемого типа: презентативного, релятивного и интерпретативного. В исследовании описываются разновидности каждого из указанных типов трактовки.

Ключевые слова: аббревиатура, интерпретатив, ономаσιологический тип, презентатив, релятив, эквивалентность.

The work describes peculiarities of synchronous text interpretation of the onomasiological structure of compound-shortened words through the onomasiological structure of equivalent word-groups. The author assumes that there exist three basic onomasiological interpretation types for the meaning of shortenings under consideration, specifically, presentative, relative and interpretative types. The research describes the diversity of each of the said interpretation types.

Key words: abbreviation, interpretative, onomasiological type, presentative, relative, equivalence.

Целью предлагаемой статьи является описание типологии ономаσιологической интерпретации синхронной текстовой эквивалентности сложносокращённых слов. Представленные здесь идеи и выводы являются обобщением результатов работы над первым томом Толково-эквивалентностного словаря сложносокращённых слов русского языка, осуществляемой Экспериментальной лабораторией исследований тенденций аббревиации (ЭЛИТА) при Донецком национальном университете.

Термин «сложносокращённое слово» употребляется нами в «узком» значении. Под сложносокращённым словом в этом случае понимается единица, связанная мотивационными отношениями со словосочетанием и содержащая в своём составе эквиваленты не менее двух компонентов этого словосочетания, как минимум один из которых является неинициальным (слоговым) аббревиационным конструктом (абброконструктом, то есть сокращённым эквивалентом какого-либо слова, например, *алко*, эквивалентный слову *алкогольный*, или *бух* – *бухгалтерский* и т.д.). Сложносокращёнными словами, следовательно, являются частично сокращённые (*медучреждение*, *автопарк* и т.п.) и слоговые (*завхоз*, *автобат* и т.п.) аббревиатуры, противопоставляющиеся инициальным аббревиатурам, абброконструкт которых равен одному звуку или букве (*БАД*, *ДК* и под.).

Главное положение теоретической базы исследований ЭЛИТА: в языке существует два типа аббревиации и аббревиатур – диахронные и синхронные.

Аббревиатура в диахронии – это слово, возникшее в результате сокращения (диахронной аббревиации) компонента (компонентов) какого-либо словосочетания. Например, слово *вибоизмеритель* является аббревиатурой, поскольку оно образовано в результате диахронной аббревиации словосочетания *измеритель вибрации*. Однако наше

исследование, основанное на последовательном применении принципов этимологизации аббревиатур, изложенных, например, в [4], показало, что не всякое слово, включающее в свой состав абброконструкт, возникает в результате диахронной аббревиации, хоть и имеет на актуальном срезе языка связанные с ним текстовые эквиваленты. Очень часто такие слова возникают вследствие непосредственного присоединения абброконструкта, приобретшего статус абброморфемы, к лексеме-источнику (абброморфемный способ словообразования). Такие единицы мы называем квазиаббревиатурами, и с точки зрения диахронии они не могут быть определены как сложносокращённое слово. У квазиаббревиатур также могут отмечаться текстовые эквиваленты, но они вторичны, поскольку возникают вследствие псевдоунивербализации, то есть развёртывания словосочетания на базе слова в силу действия в языке эквивалентного стереотипа: если в слове распознаётся абброконструкт, он должен иметь текстовый эквивалент. Например, слово *виброинструмент* было образовано от слова *инструмент* путём присоединения к нему частотной абброморфемы *вибро*, а встречающиеся в текстах эквиваленты *вибрирующий инструмент* или *вибрационный инструмент* возникли в результате псевдоунивербализации. Этому есть множество доказательств, например, количественное: указанные эквиваленты встречаются в текстах значительно реже, чем слово, что противоречит принципу «значительности» производящего словосочетания. Как писал С. Шадыко, важнейшим условием аббревиации словосочетания является то, что оно должно «обладать достаточной частотностью» и «быть социально значимым, важным для лиц, употребляющим данное словосочетание» [5, с. 94-95]. Эти факторы, в особенности второй, способствуют в подавляющем большинстве случаев сохранению высокой текстовой активности производящего словосочетания. Наши подсчёты показали, что обычно оно употребляется чаще образованного на его базе сложносокращённого слова. Словосочетания же *вибрирующий инструмент* и *вибрационный инструмент* отмечаются нами в текстах, соответственно, в 10 и 20 раз реже, чем аббревиатура, что свидетельствует в пользу значительности и первичности последней.

Итак, как аббревиатуры, так и квазиаббревиатуры имеют на актуальном срезе языка появившиеся по разным причинам текстовые эквиваленты. Это значит, что те единицы, которые при диахроническом анализе не могут быть отнесены к сложносокращённым словам, в синхронии однозначно воспринимаются носителями языка именно как аббревиатуры. Для носителя языка нет никакой разницы между, например, аббревиатурой *виброизмеритель* и квазиаббревиатурой *виброинструмент*: он воспринимает и первое и второе как сложносокращённое слово, что подтверждается использованием им в текстах развёрнутых эквивалентов этих лексем: *измеритель*

вибрации и вибрационный (вибрирующий) инструмент. Разрыв в данном случае между результатами диахронного **анализа** (наличие/отсутствие словосочетания-источника) и синхронного **восприятия** (дублетность слова и словосочетания) и побуждает нас говорить о существовании помимо диахронных синхронных аббревиатур. Под последними понимаются сложносокращённые слова, имеющие на актуальном срезе языка формально связанные с ними мотивационными отношениями текстовые синтаксические эквиваленты. Они легко обнаруживаются при синхронном анализе текстов. В их число входят как диахронные аббревиатуры, так и квазиаббревиатуры, которые в результате псевдоунивербализации были развёрнуты в словосочетания.

Чаще всего сложносокращённые слова не рассматриваются составителями словарей аббревиатур, которые объясняют это тем, что «такие слова обычно легко понимаются и не нуждаются в расшифровке» [2, с. 12]. Однако опыт работы со сложносокращёнными словами в целом и с частичносокращёнными словами, в частности, показал, что эта «легкость» мнимая.

Очень часто такие аббревиатуры эквивалентны не одному, а нескольким словосочетаниям: они формируют не словообразовательную (аббревиатурную) пару, как это представляется в большинстве исследований, а целое **гнездо эквивалентности**, которое определяется нами как совокупность актуально сосуществующих словосочетаний, связанных отношениями мотивационной (формально-семантической) эквивалентности с аббревиатурой и употребляемых с нею в эквивалентных текстах. Под эквивалентными текстами мы понимаем тексты (текст), в которых аббревиатура и эквивалентное словосочетание используются для обозначения одного и того же референта, то есть как абсолютные синонимы. Например, в гнездо эквивалентности слова *боекомплект* входят три частотных словосочетания, отмечаемых в эквивалентных текстах: *боевойкомплект*, *комплектбоеприпасов* и *комплектбоевыхприпасов*. Во многих случаях такие словосочетания, параллельно являясь абсолютными синонимами сложносокращённого слова в конкретных текстах, имеют нетождественное значение, что приводит ко множественной текстовой трактовке аббревиатуры. Например, в упомянутом гнезде *боекомплект* значение аббревиатуры в синтаксических эквивалентах может трактоваться и дестинативно (назначение референта) – как «комплект чего-то, предназначенного для боя» (*боевойкомплект*): *Для военных утвердили боекомплект из 65 предметов – Министром обороны утверждён перечень предметов единого боевого комплекта для военнослужащих, который включает 65 предметов военной формы одежды, снаряжения и средств индивидуальной защиты* (<http://www.milnavigator.com/dlya-voennyx-utverdili-boekomplekt-iz-65-predmetov/>), и (в

подавляющем большинстве случаев) фабрикативно (конкретный тип референта) – как *комплект боеприпасов / комплект боевых припасов*, то есть как «количество боеприпасов (составная расходимая часть оружия, непосредственно предназначенная для поражения живой силы и техники), установленное на единицу оружия»: *Самолётам с полным боекомплектом разрешили открывать огонь на поражение – На борту самолётов полный комплект боеприпасов* (<http://vesti-ukr.com/mir/16069-turcija-po-trevoge-napravila-istrebiteli-k-sirijskoj-granice>). Эта множественность эквивалентов и трактовок значения затрудняет «лёгкое понимание» сложносокращённых слов.

Возникновение множественной эквивалентности обусловлено использованием носителями языка при развёртывании аббревиатуры разных дешифровальных стимулов, под которыми понимается «стереотип расшифровки аббреконструкта» [3, с. 19], то есть слово или сочетание слов, которое является эквивалентом аббреконструкта и может быть использовано для его замены в эквивалентном словосочетании. Обычно аббреконструкт имеет несколько дешифровальных стимулов. Например, аббреконструкт *аллерго* имеет следующие дешифровальные стимулы: *аллергенами, аллергенный, -ая, -ое, аллергенов, аллергии, аллергия, аллергиков, аллергический, -ая, -ое, аллергодерматозов, аллергозов, аллергоидный, -ая, -ое, аллерголога, аллергологии, аллергологический, -ая, -ое, аллергопанель, аллергопробы, аллергосорбентный, -ая, -ое, аллергических заболеваний* и т.д. Выбор того или иного дешифровального стимула обусловлен ономаσιологическими задачами, стоящими перед интерпретатором аббревиатуры. В силу этого разные сложносокращённые слова имеют разные наборы дешифровок аббреконструкта. Например, слово *аллергодерматоз* в текстах интерпретируется через три дешифровальных стимула (*аллергический дерматоз, дерматоз аллергического характера, дерматоз аллергического происхождения*), а *аллергодиагностика* – 10 (*диагностика аллергии, диагностика аллергических заболеваний, диагностика на аллергию, аллергическая диагностика, диагностика на аллергены, аллергологическая диагностика; 60: диагностика аллергенов, диагностика аллергодерматозов, диагностика у аллерголога, диагностика аллергозов*).

Уже приведённые примеры показывают, что разные дешифровальные стимулы, обеспечивая текстовую семантическую тождественность в направлении «аббревиатура – словосочетание», чаще всего имеют различающееся значение и в силу этого мотивируют разную текстовую ономаσιологическую интерпретацию аббревиатуры. А. И. Бровцом, в связи с этим, предложено разграничение двух типов дешифровальных стимулов: **презентативного**, характеризующегося формированием абсолютно эквивалентных отношений между аббревиатурой и словосочетанием (*автоиндустрия – автомобильная*

индустрия), и **интерпретативного**, при использовании которого в словосочетании появляются дополнительные семантические оттенки, позволяющие конкретизировать значение аббревиатуры (*автоиндустрия – автотранспортная индустрия*) [1]. Предложенное разграничение требует некоторых уточнений, связанных с обнаружением при работе над Словарём ряда разновидностей презентации и интерпретации значения аббревиатуры в эквивалентном словосочетании.

1. Презентативный ономаσιологический тип.

Презентативные дешифровальные стимулы осуществляют наиболее обобщённую (квалификативную) трактовку значения аббреконструкта. Это могут позволить сделать только дешифровальные стимулы, представленные относительными прилагательными, поскольку именно в семантике относительного прилагательного обычно и реализуется обобщённый квалификативный релятор «относящийся к» или «связанный с». Отметим статусную идентичность аббревиатуры и словосочетания, развёрнутого с помощью презентативного дешифровального стимула: они выступают в качестве немаркированных компонентов в оппозиции ко всем другим эквивалентам, так как могут заменить их в любом эквивалентном тексте. Нами отмечаются следующие разновидности презентативов:

(1) Регулярная презентативная соотнесённость аббреконструкта с относительным прилагательным, реализующим его наиболее общую, немаркированную семантику, например: *био – биологический (биозащита – биологическая защита), гор – городской (горсад – городской сад)* и т.д.

(2) Возможность паронимической замены аббреконструкта псевдоэквивалентом в результате смещения его значения со значением базового эквивалента, например, при развёртывании аббревиатуры *электрочайник (электрическийчайник)* в словосочетание *электронныйчайник*.

2. Релятивный ономаσιологический тип

В тех случаях, когда в эквиваленте актуализируется определённая актантная роль обозначенного аббреконструктом объекта, следует говорить о **релятивном дешифровальном стимуле**. Нами обнаружены два типа релятивов: собственно актантный и актантно-числовой. Релятивные дешифровальные стимулы формируют **семную**, или, по-другому, **актантную многозначность сложносокращённого слова**. Нами отмечаются следующие разновидности релятивов:

(3) Множественная релятивно-актантная эквивалентность, при которой дешифровальные стимулы реализуют в эквивалентных словосочетаниях различные актантные функции, тем самым по-разному интерпретируя роль аббреконструкта в

аббревиатуре. Например, аббреконтрукт *авто* в слове *автокомпрессор*, заменяясь в эквивалентных текстах разными формами лексемы *автомобиль*, приобретает разные релятивные значения: *компрессора автомобиля* (посессив: принадлежащий автомобилю), *компрессор для автомобиля* (дестинатив: предназначенный для автомобиля), *компрессор на автомобиль* (локатив / дестинатив: предназначенный для установки на автомобиль).

(4) Указание на количество обозначаемых аббреконтруктом актантов (релятивно-числовое значение). Например, для слова *домовладелец* дешифровальным стимулом конструктора *дом* может выступать как форма единственного (*владелец дома*: владелец одного дома), так и форма множественного числа (*владелец домов*: владелец нескольких домов) слова *дом*.

3. Интерпретативный ономаσιологический тип

В тех случаях, когда значение альтернативного дешифровального стимула и презентатива создают синонимическую, чаще всего гиперо-гипонимическую, корреляцию, мы говорим об **интерпретативных дешифровальных стимулах**. Интерпретативные дешифровальные стимулы формируют семемную, или, по-другому, интерпретативную многозначность сложносокращённого слова.

(5) Уточнение (гиперонимизация или гипонимизация) значения аббревиатуры (интерпретативное значение). Например, слово *веломагазин* может дешифроваться в текстах и как *магазин велосипедов*, и как *магазин велосипедных товаров / велосипедных принадлежностей / велотоваров / велопринадлежностей*, и как *магазин велоапчастей* и т.д. В каждом из указанных случаев *веломагазин* трактуется по-разному в зависимости от того, какими товарами он торгует.

Итак, нами обнаружено три базовых типа ономаσιологической интерпретации аббревиатуры при помощи её эквивалентов: презентативный, релятивный и интерпретативный. Их использование становится средством формирования текстовой многозначности аббревиатуры. Потенциально в семантике сложносокращённого слова может быть реализовано прямое (немаркированное, презентативное), семное (актантное релятивное) и семемное (интерпретативное) значения. В последующих работах мы предполагаем более подробно рассмотреть особенности каждого из типов текстовых эквивалентов аббревиатуры.

Литература

1. **Бровец А.И.** Базовые типы дешифровальных стимулов в гнездеэквивалентности сложносокращённого слова / А. И. Бровец // Наука и мир в языковом пространстве. – Макеевка : ДонНАСА, 2016. – С. 51–57.

2. **Скляревская Г.С.** Словарь сокращений современного русского языка / Г.Н. Скляревская. – М.: Эксмо, 2004. – 448 с.

3. **Теркулов В.И.** Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В.И. Теркулов // Восточнославянская филология: сб. науч. тр. – Вып. 3(29). Языкознание. – Горловка: Изд-во ГИИЯ, 2016. – С. 13–24.

4. **Теркулов В.И.** Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. – №6 – С. 73–97.

5. **Шадыко С.** Аббревиатуры в русском языке: в сопоставлении с польским: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.01 / С. Шадыко. – Варшава, 2000. – 365 с.

УДК 821.161.1–1.08 Ахмадулина

Шаповалова И.В.

КОНЦЕПТ «ПРОСТРАНСТВО» В ИДИОЛЕКТЕ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ: ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

Изучение особенностей языковой репрезентации художественных концептов в поэтических идиолектах с точки зрения когнитивной лингвистики особенно актуально в настоящее время, так как позволяет выявить и описать особенности мировосприятия поэта. Для материала выбран миницикл Беллы Ахмадулиной, состоящий из трех стихотворений, тематически тесно связанный с концептом «пространство», одной из основных категорий художественной картины мира автора.

Ключевые слова: художественный концепт, идиостиль, идиолект, языковая репрезентация, пространство, время.

Study of features of language representation of artistic concepts in poetic idiolects from the point of view of cognitive linguistics especially topically presently, because allows to educe and describe the features of perception of the world of poet. For material the cycle of Bella Akchmadulina, consisting of three poems, thematically closely associated with concept «space» is chosen, one of basic categories of artistic picture of the world of author.

Keywords: artistic concept, idiostyle, idiolect, language representation, space, time.

Категория пространства относится к группе основных категорий мировосприятия, являясь, наряду с категорией времени, «основной формой бытия» (В. Г. Гак).

Концептуализация этого понятия в художественном тексте в результате рефлексии автора как носителя языка получает свою актуализацию прежде всего в антропоцентрической парадигме современного научного знания. Художественный концепт «пространство», входя как структурный элемент в концептосферу идиостиля поэта, фиксируя его индивидуальное сознание (в отличие от концепта-универсалии, в котором отражается коллективное сознание), получает свое воплощение через индивидуально-авторскую систему языковой репрезентации.

В исследовании художественного концепта используются достижения разных областей лингвистики, отраженные прежде всего в работах по когнитивной лингвистике и когнитивной поэтике (Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, И.А. Стернин; И.А. Тарасова), психолингвистике (А.А. Залевская, Р.М. Фрумкина), лингвокультурологии (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия), коммуникативной стилистике и стилистике художественного текста (Н.С. Болотнова; Л.Г. Миллер, Е.В. Сергеева). При изучении данного феномена акцент делается на сущностных свойствах художественного концепта: его субъективности и эстетической природе, обязательной лексической репрезентированности, одновременно проявляемых в тексте динамичности и изменчивости в сочетании с устойчивостью. В работах В.В. Виноградова, В.П. Григорьева, Б.А. Ларина, Д.С. Лихачева, Е.В. Сергеевой, И.А. Тарасовой особое внимание уделяется теории художественного концепта и его современным трактовкам, особенностям концептуального анализа художественного текста.

Творчество Беллы Ахмадулиной – одно из самых ярких и значительных явлений в русской словесности второй половины XX века, ставшее продолжением и воплощением классического наследия в поэзии. Она, как отмечает В.А. Маслова, идет «„тропую вековых хождений” по стопам А.С. Пушкина, М. Цветаевой, А. Ахматовой, Б. Пастернака, видя в культурном пространстве и свое место: *Я знак, я намек на бывшее...*» [3, с. 194].

Цель статьи – выявить специфику языкового наполнения концепта «пространство» в поэтическом идиолекте (структурном компоненте идиостиля) Беллы Ахмадулиной как отражение особенностей мировосприятия поэта.

Материалом для исследования стал своеобразный поэтический миницикл, формирующийся из трех стихотворений: «Ревность пространства. 9 марта», «Милость пространства. 10 марта» и «Строгость пространства. 11 марта» [1, с. 24 – 30], объединенные прежде всего местом и временем создания – Таруса, 9 – 12 марта 1981 г., а также предпосланными посвящениями Борису Мессереру, мужу Беллы Ахмадулиной, театральному художнику, живописцу, графику. На идею объединения в цикл «работает» и само слово «пространство», вынесенное в сильную позицию текста – название, становясь

ключевым во всех трех текстах, выступает в данном случае как смысловой стержень, вокруг которого формируются более простые пространственные категории.

Как основное средство репрезентации концепта «пространство», как показывают наблюдения, относится лексика с изначально присутствующей пространственной семантикой (существительные *даль, близь, простор, поле, улица, дорога*; наречия *вглубь, окрест, вокруг, кругом, здесь*).

От слова «пространство» в заглавии протянуты нити к более простым пространственным категориям и прежде всего к конкретным местам. Так, в рассматриваемых лирических текстах формируется система имен собственных, связанных с местом создания стихотворений – *Паришино (Паришино-село), Таруса, Пачёво и Ока*. При помощи топонимов пространство получает свое конкретное воплощение и наполнение, при этом в данном случае в большей степени осуществляется духовно-историческая «наполненность» топонимов. Все ИС ассоциативно тесно связаны с особо значимыми для автора именем и судьбой Марины Цветаевой (об этом свидетельствуют многочисленные эссе, посвященные ее творчеству). Таким образом топонимы можно рассматривать как воплощение интертекстуальных переключек с иным временем (Серебряным веком), т. е. они воплощают не только ориентиры в пространстве (в видимом мире), но и дополняются ориентацией во временах и в духовных (невидимых) мирах.

Репрезентацию невидимого (духовного) пространства через видимый предметный мир помогает осуществлять предметная лексика, называя те материальные объекты, за счет которых конституируется пространство в сознании конкретного человека. При этом выстраивается своеобразная модель открытого / закрытого пространства: *косогор, поворот, впадина, откос, ручьи, вербы, черемуха; храм, дом, порог, окно, тетрадь, бумага, чернила*.

Ведущими при восприятии пространства являются зрительные ощущения, поэтому в поэтических текстах доминируют «зрительные» (или тесно связанные с ними) лексика и образы: *Здесь поворот – но здесь не разглядеть / от Паришина к Тарусе поворота; Вплотную к зрению поднесен простор, / нет, привнесен, нет, втиснут вглубь, под веки; ...и встречный стопор взору моему / зовет, как все его зовут: метелью; Даль – в белых нетях, близь – неглубока, / она белка, а не зрачка виденье; Но в этот раз ее провидит лошадь; Как школьник в труд радивого соседа / шлет глаз крадущий...; ...как бы меня во сне не провели / влиянья неба, шлющие с откоса / зеленый свет в зеницу полыньи; И слепнувшему взору даль представляется младой и нагой; ...а я, под утро, из теплыни ватной / кошусь в окно; ...то гением глядел, то взглядывал злодеем; Как сумрачно глядит пространство-нелюдим). Все пространство миницикла пронизано белым цветом,*

ассоциативно тесно связанным с еще не ушедшей зимой, а также «зимними» образами: *Стоит в глазах и простоит весь день / все-белизны сплошная поволока; даль – в белых нетях; Какого рода белое окрест, / если оно белее, чем природа?; ...и встречный стопор взору моему / зовет, как все его зовут: метелью; Белеют вместе цельность и подробность; Во впадине под ангельским крылом / вот так бело и так темно должно быть; Вот мучит белизною самодельной, / но и прощает этой белизной / вину моей отлучки семидневной; Тот цвет, что белым мною вкратце назван, – / сильней и безымянней белизны; все поведенье снега; Еще пишу: отвьюжило, отмггилось, / Оке наскучил закадычный лед; ...ты льдины в память льдин возводишь впоныхах; День стужу затевал; а также с белизной листа, на котором рождается стихотворенье: *Равна моим чернилам белизна; ...опыт белой росписи по мраку.**

Пространственное (зрительное) восприятие у Беллы Ахмадулиной обогащается явлением синестезии, объединяя ощущения разных модальностей, что делает восприятие мира объемным и многомерным: *Вход в этот цвет лишь ощути отверст; ...хихикнул чей-то синий голосок; Усилен воздух нежным и нетвердым / сияньем, равным четверти луны.*

Одним из основных приемов, характеризующим поэтический идиолект Беллы Ахмадулиной, является переосмысление лексико-грамматической категории одушевленности / неодушевленности различных концептуально значимых понятий, среди которых и категория пространства: в художественном мире поэта «одоухотворяется» все окружающее ее. Так, пространство обретает возможность «переживать» человеческие чувства и состояния: ревность, милость, строгость. Интересным приемом, как представляется, является повтор автором слова «пространство» в третьей от конца строфе каждого стихотворения, несмотря на разное количество строф («Ревность пространства. 9 марта» и «Строгость пространства. 11 марта» состоят из 10 строф, «Милость пространства. 10 марта» – из 16). И именно в конце каждого текста осмысливается и получает развитие тема «одушевленности» категории, название которой вынесено в сильную позицию текста. Так, в первом стихотворении возникает образ пространства – лютого *сводника* «чела и ремесла», мысли человека и творчества, позволяет рассмотреть лексическое наполнение слова «сводник» (т. е. тот, кто сводит, объединяет, соединяет) в положительном, а не в традиционно негативном смысле:

*У грешного чела и ремесла
нет сводника лютее, чем пространство.*

*Оно – влюбленный соглядатай мой.
Вот мучит белизною самодельной,*

*но и прощает этой белизной
вину моей отлучки семидневной.*

(Подобную авторскую трансформацию коннотации можно обнаружить и у слова «выродок»: *День – выродок из дней, хоть выходец из марта, / один, словно поэт – всегда чужой в роду.*)

У Б. Ахмадулиной пространство получает «человеческие» характеристики и ведет себя вполне «по-человечьи»: *ревнует, мучит, прощает, творит; смеется; шалит, не приемлет шуток.* Впрочем, прием «одушевления» можно рассматривать как закономерное явление для всего миропонимания поэта в целом, поэтому вполне закономерны образы и *капли-вещуны*, которая *навзрыд вещает*, и *молчащего стихотворенья, удивляющихся* (вместе в автором) *часов*, и *окна, ярко лгущего* и т. д.

Отметим, что пространство у Беллы Ахмадулиной практически всегда выступает в паре со временем, являющимся также неотъемлемым атрибутом бытия, что лежит в основе, как представляется, их *разомкнутости*, открытости (при личной, как отмечает литературовед Т. В. Алешка, автор первого диссертационного исследования на постсоветском пространстве по творчеству Б. Ахмадулиной, замкнутости, некоммуникабельности: «Белла Ахатовна была очень закрытым человеком, немногих подпускала к себе близко, была избирательна в отношениях с людьми» [Цит. по : 2]). Разомкнутость можно рассматривать как основное свойство, по определению А. Кульбы, большинства стихов Ахмадулиной в целом: «Они начинаются с пустяка, со сценки под окном, с бормотания под нос, с попытки заговорить, заглянуть в свою душу. А потом вдруг вид за окном и душа на глазах преобразуются и становятся одной вселенной, где правят не обыденное равнодушие, не корысть, не одно из низких чувств. Мир как будто извлекается из немоты и творится заново: вода, которая, булькая, течет из крана, начинает говорить по-грузински, самолеты превращаются в маленьких Соломонов, дождь – в огонь... И кончается – без окончания, без морали – образом, точно ключиком, положенным в руку как бы с призывом продолжать эту культурную экспансию: заполнять заданную интонацию уже собственными переживаниями и словами. Ну или в крайнем случае, вспоминать прочитанное стихотворение – с любого места» [2].

На эту разомкнутость пространства «работают» и глаголы движения и статики, которые указывают на особенности перемещения человека в пространстве (*стоять, простоять, поднести, привнести, втиснуть, сужать, восстать, бежать, убрать, послать, подступать* и т. д.). Однако у Ахмадулиной движение, скорее и чаще, не физическое – простое перемещение тела и предметов в видимом пространстве, а

движение души – погружение в себя и в окружающий мир, их постижение, открытие: «...*пусть ум поможет продвигаться телу*».

Таким образом, можно отметить, что пространство у Беллы Ахмадулиной представлено и наблюдаемым (в формах, линиях, цвете, предметах, движении и т. д.), и «домысливаемым» (пространство творческого процесса, место работы духа). Такое осмысление пространства позволяет найти отголоски влияния творчества О. Э. Мандельштама, которым было создано «новое для русской поэзии ощущение: человек присутствует не просто в конкретном месте, но в пространстве. Человек не просто проходит расстояние, но постигает и осваивает пространство... не просто находится в пространстве, но находит себя в нем» [4, с. 13-14]. Но в отличие от Мандельштама, человек в поэтическом мире Ахмадулиной не только «обитатель пространства» [Там же], а и обитатель времени, рассматриваемом во всех его проявлениях: от мига до вечности. Этому способствует, помимо прочего, и сопричастие в названии, помимо словосочетания, в состав которого входит ключевое слово «пространство», обязательная примета времени (9 марта, 10 марта, 11 марта), и ставшая одной из характерных пример творчества точная датировка времени и места «появления на свет» того или иного произведения.

Пространство и время соединены, объединены в сознании Ахмадулиной, являются формами существования одновременно и быта, и бытия, и всё, попадающее и располагающееся в этой её, личной, «системе координат», становится важным звеном не только в ощущении мира, но и в процессе размышления о мире. Это позволяет вместе с автором двигаться по ступеням постижения пространства и времени – от конкретного места (точки) до Вселенной, от мгновения до Вечности.

Таким образом, можно отметить, что индивидуально-авторская специфика структуризации художественного концепта «пространство» в идиолекте Беллы Ахмадулиной как отражение авторского мировосприятия наиболее ярко проявляется в отборе топонимов, предметной лексики, глаголов с семантикой движения и статики, а также в их оценочном компоненте. Прием «одушевление» категории пространства лежит в основе построения общей художественной картины мира поэта и позволяет постигать его через авторские ощущения и со-ощущения читателя. Репрезентация концепта «пространство» отражает особенности мировосприятия и самоидентификации поэта.

Как перспективное видится дальнейшее изучение особенностей индивидуально-авторской репрезентации концептов «пространство» и «время» с привлечением большего объема исследуемых и поэтических, и прозаических текстов Беллы Ахмадулиной.

Литература

1. **Ахмадулина Б.А.** Ночь упаданья яблок / Б. А. Ахмадулина. – М. : Олимп, Астрель, 2010. – 511 с.
2. **Кульба А.** Код Ахмадулиной [Электронный ресурс] / А. Кульба. – Режим доступа : <http://www.nsad.ru/index.php?issue=9999§ion=10000&article=1539&print=1>; http://www.ruskline.ru/monitoring_smi/2011/7/27/kod_ahmadulinoj/
3. **Маслова В.А.** Русская поэзия XX века. Лингвокультурологический взгляд : учебное пособие / В. А. Маслова. – М. : Высшая школа, 2006. – 256 с.
4. **Панова Л.Г.** Пространство и время в поэтическом языке О. Мандельштама : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук : спец. 10.02.02 «Русский язык» / Л. Г. Панова. – М., 1998. – 22 с.

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.163.1

Балко М.В.

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК КАК ПОДСИСТЕМА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ ДОНБАССА)

В статье анализируется языковая ситуация современного Донбасса в аспекте определения места и роли церковнославянского языка в стилевой системе современного русского языка. Аргументируется позиция, что старославянский язык следует считать функциональной подсистемой современного русского языка, традиционно обслуживающей сферу богослужения. Кроме того, церковнославянский язык признаётся таким, который обогащает лексико-грамматическую систему русского языка.

Ключевые слова: языковая ситуация, церковнославянский язык, современный русский язык, секуляризация.

The article analyzes the language situation of modern Donbass in the aspect of determining the place and role of the Church Slavonic language in the style system of the modern Russian language. The position is argued that the Church Slavonic language should be considered a functional subsystem of the modern Russian language, traditionally serving the sphere of worship. In addition, the Church Slavonic language is recognized as such, which enriches the lexico-grammatical system of the Russian language.

Keywords: language situation, Church Slavonic language, modern Russian language, secularization.

Понятие языковой ситуации на сегодняшний день трактуется неоднозначно (ср. работы В.И. Беликова, Л.Б. Никольского, А.Д. Швейцера и др.): как «социально и функционально распределенные формы существования языка» [4, с. 62], соотнесенные с языковой средой; как корпус языковых форм, обслуживающих непрерывную коммуникацию в определённой территориальной или этнической общности [7, с. 101]; как параметр социально-коммуникативной среды в тот или иной исторический период [2, с. 4] и т. п. Приведённые определения свидетельствуют, что характерной чертой языковой ситуации является членение языкового континуума на взаимодополняющие социальные, территориальные, функциональные и др. подсистемы. Основу этого континуума составляет, безусловно, живой язык титульного этноса определённой территории.

Цель предложенной статьи – описать место и роль церковнославянского языка (далее – ЦСЯ) в функционально-стилевой системе современного русского литературного языка.

Активное использование ЦСЯ было присуще языковой ситуации средневековой Руси [1], причём церковнославянский компонент логично дополнял древнерусский. Эти два основных субкода, выполняя строго определённые функции в обществе, распределялись по соответствующим социальным сферам. Устойчивость употребления одного из названных субкодов определялась, прежде всего, статусом ЦСЯ как языка культа и науки в древней Руси, представлявшей собой высоко религиозное общество. Языковая ситуация древнерусского государства может быть охарактеризована, таким образом, как двуязычие, поскольку фиксируем сосуществование двух литературных языков, пребывавших в отношениях функциональной дополнительности. Первым на эту особенность языковой ситуации древней Руси обратил внимание М.В. Ломоносов, теория трёх стилей которого основана на равноправном употреблении в речи как ЦСЯ, так и древнерусского языка [3]. Учёный признаёт пользу церковных книг, более того – настаивает на необходимости их чтения: «Рассудив таковую пользу от книг церковных славенских в российском языке, всем любителям отечественного слова беспристрастно объявляю и дружелюбно советую, уверясь собственным своим искусством, дабы с прилежанием читали все церковные книги» [3, с. 590]. М.В. Ломоносов, выделяя древнерусский как литературный вариант языка, фиксирует проникновение в него церковнославянских (славенских) элементов и их преобразующую функцию.

Не стоит забывать, что в Ломоносовскую эпоху русский литературный язык только начинал своё становление, а теория трёх стилей была основой его кодификации. В то же время отмечаем бесспорный вклад М.В. Ломоносова в нормирование русского языка, который заключался в рассмотрении ЦСЯ и древнерусского языка как компонентов одной системы, взаимодополняющих и взаимообогащающих друг друга. Учёный уверен в том, что церковнославянская лексика и семантика имела большое значение для формирования русского литературного языка. «Сия польза наша, – отмечал М. В. Ломоносов, – что мы приобрели от книг церковных богатство к сильному изображению идей важных и высоких» [3, с. 590]. Более того, эта уверенность великого мыслителя способствовала разумному, а не беспорядочному заимствованию чужеродных языковых элементов. М.В. Ломоносов призывает к употреблению ЦСЯ наравне с российским, чтобы «дикие и странные слова нелепости» [3, с. 591] из чужих языков не проникали в нашу речь. Такой подход к высоконравственному церковнославянскому наследию в русском языке был, как видим, актуальным для М. В. Ломоносова.

Языковая ситуация в современном Донбассе характеризуется сосуществованием и взаимодействием различных языков (русского, украинского, греческого, армянского и многих других) и языковых подсистем (территориальных, социальных диалектов, просторечия и т. п.). Неотъемлемой составляющей сложившейся языковой ситуации, о которой крайне редко упоминают, является ЦСЯ, традиционно обслуживающий конфессиональную сферу жизни. В этой связи считаем целесообразным подчеркнуть несколько ключевых тезисов:

- ЦСЯ современного употребления является живым, поэтому есть все основания изучать его в синхронии, независимо от предыдущих исторических срезов.
- ЦСЯ – это язык богослужения православной Церкви, и именно в этом статусе актуален для многих тысяч людей. И здесь очень важным и неоднозначным видится вопрос: ЦСЯ и современный русский язык представляют собой два разных языка или всё-таки один язык? Если это на сегодняшний день разные языки, то значит, что богослужение у нас ведётся на чужом языке (абсурдное утверждение!). Следовательно, ЦСЯ – не чужой нам, то есть является одной из стилистических разновидностей современного русского литературного языка.
- Можно предложить следующий социолингвистический портрет личности, пользующейся ЦСЯ: это воцерковлённый носитель современного русского литературного языка, не имеющий филологического образования.
- Церковнославянские языковые единицы следует воспринимать как стилистически маркированные.

Приведённые выше тезисы являются основой для формулирования следующих аксиологических признаков ЦСЯ как единственно возможного языка православного богослужения:

- понятность ЦСЯ определяется фактом его единства с русским;
- специфическая возвышенная окраска церковнославянских слов и целых текстов способствует их восприятию как «священных», то есть посвященных Богу (так же, как, например, иконопись или храмовая архитектура);
- церковнославянские тексты характеризуются унифицированностью и воспроизводимостью в неизменной форме.

За сохранение ЦСЯ и обязательное употребление его в богослужебной практике неоднократно высказывались известные филологи, в частности Д. С. Лихачев, подчёркивавший, что служба в православной церкви на ЦСЯ – это живые традиции, он объединяет культуру предшествующих поколений и новейшего времени, пропагандируя высокие духовные ценности Руси и выполняя, таким образом, важную образовательную и воспитательную роль.

ЦСЯ и в начале XXI века в полной мере выполняет функцию священного языка Православной Церкви, ради чего и был создан. Но в то же время отдельные церковнославянские элементы всё чаще употребляются далеко не в сакральных текстах, будучи неисчерпаемым источником слов, фразеологизмов, языковых конструкций других стилей современного русского языка, например, публицистического. Ср. примеры из прессы Донбасса: *На данном этапе начинается фактическое разбазаривание всего того промышленно важного, что не успели разбазарить все предыдущие...властители* (Голос Республики. – 2016. – 20 сентября); *В таинство погружения в удивительную страну Знаний повела учащихся волшебная нить и умнейшие герои мультфильма «Фиксики»...* (Новые горизонты. – 2016. – 09 сентября); *Русский апостол Японии, как назовут святителя, родился в селе Берёза Смоленской губернии, а большую часть жизни провёл там, где цветёт сакура* (Макеевский рабочий. – 2016. – 14 октября); *Немаловажный факт: если обитатели терцентра захотят, к ним может прийти священник. Исповедовать, причастить, молебен отслужить* (Макеевский рабочий. – 2017. – 03 ноября) и т. п.

Ввиду вышесказанного, можем утверждать, что русский язык пережил значительную секуляризацию [5], приведшую к обмирщению многих «священных» языковых элементов ЦСЯ. Так, современный русский язык изобилует словами, которые когда-то выражали главные идеи христианского мировоззрения (идентифицировали христианскую картину мира), а теперь в употреблении полностью утратили эту связь, ср.

междометия *боже мой!* или *господи!* вообще не предполагают обращения к Богу. Лексема *Прощай(те)!*, используемая в этикетной коммуникативной ситуации расставания, этимологически, конечно же, связано с одной из заповедей Христа, подчёркивающей важность просить у других людей прощения за проступки и самому прощать, но в современном узуальном употреблении эта связь утрачена. Ещё более отделилось от истинного христианского значение слово *Спасибо* во многих современных производных формах *спасибки, спасибочки, спс* и др. Подобных языковых свидетельств утраты христианской составляющей в семантике слов и выражений русского языка новейшей эпохи много, причём степень утраты может быть разная.

Интересны факты, демонстрирующие полную секуляризацию семантики некоторых современных слов и выражений (ср., *злачное место, тварь, вертеп, прозябать* и др.). Так, словосочетание *злачное место* имело значение 'райские кущи, цветник', тогда как его современная семантика ('место, где кутят и развратничают') противоположна первоначальной. В. В. Виноградов объясняет трансформацию значения этого выражения тем, что оно «подверглось ироническому переосмыслению в языке разночинно-демократической интеллигенции» [Цит. по: 5].

Безусловно, явления, связанные с общей жаргонизацией речи, на современном этапе являются массовыми и прогрессирующими [6]. В то же время не можем не заметить, что на сегодняшний день (в том числе и в Донбассе) активно развиваются и пополняются жанры духовно-религиозной литературы, написанной высоким стилем с употреблением, конечно же, церковнославянской лексики. Очевидно, русский язык не может существовать в режиме постоянного стилистического упрощения. Языковая ситуация на любом этапе развития общества естественно требует создания и активного функционирования текстов, в которых бы воплощались фундаментальные нравственные и мировоззренческие понятия. Такая возвышенная коммуникация реализуется в духовно-религиозном дискурсе: проповедях священников (причём выступающих не только в Церкви, а и, например, в СМИ), биографиях людей с богатым духовным опытом, современных толкованиях Священного Писания и др. Ср. радиостанцию «Вера» или официальный веб-сайт Донецкой епархии «Донбасс Православный», на котором дана полная информация о епархии, а также размещены тексты проповедей, бесед, жизнеописания пророков и мыслителей, новости епархии и под. Это, как можно убедиться, востребованные и обсуждаемые ресурсы.

Таким образом, на новейшем этапе развития русского литературного языка нельзя игнорировать такую неотъемлемую его составляющую, как ЦСЯ, являющийся одним из средств оздоровления языковой среды и обновления языковой культуры. Дальнейшее

изучение особенностей взаимодействия русского литературного языка и ЦСЯ представляется весьма перспективным, поскольку это направление лингвистических студий чрезвычайно слабо разработано.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Антоньева Ю.Е.** Проблематика изучения языковой ситуации Древней Руси в российской лингвистической науке / Ю. Е. Антоньева // Сборник научных статей международной молодежной школы-семинара «Ломоносовские чтения на Алтае», Барнаул, 5-8 ноября 2013 г. : в 6 ч. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. – Ч. V. – С. 3–8.

2. **Беликов В.И.** Социолингвистика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М.: Центр РГГУ, 2001. – 317 с.

3. **Ломоносов М.В.** Полное собрание сочинений / М. В. Ломоносов. – Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 7: Труды по филологии. – 997 с.

4. **Никольский Л.Б.** О предмете социолингвистики / Л. Б. Никольский // Вопросы языкознания. – 1974. – № 1. – С. 60–67.

5. **Петрухина Е.В.** О пользе церковнославянского языка как языкабогослужения для современного русского языка. Филологический отклик на дискуссию о языке Русской Православной Церкви / Е. В. Петрухина [Электронный ресурс] // <https://www.portal-slovo.ru/philology/44903.php>

6. **Рогожникова Т.П.** Особенности употребления церковнославянской лексики в различных сферах общения / Т. П. Рогожникова // Омский научный вестник. – 2013. – № 5 (122). – С. 135–138.

7. **Швейцер А.Д.** Введение в социолингвистику/А. Д. Швейцер, Л. Б. Никольский. – М.: Высш. школа, 1978. – 216 с.

УДК 811.161.1'276.3'373.43.- 053.6

Белоусова Е. В.

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ В МОЛОДЁЖНОМ СЛЕНГЕ.

В статье рассматриваются проблемы современной языковой ситуации, вызванные колоссальным ростом англоязычных заимствований. Предпринимается попытка анализа неологизмов в молодёжном сленге. Обосновывается опасность злоупотребления англицизмами, способствующая разрушению концептосферы русского языка.

Ключевые слова: языковая ситуация, англоязычные заимствования, неологизмы, сленг.

The article deals with the problems of the modern language situation, caused by the colossal growth of English-language borrowings. An attempt is made to analyze neologisms in youth slang. The danger of abuse of Anglicisms, which contributes to the destruction of the conceptual sphere of the Russian language, is grounded.

Key words: language situation, English-speaking loans, neologisms, slang.

В эпоху глобального билингвизма «родной язык + английский язык» современную языковую ситуацию можно охарактеризовать, используя существительные одной словообразовательной модели: *демократизация, либерализация, неологизация, интернационализация, варваризация, американизация, карнавализация, жаргонизация*. Активизация международных контактов, возросшая значимость глобальных компьютерных сетей, их роль в жизни социума привели к колоссальному росту англоязычных заимствований в речи. Л.П. Крысин объясняет это «предрасположенностью, психологической готовностью российского общества к восприятию новой и широкому распространению ранее существовавшей, но специальной заимствованной лексики» [4, с. 21].

Однако, если в 90-е употребление иноязычных неологизмов можно было оправдать действием закона экономии речевых усилий, в результате которого многословное привычное наименование заменялось коротким, нерасчленённым (например, магазин модной одежды – *бутик*, путешествие по морю – *круиз*), теперь наблюдается обратный процесс. Короткое слово «*совет*» вытеснено труднопроизносимым *лайфхак*. *Лайфхак* (от лайфхакинг, англ. life hacking) – на сленге означает «хитрости жизни», «народную мудрость» или полезный совет, помогающий решать бытовые проблемы, экономя тем самым время.

Следует отметить, что в молодежной среде неологизмы стали восприниматься как своего рода стандарт в узусе на фоне заметного понижения статуса исконного слова. Это прослеживается при анализе сленга студентов-филологов, отдающих предпочтение англицизму, а не его русскому аналогу: *беби* – 'малыш', *уик-энд* – 'выходные', *лук* – 'образ', *секьюрити* – 'телохранитель, охранник', *креативный* вместо 'творческий', активно употребляется определение *гламурный* вместо прилагательных 'привлекательный, шикарный', *вэлкам* вместо 'добро пожаловать' и многие другие.

Не вызывает сомнений тот факт, что особая роль в формировании языковой среды, в которой сегодня «обитает» молодежь, принадлежит Интернету. Исходя из вышесказанного не удивительно, что Экспертный совет при Центре творческого

развития русского языка, в который входят известные писатели, филологи, лингвисты, журналисты, культурологи и философы, включил в ТОП-10 слов 2017 года следующие слова:

1. Реновация.
2. Биткоин.
3. Хайп.
4. Токсичный.
5. Баттл.
6. Допинг.
7. Криптовалюта.
8. Фейк.
9. Безвиз.
10. Домогательство/харассмент.

Отметим, что эксперты совета выбирали слова из списка, составленного участниками групп «Слово года» и «Неологизм года» на Facebook.

Рассмотрим значения некоторых из них. Слово «*Battle*» произносится, вообще-то, «бэттл» и переводится на русский язык как «битва, бой, сражение». Но ведь «битва» или «сражение» – это так старомодно, а «баттл» – стильно и модно. В современном сленге слово «баттл» употребляется вместо «конкурс» или «состязание». Например, «рэп-баттл» – это состязание двух рэперов.

Слово «*хайп*» («hype») буквально переводится с английского как «навязчивая реклама; шумиха, ажиотаж». Существует и однокоренной глагол, который означает «раскрутить; раздуть». В русском языке, кстати, производный глагол тоже есть, но, разумеется, представлен он в более привычном для носителей языка виде: «хайпить». «*Хайпить*» – это создавать шумиху вокруг какого-либо события или какой-либо личности. Понятно, что оба слова являются сленговыми.

Состояние речи молодежи вызывает глубокую озабоченность не только у преподавателей, но и у лингвистов. Так, например, В.Г. Костомаров говорит о «галопирующей американизации нашей жизни». В его книге «Языковой вкус эпохи» справедливо отмечается: «Средства массовой информации просто поражены вирусом коленопреклонения перед всем западным, что также осложняет и без того непростую обстановку, связанную с агрессивным вторжением чужеродной лексики в русский язык» [3, с. 115]. Ю. Н. Караулов подчеркивает, что «внедрение иноязычных слов идет от лености ума, консерватизма мышления говорящего и пишущего, от нежелания

«растормошить» ресурсы родного языка и заглянуть в его запасники, а иногда, правда, от стремления к элитарности в тексте» [1, с. 202].

Нам представляется интересной точка зрения В. В. Колесова, который видит в заимствованиях опасность угрозы основам русской ментальности:

– повышается уровень субъективности в высказывании: понятие новшество 'что-то новое, только что вошедшее в обиход' не тождественно понятию новация 'необязательно новое, но оригинальное, модное';

– расширяется искусственность оценки и характеристики: образ не соотносится с понятием *имидж* (который является образом вымышленным, фальшивым);

– распространяется скрытое смягчение характеристики: *истэблишмент* вместо *начальство*, *коррупция* вместо *продажность*;

– понижается статус обозначаемого: любовь — секс (устранение духовного и душевного компонента в общении) [2, с. 210].

В заключение следует отметить, что злоупотребление англоязычными заимствованиями, наблюдающееся в современной языковой ситуации, впоследствии может привести к искривлению русского ментального пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М: ЛКИ, 2010.– 264 с.
2. **Колесов В.В.** Язык и ментальность / В.В. Колесов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. —240с.
3. **Костомаров В.Г.** Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В.Г.Костомаров. – СПб. : Златоуст, 1999. – 320с.
4. **Крысин Л. П.** О социальной дифференциации современного русского языка / Л. П. Крысин // Русистика сегодня. – 1998. – № 3-4. – С. 21.
5. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика: ок. 8500 слов и устойчивых словосочетаний / Под ред. Г.Н. Складневской. – М.: Эксмо, 2006. – 1136 с.

**ФОРМИРОВАНИЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ
НЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КУРСА
«РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ»**

В статье анализируются базовые основы формирования речевой культуры студентов нефилологических специальностей, даются практические рекомендации по ее совершенствованию в процессе изучения вузовской дисциплины «Русский язык и культура речи». Раскрывается понятие «речевая культура» как показатель коммуникативной компетентности студентов неязыковых специальностей. Обращается внимание на наиболее эффективные, инновационные формы работы, содержание и методика проведения которой обеспечивают высокий уровень овладения нормами современного русского литературного языка, речевую составляющую общекультурной и профессиональной подготовки будущих специалистов.

Ключевые слова: уровень речевой культуры, коммуникативная компетентность, профессиональная подготовка, речевое поведение.

The article analyzes the basic foundations of the formation of speech culture of students of non-philological specialties, provides practical recommendations for its improvement in the process of studying the University discipline "Russian language and speech culture". The article reveals the concept of "speech culture" as an indicator of communicative competence of students of non-linguistic specialties. Attention is drawn to the most effective, innovative forms of work, the content and methods of which provide a high level of mastery of the modern Russian literary language, speech component of General cultural and professional education of future specialists.

Key words: level of speech culture, communicative competence, professional training, speech behavior.

Переоценить значение курса «Русский язык и культура речи» в системе высшего профессионального образования невозможно, так как для современного специалиста первостепенным признаком деловой квалификации и профессиональной подготовленности становится речевая культура. Данный курс, выступая связующим звеном между средней и высшей школой, является базовой вузовской дисциплиной, направленной не только на развитие коммуникативных способностей студентов, формирование умений оценивать речевое поведение, но и на расширение

общекультурного кругозора, повышение гуманитарного мышления и образованности[2; 3].

Современное общество предъявляет к будущему специалисту ряд серьезных требований, помочь в реализации которых призвана высшая школа. Сегодняшний специалист должен обладать высокой культурой устной и письменной речи, навыками делового общения, точного и умелого использования различных языковых средств, свободной и активной коммуникации в профессиональной сфере.

Для успешного общения студентам неязыковых специальностей крайне необходимы умения и навыки, которые они смогут получить только при изучении данной дисциплины. Это и знание особенностей функциональных стилей русского языка, законов композиции и стилей речи, правил речевого этикета и ведения диалога. На занятиях у первокурсников появляется возможность продуцировать правильно выстроенные монологические тексты в зависимости от коммуникативного запроса. Также обучающиеся приобретают навыки участия в речевых контактах, обмену информацией с другими коммуникантами в различных социальных ситуациях [1].

Студенты неязыковых специальностей получают информацию о богатстве языка, его ресурсах и формах реализации, что повышает языковую компетенцию первокурсников и позволит в перспективе правильно выполнять коммуникативные задачи, верно выбирать речевые средства, составлять научные, официально-деловые, публицистические высказывания. Для формирования у студентов-нефилологов основ коммуникативной культуры необходимо ориентировать организационно-дидактические возможности занятий на работу по овладению нормами русского языка и этикой речевой коммуникации с учетом общезыкового уровня подготовки и профессиональной ориентированности обучающихся.

Будущие специалисты овладевают богатствами речи, в том числе и речи профессиональной. Этим объясняется повышенное внимание к соответствующей терминологии (в плане семантики, употребления специальных слов в устной и письменной речи – их произношения, написания, уместности и т. п), к текстам, тематически отражающим специфику отрасли, профессиональные потребности делового общения.

Речевое поведение воспринимается обучающимися как «визитная карточка человека в обществе» (образное выражение Г.О. Винокура), что кардинально меняет подход студентов - нефилологов к собственной речи, вырабатывает у них критическое отношение к речевой среде.

Описанные факты благотворно влияют на образовательный процесс. Позиция большинства студентов неязыковых специальностей: курс «Русский язык и культура речи» следует изучать не формально, пассивно, ради сдачи экзамена, а работать творчески, активно, углубленно. Ведь от владения речью будут во многом зависеть социализация, профессиональная успешность, личные контакты.

Традиционно достаточно распространенным упражнением на занятиях является словарный диктант, который мы обычно проводим как словарно-семантический, подбирая в качестве дидактического материала слова и словосочетания, связанные не только общими орфограммами, но и тематически (прежде всего это касается специальной терминологии). Так, диктант «Профессии XXI века» позволяет обратить внимание на значение и происхождение, способы образования и строение слов, их правописание и произношение, особенно в плане постановки ударения и произнесения конечного [к] на месте буквы *г* в конце слова (частотная в нашем регионе ошибка: [х]).

Айтишник, блоггер, бренд-менеджер, вальвеолог, веб-дизайнер, геймер, дистрибьютер, имиджмейкер, коллектор, коучер, мерчандайзер, политолог, промоутер, спичрайтер, толкинист, тьютор, фрилансер.

Возможные варианты, орфографические и орфоэпические (например: *блоггер – блогер, мерчандайзер – мерчендайзер, толкинист – толкиенист*), позволяют показать студентам-нефилологам, как входят в нашу речь новые слова-заимствования.

Деловое общение представлено в курсе «Русский язык и культура речи» не только совершенствованием умений составлять документы типа заявления, расписки, доверенности и под., но и подготовкой к более современным жанрам официально-делового стиля: резюме, собеседование, электронный вариант деловой переписки и др.[5]. При этом, безусловно, задания сориентированы на будущую специальность. Предлагается соответствующая тематика для анализа и моделирования речевых ситуаций: деловая беседа, телефонный разговор, виртуальная экскурсия.

Практически каждое занятие содержит элементы обучающего контроля в виде проверочных работ небольшого объема: открытые и закрытые тесты, диктанты различных видов, редактирование текстов. Такие задания наиболее эффективны, когда они максимально индивидуализированы. Первокурсники работают с карточками, дидактический материал которых способствует коррекции знаний и умений конкретного студента.

Написание и защита рефератов по актуальным вопросам культуры речи развивают у вчерашних школьников умения отбирать материал по теме, компоновать его, выделять главное и т.п. Совершенствуются навыки тезирования, оформления библиографии,

сносок. Студенты обучаются логичности, точности, последовательности в продуцировании и изложении текста научного стиля как в устной, так и в письменной форме. Немаловажное значение приобретают и навыки четкой формулировки вопросов и ответов на них.

Вузовский курс «Русский язык и культура речи» для неязыковых специальностей предоставляет студентам возможность повысить уровень владения родным (для большинства первокурсников) русским языком, усовершенствовать приобретенные в школе навыки грамотной, нормативной речи. Эта дисциплина развивает умения рационального речевого поведения, обучает эффективному общению как в бытовой, так и в профессиональной коммуникации.

Через культуру речи, ее высочайшие образцы, представленные в художественном, научном, публицистическом стилях, молодые люди приобщаются к общечеловеческой и родной, национальной культуре, научаются бережно, уважительно относиться к русскому языку. Ведь «...самая большая ценность народа – его язык, на котором он пишет, говорит, думает» (Д.С. Лихачев).

ЛИТЕРАТУРА

1. **Введенская Л.А.** Русский язык и культура речи: учеб. пос./ Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова, Е.Ю. Катаева. – Ростов н/Д: издательский центр «МарТ», 2002. – 512 с.

2. **Горовая В.И.** Культура речи как компонент коммуникативной культуры и коммуникативной компетентности языковой личности / В.И. Горовая, Л.В. Григорова // - Наука и школа. – 2016. – № 5. – С. 153-157.

3. **Прохоцкая С.А.** Взаимосвязь языка и культуры / С.А. Прохоцкая // Риторика в системе коммуникативных дисциплин: сб. науч. тр.: материалы IX Международной научно-методической конференции. – Санкт-Петербургский горный институт им. Г.В. Плеханова. СПб., 2005. – Вып. 160-2. – С. 129-132.

5. **Федотова Т.В.** Формирование языковой культуры студентов при изучении курса «Русский язык и культура речи» / Т.В. Федотова // Научный вестник ЮИМ. – 2015. – № 1. – С. 93-98.

6. **Штрекер Н.Ю.** Русский язык и культура речи: учебное пособие для студентов вузов / Н.Ю.Штрекер. – Сер.: Cogito ergo sum. –М., 2011.

ВЛИЯНИЕ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ НА СМИ

В статье изучаются проблемы, связанные с нравственно-ценностными приоритетами в современном речевом общении и использование сниженных лексических средств в СМИ. Автор исследует особенности использования неологизмов, иноязычной лексики и жаргонизмов, их влияние на речь подростков и молодежи.

Ключевые слова: речевая культура, иноязычная лексика, жаргонизм, языковая норма, вариантность, критерии нормативности, лексическая норма, лексикология, лексикография.

The article examines the problems associated with the moral value priorities in modern speech communication and the use of reduced lexical means in the media. The author explores the features of the use of neologisms, foreign vocabulary and jargon, their influence on the speech of adolescents and young people.

Key words: speech culture, foreign language vocabulary, jargon, language norm, variant, normative criteria, lexical norm, lexicology, lexicography.

Состояние русского языка конца XX – нач. XXI века, изменения, которые в нем активно происходили, нуждаются в тщательном изучении и освещении с целью выработки оценок и рекомендаций с позиций объективности и исторической целесообразности. Скорость изменений в языке настолько ощутима, что не оставляет равнодушных ни в кругу ученых, ни в среде журналистов и публицистов, ни среди рядовых граждан. СМИ все чаще начинают использовать такие языковые формы, которые вызывают противоречивые взгляды и оценку того что происходит. Некоторые из журналистов собирал грубые ошибки в речи, ориентируясь на традиционный литературный язык прошлого; другие – радостно восприняли “вербальную свободу”, отбрасывая всякие ограничения в пользовании языком – вплоть до допустимости печатного использования в языке грубого просторечия, жаргонов и арготических слов.

Действительно, изменения в языке СМИ вызывают обеспокоенность, но при этом не стоит ставить знак равенства между реальными динамическими процессами, которые происходят в языке, в частности, в росте количества вариантных форм, и явлениями, которые можно объяснить недостаточной культурой устной и письменной речи людей. Так, последние имеют достаточно реалистичное обоснование: демократизация общества намного расширила границы лиц, которые публично выступают в прессе и других сферах

массового общения. Свобода слова, воспринятая как манера общения, сломала все социально-этические запреты и каноны, которые существовали до этого.

В течение последних десятилетий в языке продолжается качественно новый этап развития — как одно из последствий демократизации общества и социально-национального подъема общественных настроений, начиная с конца 1990-х гг. Оценивая характер этих изменений, можно констатировать, что русский язык расширился в социальном пространстве с одновременным развитием его изобразительно-выразительных возможностей.

Одновременно с расширением социального функционирования языка произошли важные процессы в самой структуре языка. С одной стороны, значительно активизировались процессы дальнейшего развития функциональных стилей литературного языка, особенности публицистического, официально-делового и научного, в меньшей степени — профессионального стиля, военного языка. С другой стороны, параллельно с этим заметны сдвиги в нормативной основе литературного языка — комплекс явлений, сложный по своей сути и далеко не однозначный по его оценке.

Одними из наиболее распространенных явлений конца XX — начала XXI века в СМИ стали калькирование, авторские неологизмы, жаргонизмы и просторечные слова. Следует отметить, калькирование происходит только в условиях билингвизма: как калькирование, так и семантические заимствования имеют в своей основе двуязычие определенной части языкового коллектива. Этот процесс обусловлен притоком иноязычной лексики и не означает простое количественное обогащение словаря, а приводит к важным изменениям в лексико-семантической системе. Калька (фран. *calque* - копия, подражание) — “слово или выражение, представляющее собой перевод по частям иноязычного слова или оборота речи с последующим сложением переведенного в одно целое” [13, с.103], или слово или выражение образованные путем копирования того самого способа, каким оно было создано в другом языке. В зависимости от того, каким образом осуществляется калькирование (словообразованием, новым использованием старого слова или фразеологической единицей) и что оно создает (слово, новое значение давнего слова, фразеологизм), различают словообразовательное, семантическое и фразеологическое калькирование.

Словообразовательное калькирование является важнейшим вопросом теории калькирования и имеет еще название структурно-семантическое калькирование, то есть является образцом для создания словотворческой кальки структуры слова, что калькируется, происходит перенимание калькой семантики другого слова [7:48]. Подобная классификация калек существует у Николая Максимовича Шанского, который четко

противопоставляя кальки и заимствования, распределяет их на кальки лексические и фразеологические [15, с.105]. Лексические кальки делятся на словообразовательные и семантические.

Н.М. Шанский выделяет также полукальки — это слова, состоящие частично из собственного материала, а частично из материала иноязычного слова, которое по словообразовательной структуре так же точно соответствуют аналогичным словам языка-источника [15, с. 110-111]. Например: *В народе подобные шоп-туры прозвали «поездками за килограммы...А многим шопинг и вовсе не нужен — они ездят, чтобы «откатать» визу* (Московский комсомолец, № 13, 29 марта 2018 г.).

Стоит отметить, что калькируя иноязычный термин, мы придаем родному слову (что уже существует или специально для этого созданное) значение иноязычного слова [10, с.247]. В связи с этим калькирование считают более глубоким иноязычным влиянием, чем лексическое заимствование, поскольку в процессе калькирования происходит перестройка моделей языка-приемника, в результате введения иноязычных элементов в сферу языка с высокой структурной организацией (морфология, синтаксис, некоторые сферы лексики и т. д). Двойная этимология калек, связанных с иноязычной моделью и удельным материалом, затрудняет их отнесение к заимствованиям, однако, несмотря на потенциальные возможности созидания, они — кальки — образуются по чужой иноязычной модели. Поэтому, по мнению некоторых исследователей, кальки лучше рассматривать не как нечто промежуточное между собственной лексикой и заимствованием [7,с.201], а как особый вид заимствования. Например: *Редко какой глава семейства захочет провести свой заслуженный уик-энд, таким образом ради пары-тройки магазинов* (Московский комсомолец, № 13, 29 марта 2018 г.).

Основным источником калек современного русского языка в СМИ является английский язык. Через активное действие экстралингвистических факторов, калькирование в современном русском языке приобрело регулярный характер. Например: *Дело Скрипаля воспринимается в Великобритании как «ремейк» дела Литвиненко* (Московский комсомолец, № 13, 29 марта 2018 г.); *Но, по рассказу модератора одного специфического сайта, бывают люди с фантазией, которые «клад» прячут, к примеру, в карманах джинсов, продающихся в секонд-хенде, и даже на вывесках расположенных на десятиметровой высоте* (Московский комсомолец, № 13, 29 марта 2018 г.); *Лидерство после овертайма* (Донецк вечерний, № 49, 13 декабря 2017 г.); *Впрочем, эти знания не помогли хозяевам добиться легкой виктории* (Московский комсомолец, № 13, 29 марта 2018 г.). Достаточно корректно в отношении этого замечания Е. Куриловича: «Объяснение кальки, как вообще объяснения любого нововведения, будет удовлетворительным тогда,

когда примет форму пропорции, что иллюстрирует примерную имитацию. Поскольку калька образуется лицами, которые владеют двумя языками, поэтому и определение пропорции относятся в этом случае к двум разным языкам» [10,с.246]. Кальки рассматривают как одну из важных форм речевого воздействия, которая проявляется очень специфически, по сравнению с заимствованиями, хотя и связаны с ними. «Каждому периоду заимствований, – отмечает венгерский лингвист Л. Гальди, – отвечает новая волна калек, и только совокупность этих двух видов заимствований дает правильное представление о влиянии одного языка на другой» [14, с. 179].

Разговорная лексика в публицистическом тексте выполняет ряд функций, в частности обновляет образность, создает колорит разговорности, оживляет изложение, употребляется для характеристики персонажей. Нередко просторечные слова берутся в кавычки, что свидетельствует не о расширении словаря СМИ, а о сознательном и целенаправленном употреблении средств другого стиля согласно реальной ситуации и контекста. Характерная для всех видов публицистических текстов (независимо от тематики и жанра), разговорная лексика в языке СМИ неоднородна по своему составу. Например: *Их называют «тушканчиками» или «помагайками», а обитают они в окрестностях нашего российского Выборга, от которого рукой подать до границы* (Московский комсомолец, № 13, 29 марта 2018 г.).

Современные медиатексты содержат в себе немалое количество элементов просторечья, сленга и жаргона вроде: *оторваться, отмазка, голодуха, классный, на шару, приколы, развести, раскрученный, фишка*. Например: *Основная рекламная аудитория Собчак, как и прежде, олигархи, медийная тусовка, различные светские персонажи* (Московский комсомолец, № 13, 29 марта 2018 г.); *Получение гектара — это многоуровневый квест, где облом может произойти как на одном уровне, так и на всех сразу* (Московский комсомолец, № 13, 29 марта 2018 г.). Обычно они используются в основном в публикациях, рассчитанных на молодежную аудиторию, и выполняют функцию приближения к читателю, создания доверительной атмосферы разговора. Например: *Ну, придут проверяльщики. Бизнес просто даст им немножко. На карманные расходы. И все дела* (Московский комсомолец, № 13, 29 марта 2018 г.); *Сбор средств за жилищные и коммунальные услуги, перевод их РСО, а также выбивание задолженности с неплательщиков не были главными функциями управляющих компаний* (Московский комсомолец, № 13, 29 марта 2018 г.); *Европейскому союзу требовалось продемонстрировать свою солидарность с «тётей Терезой» — и он её продемонстрировал* (Московский комсомолец, № 13, 29 марта 2018 г.); *Тех, кто развозит*

закладки с наркотиками, называют кладменами, или минерами (Московский комсомолец, № 13, 29 марта 2018 г.).

В российской лингвистической литературе проблемам культуры речи посвящено уже много исследований и статей ведущих языковедов. К этой теме обращались такие исследователи как: Е. Истрина, В. Виноградов, С.Ожегов, Ю. Бельчиков, А. Ахманова. В украинском языкознании необходимо отметить труды И. Белододе, Н. Желтобрюха, В. Русановского. В трудах В. Виноградова, И. Белододе и других лингвистов наука о культуре речи определяется как широкая теоретическая и практическая дисциплина, связанная со стилистикой, а из внеязыковых дисциплин с психологией и социологией [5]. Таким образом, основой науки о культуре речи является учение о “правильности” языка, что связано с понятием “нормы”.

Зависимые от многочисленных общественных и языковых причин процессы становления литературной нормы, появления вариантных норм, “старения” и изменения норм все еще выдаются с первого взгляда в значительной степени стихийными. Это объясняется как сложностью этих процессов, так и тем, что история литературных языков именно в этом плане изучена еще недостаточно.

Следовательно, по нашему мнению, прежде всего, следует различать понятия тенденции развития языка вообще и нормы как таковой. Под языковой тенденцией понимают, как правило, “определенное направление диахронического изменения, движение языка во времени в одном направлении” [3], а основным признаком нормы является, собственно, ее стремление к стабильности, неизменности.

Литература

1. **Акимова Г.Н.** Новое в синтаксисе современного русского языка / Г.Н. Акимова. – М.: Высшая школа, 1990. – 166 с.
2. **Арутюнова Н.Д.** Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Сов. Энциклопедия, 1969. – 608 с.
4. **Васильева А.Н.** Газетно-публицистический стиль речи / А.Н. Васильева. – М.: Русский язык, 1982. – 197 с.
5. **Виноградов В.В.** Проблемы культуры речи и некоторые задачи советского языкознания / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1964. – №3. – С.7-12.
6. **Гальперин И.Р.** Проблемы лингвостилистики / И.Р. Гальперин // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1980. – С. 5-34.

7. **Ефремов Л.П.** Основы теории лексического калькирования / Л.П. Ефремов. – Алма-Ата: Изд-во КГУ, 1974. – 190 с.
8. **Иванчикова Е.А.** Синтаксические приметы разговорной речи в современной публицистике / Е.А. Иванчикова // Русский язык в школе. – 1965. – №3. – С. 12–15.
9. **Костомаров В.Г.** Лингвистический статус массовой коммуникации и проблема «газетного языка» / В.Г. Костомаров // Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. – М.: Наука, 1974. – С. 53-66.
10. **Курилович Е.** Заметки о значении слова. Очерки по лингвистике / Е. Курилович. – М.: Изд-во иностр. лит., 1963. – 246 с.
11. **Ожегов С.И.** Лексикология. Лексикография. Культура речи / С.И. Ожегов. – М.: Высшая школа, 1974. – 352 с.
12. **Попов А.С.** Синтаксическая структура современных газетных заголовков / А.С. Попов // Развитие синтаксиса современного русского языка. – М.: Наука, 1966. – С. 95-126.
13. **Розенталь Д.Э.** Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1985. – 309 с.
14. **Ткаченко В.А.** Теоретические и практические аспекты калькирования / В.А. Ткаченко // Языковые ситуации и взаимодействие языков. – К.: Наукова думка, 1989. – С.178-191.
15. **Шанский Н.М.** Лексикология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М.: Просвещение, 1972. – 327 с.
16. **Черторизька Т.К.** Мовні питання у періодичній пресі / Т.К. Черторизька // Мовознавство. – 1967. – №3. – С.61-65.
17. **Щерба Л.В.** О понятии смешения языков / Л.В. Щерба // Избранные работы по языкознанию и фонетике: В 2-х т. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. – Т.1. – С.40-53.

УДК 61-057.875:84-25:811.161.1

Романова Е. Г.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ

В статье поднимаются проблемы повышения речевой культуры студенческой молодежи, в частности студентов-медиков. Автор обращает внимание на недостаточную языковую подготовленность выпускников средней школы, а также особенности изучения русского языка в Донбассе. Эффективным и оптимальным является такое обучение русскому языку в высшей школе, которое позволяет одновременно формировать и совершенствовать все виды речевой деятельности.

Ключевые слова: студенты-медики, речевая культура, языковая норма.

The article raises the problems of increasing the speech culture of student youth, in particular, medical students. The author draws attention to the insufficient language preparedness of high school graduates, as well as the peculiarities of studying the Russian language in the Donbas. Effective and optimal is the teaching of Russian in higher education, which allows you to simultaneously form and improve all types of speech activity.

Key words: medical students, speech culture, language norm.

Русский язык как система весьма многообразен и многогранен, его богатство, выразительность, а также другие значимые качества речи обуславливают разносторонность его изучения. Особое место в функционировании языка как системы занимает культура речи. Как известно, культура речи включает в себя три аспекта: нормативный, коммуникативный и этический. Нормативный аспект – основной, именно он обуславливает такое важнейшее качество речи, как правильность. Однако, согласно Л. И. Скворцову, правильность – это главный, но только лишь первый этап освоения русского литературного языка. Ученый говорит о двух ступенях освоения литературного языка и двух способах владения им: первая ступень – правильность речи, вторая – собственно культура речи.

Безусловно, без правильности невозможно говорить в целом о культуре речи. Соблюдение правил и норм на всех уровнях языковой системы – необходимое условие для перехода на другой, более высокий, уровень освоения литературного языка, характеризующийся такими качествами, как точность, ясность, доступность, уместность и т.д. По Л. И. Скворцову, «второй, высшей, ступенью освоения литературного языка является культура речи в собственном смысле. О культуре речи можно говорить в условиях владения литературной речью, в условиях правильности (т.е. владения литературными нормами)» [4, с. 95-96]. Иными словами, культура речи – это речевое мастерство, предполагающее отбор языковых средств, наиболее пригодных для эффективной коммуникации, и значимую роль здесь наряду с правильностью играют коммуникативный и этический аспекты.

Все вышесказанное является чрезвычайно актуальным для подготовки профессиональных кадров в высшей школе, особенно при обучении специалистов социальных профессий, к которым, в частности, принадлежат врачи. **Конечная роль обучения языку обусловлена той ролью, которую он играет в жизни каждого человека и всего общества, являясь важнейшим средством общения и познания окружающего мира.**

Мы можем говорить о высокой культуре речи выпускника вуза, если она отвечает таким признакам:

- содержательность (умение четко продумать и донести основную мысль);
- правильность и чистота (соблюдение норм литературного языка);
- точность (подбор слов так, чтобы как можно точнее передать содержание высказывания);
- логичность (последовательное построение высказывания с выделением микротем и правильной связью между словами);
- богатство и разнообразие речевых средств, отсутствие повторов;
- уместность и целесообразность (учет того, кому адресовано высказывание);
- выразительность и образность.

Профессия врача предполагает знание и умелое использование в каждодневной работе различных стилей речи. Соединение разговорно-бытового, научного и официально-делового стилей является характерным для производственно-профессиональной деятельности и практика любой узкой медицинской специальности, и научного работника.

Диалог врача с пациентом должен отвечать нормам культуры речи. При этом перед врачом стоит непростая задача – найти подход к больным разного образовательного и социального уровня, т.е. врач должен владеть значительным словесным арсеналом, уметь доносить до сознания любого пациента свои аргументы, чтобы сделать его союзником в борьбе с болезнью. В устах врача-профессионала высококультурное, высокоморальное, при этом простое и в то же время емкое слово призвано вернуть больному утраченную гармонию.

Составление и оформление истории болезни, а также различных справок, других документов, написание научных статей и рефератов предполагает взвешенность и точность формулировок, умение правильно использовать общемедицинскую и узкоспециальную лексику и терминологию, а также знание основ делопроизводства и особенностей официально-делового стиля для правильного оформления документации.

Врач – это и умелый собеседник с пациентом, и выступающий на различных совещаниях, и человек, грамотно оформляющий историю болезни, коллега для других врачей и руководитель для среднего и младшего медицинского персонала.

Слово в устах врача – не менее сильный инструмент, чем скальпель или лекарственный препарат. Именно поэтому одним из условий качественной профессиональной деятельности для выпускников вуза является свободное владение языком в профессиональной сфере, потому что отсутствие специальной языковой подготовки может привести будущих медиков к сложностям в профессиональном общении, что недопустимо в работе человека социальной профессии.

Культура речи – неотъемлемая часть личностной характеристики, ведь деятельность людей непосредственно связана с речевым общением, она, кроме того, является немаловажным условием их профессионального роста. За последние два-три десятилетия речевая и в целом общая культура населения, молодежи в частности, значительно снизилась, нравственные и этические нормы стали игнорироваться.

Современная языковая картина заставляет обратить внимание на уровень культуры речи современной молодежи. Мы наблюдаем невнимательное, небрежное отношение к нормам произношения, ударения, употребления слов, использование в речи жаргонизмов, вульгаризмов, неоправданных заимствований, загрязняющих речь. Уровень владения русским языком среди молодежи снижается, как и интерес к литературе. Проблема снижения культуры речи, тенденция к распространению жаргона и просторечия является актуальной, так как культура речи приобретает социальную значимость.

В настоящее время лишь незначительная часть выпускников школ на высоком уровне владеет коммуникативной культурой речи. Проблема формирования коммуникативной культуры речи имеет огромное значение в подготовке будущих специалистов. Следовательно, исключительной задачей для педагогов высшей школы является создание благоприятных условий для формирования и повышения культуры речевого общения студентов, в основе которой лежит литературный язык.

В основе трудностей выпускников средних учебных заведений лежит недостаточная фактическая подготовленность по программе средней школы, слабая выраженность навыков учебной работы (словесно-логическое, абстрактное мышление), слабая волевая регуляция, относительно невысокий уровень общей культуры, моральной и трудовой воспитанности, недостаточная выраженность установки на овладение профессией, а также слабое проявление ценностного отношения к знаниям.

Кроме этого, изучение русского языка в вузах Донбасса имеет свою специфику, поскольку мы сталкиваемся либо с недостаточным изучением его в средней школе, либо с

его полным отсутствием. Таким образом, ныне сложилась парадоксальная ситуация: носители языка либо недостаточно грамотны, либо фактически неграмотны в отношении родного языка. Следовательно, в вузе встает и еще одна задача: кроме повышения языковой культуры студентов, необходимым на этом фоне является создание умений и навыков грамотной устной и письменной речи.

В процессе обучения русскому языку и культуре речи в вузе основной задачей является формирование у студентов речевых умений и навыков в тех видах и формах речевого общения, на которых базируется учебная и будущая профессиональная деятельность. Кроме этого, высокий уровень культуры речи не только способствует получению и накоплению знаний по специальности, но и качественному процессу общения в дальнейшей профессиональной деятельности.

Отличительная особенность современного подхода к обучению языку и культуре речи – ориентация на взаимосвязанное комплексное обучение всем видам речевой деятельности: восприятию речи, говорению, чтению и письму. Несмотря на то, что в методике преподавания накоплен богатый материал по формированию и развитию речи, вопреки всему этому нередко отдельные явления языка изучаются в отрыве от развития речи студентов.

Эффективным и оптимальным является такое обучение, которое позволяет одновременно формировать и совершенствовать эти четыре вида речевой деятельности на основе общих для них умений, связанных с механизмами осмысления, а также на основе общеязыкового материала с помощью специальных систем упражнений.

Следовательно, основное внимание преподавателя должно быть направлено на то, чтобы, обучая студентов языку, давая им для запоминания значимые слова и приучая ими пользоваться при выражении мысли, преподаватель одновременно обучал бы их мыслить, рассуждать. При этом особое внимание должно обращаться на содержание высказывания.

Работа над связной речью – письменной и устной – требует отдельного внимания, поскольку в программе традиционного обучения средней школы, на наш взгляд, недостаточно полно представлена система занятий по развитию речи учащихся. Поэтому в вузе следует уделять этому особое внимание, используя систему обучающих заданий, которые способствовали бы формированию речевых умений и навыков, развитию речевой культуры и языкового чутья.

Следует помнить, что будущий врач получает социальную профессию, поэтому еще одна черта коммуникативного портрета студента-медика – восприятие человека как наибольшей ценности, что предусматривает уважительное отношение к нему и соблюдение общекультурных правил речевого контакта. Осознание, казалось бы,

абсолютно понятных вещей обеспечит успех межличностного общения, что, в свою очередь, вместе с профессиональной компетенцией будет залогом становления врача, необходимого современному обществу.

Современная студенческая молодежь – это люди, которые в недалеком будущем будут управлять государством, решать важные вопросы во всех сферах жизнедеятельности. И о том, какое оно будет, это светлое будущее, нужно беспокоиться сейчас.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Казарцева О. М.** Культура речевого общения: теория и практика обучения: учебное пособие / О. М. Казарцева. – 5-е издание. – Москва: Флинта: Наука, 2003. – 496 с.
2. **Костомаров В. Г.** Языковой вкус эпохи [Текст]: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – М.: Педагогика – Пресс, 1994. – 247 с.
3. **Скворцов Л. И.** Теоретические основы культуры речи / отв. ред. Ф. П. Филин. – М.: Наука, 1980. – 352 с.
4. **Тер-Минасова С. Г.** Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.

УДК 81'373.7:81'373.43

Серебряк М.В.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ

В статье раскрываются вопросы фразеологической неологии, касающиеся возникновения и функционирования фразеологических новообразований в современном публицистическом дискурсе. Материалом исследования являются тексты СМИ и Интернет-публикаций. В исследовании предпринимается попытка изучить способы возникновения новых фразеологизмов, закономерности построения, а также особенности их функционирования в публицистическом дискурсе как оригинальных средств выразительности.

Ключевые слова: неологизм, фразеологическая единица, фразеологическое новообразование, фразеологизация.

The article presents a research in the field of phraseological neology, concerning with the origin and functioning of phraseological innovations in the modern journalistic discourse. The material of the research is the texts of media and Internet publications. The study attempts to explore the ways of the formation of new idioms, the mechanisms of their construction, as well as the peculiarities of their functioning in the journalistic discourse as the original means of expression.

Key words: neologism, phraseological unit, phraseological innovation, idioms formation.

Современная эпоха как период разносторонних преобразований в различных сферах человеческой деятельности характеризуется значительными трансформациями в сфере употребления языка. Исток этих процессов лежит в глобальных изменениях социального строя 90-х гг. XX в. Многие ученые (Е.А. Земская, Л.П. Крысин, Т.В. Попова и др.) эти события по своему воздействию на язык сравнивают с революцией. Но если в конце XX века сложно было спрогнозировать возможный эффект воздействия на языковую систему от зарождающегося массового интернета и развития компьютерных технологий, то сегодня можно уверенно говорить о глубинных трансформациях, которые пережил и продолжает переживать современный язык. В.Н. Моисеев, исследуя философию взаимодействия человека и современных технологий, указывает на то, что изменения, происходящие в системе «человек – техника», прямо или косвенно через развитие новых медиа оказывают влияние на самые различные сферы социокультурной среды, и в этом нет излишней гиперболизации, поскольку высокотехнологичные гаджеты проникли во все сферы человеческой деятельности [6, с. 3]. Таким образом, информационно-технологический прорыв по значимости не уступает индустриальным или политическим изменениям недавнего прошлого. Эти процессы длятся довольно долго и уже переросли в перманентное состояние, при котором новые изобретения случаются постоянно и становятся нормой. В таких условиях очевидной становится значимость современного информационно-технологического прогресса в формировании языковой личности человека. Результатом общественных преобразований стали раскрепощенность носителей языка, ослабление внутреннего контроля над отбором языковых средств и, как следствие, обилие всевозможных новообразований.

Изменяющаяся действительность, требуя новых наименований, активизирует, в свою очередь, отдельные звенья системы языка. Прежде всего, это затрагивает сферу словообразования, лексической и фразеологической подсистем. Проблеме новообразований в разное время посвящали работы такие ученые, как Н.Ф. Алефиренко, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, В.П. Жуков, В.В. Истомина, В.М. Мокиенко,

И.И. Срезневский, Н.М. Шанский и др. Наиболее активно исследования в области отечественной неологии проводились во II пол. XX в., о чем свидетельствуют монографии, диссертационные исследования, многочисленные статьи, в которых новообразования рассматриваются в различных аспектах. До недавнего времени проблемы фразеологической неологии как самостоятельного объекта изучения практически не обсуждались. Процесс образования в языке новых фразеологизмов изучался в рамках лексической неологии. Подобный подход определялся экстралингвистическими причинами: трудностью фиксации новых фразеологизмов, основная сфера функционирования которых разговорная речь, а не письменный текст; цензурой, требовавшей определенной чистоты языка, и др. Однако сегодня ситуация коренным образом изменилась. Снятие текстовой цензуры и развитие новых жанров, построенных на «слегка приглаженной» разговорной речи, привели к тому, что количество новых фразеологизмов в письменных текстах превысило некую критическую отметку и изучать их только в рамках лексической неологии стало невозможно. Так, по свидетельству Е. В. Ганапольской, только в детективах А. Марининой содержится более 2000 фразеологических единиц, не зафиксированных ведущими современными толковыми и фразеологическими словарями русского литературного языка [2, с. 183]. Ученые Е. Н. Ермакова, М. В. Ермолаева, В. М. Мокиенко и др. заявляют, что наступил момент отдельного, относительно самостоятельного изучения фразеологической неологии.

Цель статьи – фиксация современных фразеологических новообразований и дискурсивный анализ их функционирования. Эмпирической базой исследования преимущественно стали тексты СМИ.

Современный публицистический дискурс иллюстрирует изобилие лингвистического материала для исследования в области фразеологической неологии. Функционирование фразеологических неологизмов в условиях газетной коммуникации обусловлено стилистической ролью этих единиц и силой их прагмалингвистического воздействия. В результате анализа были зафиксированы различные способы фразеологизации, представленные в публикациях. Рассмотрим некоторые из них подробнее.

Традиция образования новых фразеологизмов преимущественно была связана с бытовой сферой, однако современные единицы гораздо активнее затрагивают сферы, тесно связанные с политической и экономической деятельностью человека. Одним из самых активных процессов фразеологизации можно назвать переход некоторых общеупотребительных устойчивых фраз и профессиональных клише во фразеологизмы. Эти новообразования отражают часто используемые реалии современного общества: *потребительская корзина, пакет предложений, встреча без галстуков, агент влияния,*

перезагрузка отношений, группа поддержки, все включено, попасть под раздачу, желтая (красная) карточка, оприходовать что-либо, высшая математика и др. Утрачивая свое первоначальное функциональное назначение, они, метафоризируясь, употребляются в текстах СМИ как полноценные фразеологизмы, например, *получить прописку* – «войти в обиход, стать обычным явлением, получать право на существование, размещение на какой-либо территории»: «*Дальневосточные аисты получили официальную прописку в Хабаровске*» (Вести-Хабаровск. Возвращение домой, 31.10.12).

Не менее активно фразеологизмы возникают на базе готового выражения по причинам их экспрессивной окрашенности. Толчком для формирования фразеологического неологизма является трансформация структуры устойчивого выражения, с помощью чего создается эффект оригинальности его звучания и, следовательно, привлечения внимания читателя. По свидетельству М.В. Ермолаевой, «многие новые устойчивые сочетания возникают в результате преобразования компонентного состава ранее известных фразеологических единиц благодаря стремлению обновить их лексико-грамматическую структуру» [4, с. 29]: *питать иллюзии* (сравним: *питать слабость*), *держат лицо* (*держат удар*), *уронить корону жены* (*уронить корону*), *утонуть в сентиментальности* (*утонуть в слезах*) и др. Например, известное выражение *у разбитого корыта* можно увидеть в заглавиях интернет-публикаций: «*Размышление у разбитого мерседеса*» (Стихи.ру, 30.06.11), «*Осталась у разбитого мерседеса*» (ВЛуки.ру, 14.05.16).

В процессе образования новых фразеологизмов важную роль играет обновление семантики устойчивых выражений. Проанализируем этот процесс на примере выражения *вышивать крестиком*. Фразеологизм употребляют в шутливо-ироничном тоне применительно к человеку, когда говорят о его индивидуальных умениях, увлечениях, скрупулезности в работе: «*А он еще и крестиком вышивает! Домовитый парень, хозяйственный!*» (Lifejournal, 30.04.13). Фразеологизм *погнали наши городских* несколько десятилетий назад использовали, рассказывая о ситуациях молодежных драк, чаще всего происходящих в колхозах, куда привозили студентов для оказания помощи в уборке урожая. В дальнейшем произошло перерождение семантики, основанное на абстрагировании от значения «деревенские» – «городские» к значению «свои» – «чужие». Современное фразеологическое значение, которое фиксируем в публицистическом дискурсе, – «о перевесе в силе, наступлении или победе одной из сторон (поединка, конфликта и т.д.)»; «о начале каких-либо решительных действий» [1]. В теле- и радиопередачах используют это выражение как комментарий для различных

политических, спортивных событий или в качестве заголовка: «*Погнали наши городских, или Откуда ноги у „нового реализма”*» («Литературная газета», 2010, №58).

Особое место в публицистике занимают общеизвестные фразеологизированные крылатые выражения. Специфику семантики крылатых выражений ученые определяют по-разному: в способности выражения точно или «метко» передавать сущность чего-либо (М.И. Михельсон, С.Г. Займовский); в образных ассоциациях, которые вызывают в сознании крылатые выражения (Н.С. и М.Х. Ашукины); в «генетической памяти» об источнике, которая обеспечивает выражению «закадровую» глубину (С.Г. Шулежкова) и др. Е.И. Зыкова пришла к выводу, что крылатое выражение – это единица языка, которая обладает всеми дифференциальными признаками, свойственными любой устойчивой раздельнооформленной языковой единице, но отличается от других наличием специфического дополнительного значения, восходящего к источнику выражения или его автору [5, с. 6]. Утрата связи с первоисточником, трансформации на семантическом или формальном уровне свидетельствуют о появлении новой фразеологической единицы. Приведем примеры крылатых выражений из кинофильмов, которые вошли в современный публицистический дискурс и обнаруживают тенденции к фразеологизации: *за державу обидно* («Белое солнце пустыни», 1970), *эх, коротка кольчужка* («Александр Невский», 1938), *ветер перемен* («Мери Поппинс, до свиданья», 1983), *тебя посодют, а ты не воруй* («Берегись автомобиля», 1966), *птичку жалко* («Кавказская пленница», 1966), *руссо туристо облик морале* («Бриллиантовая рука», 1968) и др.

На страницах журналов распространены различные сравнительные обороты, которые представляют собой смысловое объединение лексемы с относящимся к ней компаративом: *хитрый как сто китайцев, тихо как в библиотеке ночью, как в лучших домах (Лондона, Парижа) и др.* Нередко употребляют перифразы: *акула пера, рука Москвы, чёрное золото, второй хлеб* (картофель), *вечер жизни* (старость), *вечный город* (Рим) и др. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что пути появления новой фразеологической единицы различны, а фразеологические неологизмы – явление многоаспектное. Особенно активно используют эти единицы в публицистике, поскольку они обладают яркой эмоционально-экспрессивной окраской и приносят в текст оригинальность.

Таким образом, изучение фразеологических новообразований позволяет сделать вывод о том, что публицистический дискурс является своего рода экспериментальной зоной для журналистов. Снятие жесткой цензуры, регулирующей норму литературного языка, позволило авторам текстов СМИ проявлять индивидуальный подход к созданию и использованию неологизмов. Этот процесс протекает под влиянием нелитературных

пластов, за счет фразеологии жаргона, просторечия, которая интенсивно просачиваются в язык прессы, и становится привычным средством публичного общения. Современная динамика появления фразеологических неологизмов остается довольно высокой, поэтому представляется актуальным дальнейшее изучение фразеологических новообразований в публицистическом дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Белко В. К.** Жгучий глагол: Словарь народной фразеологии [Электронный ресурс]. Зеленый век. 2000. URL: <http://maxima-library.org/izbrannoe/b/251949/read>.
2. **Ганапольская Е. В.** Неология во фразеологии / Е. В. Ганапольская // Научно-технические ведомости СПб ГПУ: Гуманитарные и общественные науки. – 2010. – №2. – С. 183–189.
3. **Добрыднева Е. А.** Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии: дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.01 / Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т / Е.А. Добрыднева. – 2000. – 453 с.
4. **Ермолаева М. В.** Фразеологические новообразования, реализующие коммуникативные установки современных носителей русского языка / М.В. Ермолаева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2016. – Т. 3. – № 3. – С. 27–30.
5. **Зыкова Е. И.** Крылатые выражения в произведениях В. Войновича / Е.И. Зыкова: автореф дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. / СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 1997. – 18 с.
6. **Моисеев В. Н.** Новые медиа: философия взаимодействия человека и современных технологий / В.Н. Моисеев: автореф. дисс... канд. философских наук : 09.00.13 / М. : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2016. – 31 с.
7. **Мокиенко В. М.** Фразеологическая неология 90-х гг : новое и старое / В.М. Мокиенко // Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления): Сборник научных статей / Отв. ред. Т.Н. Буцева. Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2016. – С. 134–139.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИРОНИИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье обращено внимание на необходимость исследования иронических дискурсивных стратегий в современном медиадискурсе. Мы выделяем следующие виды иронических стратегий: манипулятивно-воздействующая, экспрессивно-апеллятивная, оценочно-аксиологическая и др.

Иронический медиадискурс – сложный многогранный лингвистический механизм. Наши наблюдения показывают, что ирония стала одним из средств воздействия на сознание адресата. Таким образом, ирония помогает реализовать прагматические цели и задачи дискурса.

Ключевые слова: медиадискурс, ирония, интенция, коммуникативно-речевые стратегии и тактики.

The article draws attention to the need for research of ironic discursive strategies in the modern media discourse: manipulative and effective, expressive and appellative, evaluative and axiological, etc. Our observations show that the irony has become one of the means of influencing the addressee's mind.

Key words: media discourse, irony, intention, communicative speech strategies and tactics.

Развитие контент-стратегий современных СМИ проходит в координатах исторического времени и тесным образом связано с теми системными изменениями, которые переживает современная журналистика.

О.И. Савинова считает, что «...резко упало качество контента, наблюдается гипертрофированность развития развлекательности, коммерциализация СМИ, тиражирование низких стандартов культуры» [О.И.Савинова К вопросу о контент-стратегии современных СМИ, Москва]

На таком фоне глубинных динамических изменений в медиасистеме происходит активизация различных проявлений иронического. При этом варианты воплощения иронии в языке дискурса реализуются в различных формах: это может быть репрезентация речевых жанров, относимых к области иронии (анекдотов, антифразисов, шуточных афоризмов, сентенций и т.д.), или придания иронической тональности жанрам, изначально не относящихся к комическим (очеркам, эссе, репортажам и т.д.).

Ирония в современном медиадискурсе чаще всего осуществляется с определенной иллюкутивной целью, и для достижения этой цели (или целей) участники коммуникации выбирают те средства языка, которые им кажутся оптимальными [7, с. 184]. Современной медиалингвистике еще предстоит исследовать иронический потенциал современного медиадискурса и классифицировать виды иронических стратегий и тактик.

Мы ставим цель, используя типологию коммуникативно-речевых стратегий М.Ю. Олешкова [3, с. 93], проанализировать иронический механизм медиадискурса телевизионных общественно-политических ток-шоу, которые в настоящее время приобрели завершённый формат, острую тематическую направленность и высокие зрительские рейтинги.

Ирония – один из самых древних с точки зрения интереса к его применению и организации риторических приемов, о котором известно и много, и мало одновременно. Греческое происхождение этого термина отсылает нас к следующему его значению – «притворное незнание, притворное самоунижение» [4, с. 227], «притворство, когда человек притворяется глупее, чем он есть» [1, с. 405].

В Энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» приводятся два значения иронии: 1) «...выражающее насмешку или лукавство иносказание, когда слово или высказывание обретают в контексте значение, противоположное буквальному смыслу или отрицающее его, ставящее под сомнение»; 2) «...вид комического, в котором критическое отношение к объекту осмеяния носит осуждающий характер и выражается в несколько завуалированном виде» [1, с. 227-229].

Наиболее точно и емко специфику современной иронии интерпретирует, на наш взгляд, Л.Н. Синельникова, размышляя о ее специфике в авангардной поэзии: «Ирония – всегда элемент культуры, свойство анализирующего, оценивающего сознания. Ирония сопровождает мысль о мире, вступившем в стадию переоценки... Иронизирующий поэт направляет внимание читателя на то, что суетное, ничтожное не может быть вечным, следовательно, надо менять сознание, чтобы поставить его в соответствие с истинным предназначением человека... Ирония скорее боль, чем осмеяние» [6, с. 157].

Современный иронический тип медиаповествования – многогранный, неоднозначный процесс. Это и способ личного отстранения, дистанцирования от реальности, когда ирония современного медиадискурса выражает насмешку, лукавство, ставит под сомнение объективность сказанного, но гораздо в меньшей мере выражает критическое или осуждающее отношение к изображаемому. Ирония медиадискурса частотно предполагает слегка завуалированные превосходство, снисхождение, скептицизм по отношению к описываемым реалиям, выражая ценностные ориентиры

дискурсивной личности. Ирония медиадискурса – это семантический процесс переключения между отрицательной и утвердительной модальностями одного и того же высказывания (слова, словосочетания, предложения), или положительной и негативной оценкой объекта высказывания, осуществляющейся при помощи интонации, контекста.

Современные СМИ изобилуют иронией, в которых она на дискурсивном уровне проявляется по-разному: «...как оппозиция пафосу она быстро примиряется с разговорными и просторечными средствами, как спрятанная критика стремится опереться на стилистический синтез языковых средств, выполняя одну из основных своих задач – свести несводимое» [6, с. 156].

Ввиду того, что ироническое высказывание, как правило, включает в себе оценку и выражает собственную позицию адресата к объекту, в медиадискурсе адресант особенно часто обращается к иронии в реализации оценочно-аксиологической речевой стратегии. Оценочно-аксиологическая стратегия заключается в праве давать оценку событиям, обстоятельствам, персонажам, балансируя между объективно-субъективным отношением к действительности [3, с. 119]. В оценочно-аксиологической стратегии ирония «присутствует» в передаче отношения к действительности, жизни вообще или к конкретным поступкам, поведению, фактам и т.д.

Так, к примеру, и ведущие, и участники телевизионных общественно-политических ток-шоу не могут обойтись без иронических замечаний, восклицаний, обобщений, дающих косвенную, завуалированную оценочность содержанию высказывания:

- *Нам говорят: «Положите Крым на место».*

- *Уже который раз США провоцируют Россию, а Россия в очередной раз «не приходит» на войну.*

- *Украинцы протестовали, протестовали и добились – стало хуже.*

- *В историю трудно войти, но легко вляпаться.*

Через употребление иронических высказываний реализуется и манипулятивно-воздействующая стратегия. Иронические речевые акты, используемые при этом, обусловлены интенцией координации деятельности, то есть намерения адресата регулировать процесс восприятия информации, влиять на его протекание. В манипулятивно-воздействующей стратегии ирония участвует в реализации таких коммуникативно-речевых тактик, как контроль над деятельностью и контроль над восприятием. Очевидно, желание манипулировать и влиять на сознание адресанта все более и более подчиняет себе все другие интенции автора медиадискурса. Поэтому даже иронический медиадискурс манипулятивен по сути.

Дискурс телевизионных ток-шоу изобилует манипулятивно-воздействующей тактикой, когда в ходе перманентной ожесточенной политической полемики ее участники ищут любые способы аргументации в отстаивании своей точки зрения. Они могут притворяться единомышленником оппонента, поддакивая ему, незаметно доводить его взгляд до абсурда, обнаруживая ограниченность как бы очевидных истин и т.д. Такая ирония, будучи субъективной по сути, выполняет задачу внушения, является суггестивной формой воздействия на сознание адресата. В этих случаях ирония часто становится преувеличенной, грубой, приближается к пародии, когда противоречие между созерцаемым и мыслимым выступает очень отчетливо, на грани фола.

Так, обсуждая действия и высказывания президента Трампа в отношении России, на вопрос одного из участников ток-шоу «Время покажет»: *«А что Трамп сделал хорошего для России? Все говорят, что Трамп – пророссийский президент, но какие для этого основания?»*, – депутат Государственной Думы А. Журавлев отвечает: *«Вы знаете, сделать что-то хорошее очень трудно, а вот нагадить – раз и все»*.

В другом случае ведущий того же ток-шоу А. Кузичев резюмирует: *«Русофобия чревата косоглазием. Посмотрите на Сытина и Гозмана»* (иронизация по поводу физических недостатков человека категорически недопустима).

В экспрессивно-апеллятивной стратегии, которая связана с формированием эмоциональной среды дискурса, с оценкой коммуникативной ситуации, ирония участвует в реализации таких коммуникативно-речевых тактик, как формирование эмоционального настроения и самопрезентации. Ирония в ряде случаев помогает смягчить однозначность, категоричность оценки и представить суждение в форме некой доброжелательной насмешки над действительностью или над собой.

Коммуникативно-речевая тактика самопрезентации позволяет с помощью иронических речевых актов реализовать тактический ход «речевого моделирования»: автор, употребляя активно и последовательно яркие иронические высказывания, формирует свой определенный имидж ирониста. Именно последовательность, повторяемость иронических стратегий, при условии их своеобразности, оригинальности и т.д., моделирует структуру имиджа многих талантливых современных журналистов. Ведущие всех политических ток-шоу на различных телеканалах как будто соревнуются между собой в отстаивании права называться «Иронистом №1».

Примеров реализации экспрессивно-апеллятивной стратегии в ироническом медиадискурсе телевизионных ток-шоу достаточно много. Вот один из них:

- Евросоюз – большая коммунальная квартира, где много соседей, которые охотно бросят какую-нибудь гадость в кастрюлю с борщом другому соседу. А Украина похожа

на того, кто обращается к Европе примерно так: «Бабушка Европа, дай попить, а то так кушать хочется, что даже переночевать негде».

Примечательно, что иронический дискурс стал использоваться в реализации информационно-аргументирующей стратегии. Хотя, казалось бы, ирония призвана давать оценку уже известным, сложившимся знаниям, а информационно-аргументирующая стратегия направлена на усвоение новой информации. Интенция ироничности наряду с разговорностью, непосредственностью общения и обмена мнениями сквозит в интонациях телеведущих и в дискурсах журналистов, рассказывающих о самых разных событиях: светской жизни, политических баталиях, экономических фактах и т.д. Этот иронический «флер», видимо, воспринимается или должен восприниматься адресантом как некая попытка смягчить сказанное, извиниться за сообщенное. Ирония позволяет абстрагироваться и дистанцироваться от действительности, о которой идет речь. Далеко не всегда и не всем этот экзамен на ироническую интонацию удается достойно выдержать.

Итак, функциональный потенциал иронии медиадискурса многообразен. Использование иронических высказываний позволяет автору медиадискурса оценивать изображаемую ситуацию, ее участников, попутно выражая свои эмоции, личное отношение к объекту иронии, и тем самым воздействовать на адресата, заставляя формировать у него определенное отношение и точку зрения. Кроме того, в некоторых случаях ирония медиадискурса помогает адресату сформировать у адресанта необходимый эмоциональный настрой, а также презентовать себя как яркую, самобытную дискурсивную личность.

Таким образом, мотивированное, осознанное использование адресатом иронических речевых актов всегда интенционально обусловлено: он употребляет иронию намеренно, с конкретными целями, достижение которых происходит в рамках тех или иных стратегий и тактик. И хотя, некоторые исследователи считают, что ирония имеет очень много ограничений [4], нельзя ни отметить того, что она является мощным средством реализации прагматических установок и задач современного медиадискурса, одним из важных рычагов влияния на современное медиасознание.

Литература

1. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / [под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова и др.]. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.

2. Олешков М.Ю. Моделирование коммуникативного процесса / М.Ю. Олешков. – Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2006. – 336 с.

3. Лассан Э.Р. Изображение речи власти как средство ее десакрализации [Электронный ресурс] / Э. Р. Лассан – Режим доступа к ресурсу: <http://artstudio.de/kontakt.html>.

4. Литературный энциклопедический словарь / [под ред. В.Н.Кожевникова, Л.А. Николаева]. М.: Советская энциклопедия, 1990. – 752 с.

5. Синельникова Л.Н. Лирический сюжет в языковых характеристиках: монография / Л.Н. Синельникова. – Луганск: Знание, 1993. – 188 с.

6. Шилихина К.М. Ирония как способ повышения авторитетности / К. М. Шилихина. – Воронеж: Воронежский государственный университет: Издательский дом Алейниковых, 2008. –194 с.

УДК 808.3.563

Сушинская И. М.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ “ЛЕКТОРСКОГО НОМИНАТИВА” В НАУЧНО-УЧЕБНОМ МОНОЛОГЕ.

В статье рассматривается типология и функционирование “лекторского номинатива” – особой разновидности сегментированных конструкций, употребляемых в устной учебной речи. Использование этих конструкций в устной научной речи способствует оптимальной репрезентации учебного материала, актуализации основных положений, смысловых единиц.

Ключевые слова: номинативный темы, номинативный представления, “лекторский номинатив”, сегментированные конструкции, научно-учебный монолог.

"Lecturer's nominative" typology and functioning are considered in the article. "Lecturer's nominative" including the nominative theme and the nominative representation is a particular kind of segmented constructions used in oral educational speech. The use of these constructions in oral scientific speech contributes to the optimal representation of the educational material, the actualization of the main provisions, semantic units.

Key words: nominative theme, nominative representation, "lecturer's nominative", segmented constructions, scientific and educational monologue.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью изучения именительного темы, описания его структурно-семантических признаков.

Работа написана в русле структурно-семантического направления в современной русистике, основой которого являются фундаментальные исследования о соотношении языка и мышления А. А. Потебни, А. Ф. Лосева, П. С. Попова, П. В. Чеснокова; классические труды по грамматике Ф. И. Буслаева, А. А. Шахматова, Л. В. Щербы,

А. М. Пешковского, В. В. Виноградова и посвященные проблемам типологии и системного подхода в изучении структуры и семантики односоставных предложений работы Е. М. Галкиной-Федорук, С. Г. Ильенко, В. В. Бабайцевой и др.

Цель исследования – выявление типологических свойств именительного темы, в частности, «лекторского номинатива», которые проявляются в логическом, структурном, семантическом и коммуникативном аспектах, и определение места данных конструкций в системе номинативных предложений. Это определяет постановку и решение следующих задач:

- 1) представить функционально-семантические типы «лекторского номинатива»;
- 2) определить специфику актуального членения «лекторского номинатива», выявить его коммуникативную задачу и средства актуализации коммуникативного центра.

Изучение закономерностей функционирования номинативных предложений в структуре устной научно-учебной речи, несомненно, представляет интерес для исследования и является актуальным. Синтаксическая структура устной речи, в отличие от сложного синтаксиса письменной речи, облегчает восприятие учебной информации. Подача научного текста простыми предложениями способствует удержанию внимания аудитории на протяжении всей лекции, в то время как сложные предложения вызывают рассеивание внимания и усложняют понимание материала. По подсчетам В. В. Пруняка [12, с. 8], в устной лекторской речи количество простых предложений превышает сложные (соответственно 65% и 35%), в письменной форме научного стиля это соотношение практически одинаково: 49,7% и 50,3%.

Так, в частности, номинативные предложения часто функционируют в начале лекции, во время ознакомления аудитории с планом работы. Номинативные предложения употребляются для констатации фактов, называния этапов работы, которые следует выполнить: *Второй вопрос. Он тоже касается ритмико-синтаксических барьеров* [5] и под.

Во время лекции преподаватель при помощи номинативных предложений может обращать внимание слушателей на отдельные аспекты, на переход к следующему вопросу, повторять определение, возвращаться к пройденному материалу и т.п.: *Отказ и Насилие. Насилие и Отказ. Эти два значимых полюса необычного состояния духа, какой-то мистический наэлектризованности, указывающих на аномальный характер поэзии того периода, собственно уже не поэзии, выраженной через слово, а магнетического дуновения дыхания, диковинной магии, обосновавшейся среди нас* [1] и под.

Общий смысл явления синтаксической сегментации состоит в расчленении высказывания, определенной коммуникативной единицы на две взаимосвязанные и одновременно противопоставляемые части с целью актуализации каждой из них, более легкого их восприятия. В синтаксическом плане первая из этих частей (тема) является относительно автономной и достаточно четко отграничивается паузой от второй части (ремы), определенным образом контрастирует ей. Корелятом ремы и одновременно единицей, которая объединяет всю сегментированную конструкцию, чаще всего выступает местоимение с частицей или без нее. В письменной речи показателем паузы, ее дифференцирующей функции, выступает знак препинания – тире, точка, восклицательный знак, троеточие.

Самая простая структура характерна сегментированным образованиям с двойным обозначением того самого предмета существительным и местоимением, то есть с одночленной темой (подлежащим), которое оформляется как отдельное предложение (именительный темы, именительный представления), и ремой, ядром которой выступает личное местоимение, последнее его детализирует, уточняет всю дальнейшую структуру синтаксической конструкции т.п.

Интересным и малоисследованным является функционирование так называемого «лекторского номинатива» – употребление именительного падежа существительного в особой разновидности устной научной речи – научно-учебном монологе. Интерес к изучению особенностей функционирования «лекторского номинатива» обусловлен частотностью его употребления в структуре научного учебного монолога. Уместное и обоснованное использование этой экспрессивной конструкции способствует разработке оптимальных методов обучения, репрезентации учебного материала. Называя такой именительный «лекторским», Пешковский А.М. отзывается о нем осторожно: «Кажется, сюда же относится и очень распространенный (особенно в разговорной речи) именительный, подхватываемый в ближайшем предложении словом *он* (или словом *этот* с повторением именительного)»[2,с.54].

«Лекторский номинатив» – один из многих способов актуализации подачи научной информации. Научно-учебная речь, кроме своей общестилистической функции (репрезентация научной информации), имеет еще и специфическую функцию обучения. Поэтому целью устного научного монолога является активизация логического мышления студентов.

Вузовская лекция представляет собой текст с заданной композиционной перспективой, для которой характерно перспективно-ретроспективное изложение учебного материала. С этой целью лектор использует особенные синтаксические

конструкции, которые указывают на композиционное размещение учебного материала или свидетельствуют о завершении одного вопроса и переход к следующему. К таким конструкциям принадлежат разнообразные сегментированные построения, среди которых именной темы, именной представления, и, в частности, функциональная разновидность таких построений – «лекторский номинатив». Использование в устной научно-учебной речи сегментированных конструкций, которые указывают на перспективу дальнейшего изложения, облегчает ориентацию аудитории в восприятии потока информации, стимулирует творческие способности студента, актуализирует умение логически мыслить.

«Лекторский номинатив» является одним из распространенных синтаксических способов логичности устной формы вузовской лекции. Используя эту синтаксическую структуру, лектор как бы разделяет высказывание на две части: *Духовно-нравственный аргумент. Это следующий аргумент, подтверждающий Божественное происхождение христианства* [8] и т.п.; *Грхнаати. Это глагол, -ти — окончание, соответствующее русскому т в третьем лице* [4] и под.

Использование конструкций такого типа объясняется особенностями функционирования устной спонтанной речи: тема высказывания, которая формируется в сознании лектора и произносится им, требует дальнейшего разъяснения (рема). Тема (сегмент) дает только намек, толчок к последующей содержательной базовой части, которая не является определенной. А может варьироваться в зависимости от хода мысли преподавателя. Соответственно, заместитель сегмента в базовой части может быть представлен по-разному:

1) местоимением: *Итак, вот несколько пунктов стоического учения, которые мы должны рассмотреть. Учение о Логосе. Как оно соотносится с христианским учением, почему Иоанн Богослов начинает с него Евангелие?* [8] и т.п.;

2) более развернутым понятием: *Невероятный образ! А ведь я прекрасно знаю эту картину! Человек, который есть внутри истории*[3] и т.д.; *Проект «Текст/контекст». Это два билборда, каждый из которых говорит о тексте на соседнем билборде. Таким образом Кошут создает замкнутую систему: искусство говорит само о себе* [4] и т.п.;

3) синонимом: *Христианское учение о спасении. Это центральное положение христианского вероучения*[8] и под.;

4) более общим, родовым понятием: *Два слова. В точности такая же история, что с семьдесят и восемьдесят! Понимаете? Это ровно та же картина!*[5] и под.;

5) лексическим повтором: *Таинство Крещения. Это первое, начальное таинство, которым человек вводится в Церковь [8] и т.п.; Закрепленная мембрана. Пусть край мембраны закреплен вдоль некоторой пространственной кривой, проектирующейся в $L[11]$ и т.д.; Отказ. Отчаянный отказ от жизни, вынужденный, однако, принять жизнь[1] и под.;*

6) цепочка замещений: *Племянники. Тот, что стоит за спиной у Папы – кардинал Арсений, а тот, кто справа – Ипполит. Знаете, очень часто кардиналы называли племянниками своих собственных детей [3] и др.*

В структуре «лекторского номинатива» наблюдаются все типы замещения сегмента в базовой части, которые выявлены в конструкциях с именительным представлением и именительным темой. Чаще всего в устной научно-учебной речи фиксируются разновидности «лекторского номинатива» с местоимением или синонимом в качестве замещения. Это объясняется стремлением лектора сосредоточить внимание слушателей на определенном термине, имени, определении и т.д., которые повторяются, анализируются, объясняются в базовой части. Самой продуктивной моделью является сегментированная конструкция с лексическим повтором, которая позволяет дважды или больше подчеркнуть важный момент.

Кроме уже рассмотренных функций «лекторского номинатива» в структуре текста лекции, следует выделить:

1) сосредоточение внимания на названиях учебников, пособий и т.д. и на их авторах: *Литература о Филоне и о его учении о Логосе. Ее достаточное количество. Смирнов. Терапевты и сочинение Филона «О жизни созерцательной». Виндельбанд. История древней философии. Комперц. Греческие философы. Зеньковский. Апологетика [8] и под.;*

2) обращение к аспектам, которые следует рассмотреть детальнее, ознакомление аудитории с дальнейшим учебным: *Дальше. Модель katib. Это прилагательное или существительное по глаголу[6] и т.п.;*

3) формирование у слушателей необходимых ассоциаций с целью актуализации имеющихся у них знаний: *Ислам. Не буду с вами разбирать это дополнительно, но слово «мусульманин» — это просто причастие от этого каузатива 'aslama [6] и т.д.*

Устная научно-учебная речь представляет однонаправленную последовательность содержательных элементов, связь между которыми не всегда четко прослеживается. Поэтому в вузовской лекции часто используется нанизывание речевых сегментов, связь между которыми имплицитно не выражена, а содержание воспринимается на фоне предыдущего высказывания, в определенном контексте. Ситуации такого типа возникают

в тех случаях, когда лектор, учитывая знания студентов, выпускает некоторые составляющие своих размышлений и предоставляет им возможность самостоятельно установить логические связи. Чтобы построить свое высказывание при помощи таких намеков, лектор использует разные функциональные типы номинативных предложений.

В структуре вузовской лекции фиксируются случаи употребления преподавателями указательных номинативных предложений. Предложения этого типа используются преимущественно тогда, когда говорящий указывает на присутствие или существование предмета речи: *Вот центральная мысль. Еще другие высказывания отцов, такого же рода* [8] и т.д. Указательные номинативные предложения могут употребляться в структуре лекции не только с собственно указательной функцией, а в роли определенного актуализатора: *Или вот еще момент, с этим связанный. Один тут духовник сказал жене – готовьтесь к монашеству, а мужу и дела нет, он и в Бога-то непонятно, верит или нет* [8] и под.

Функционирование номинативных предложений в структуре устной научно-учебной речи имеет определенные тенденции. Так, в частности, следует отметить активизацию номинативных конструкций, которые указывают на композиционное распределение учебного материала. С этой целью чаще всего используются констатирующие номинативные предложения. Также широко используются сегментированные построения с именительным темы и именительным представления (так называемый «лекторский номинатив»), которые облегчают понимание материала студентами и помогают концентрировать внимание слушателей.

Литература

1. **Арто А.** Три лекции, прочитанные в Университете Мехико) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.imaginaire.ru/content/antonen-arto-tri-lekcii-prochitannye-v-universitete-mehiko>
2. **Валгина Н. С.** Синтаксис современного русского языка: Учебник. – М.: Агар, 2000 – С.53-54.
3. **Волкова П.** Лекции по искусству [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://books.google.com.ua/books>
4. **Данилова А.** Лекция о «сложном» и «нудном» направлении искусства понятными словами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://realnoevremya.ru/articles/90641-iskusstvoved-aleksandra-danilova-okonceptualizme-50-60h-gg>
5. **Зализняк А. А.** Некоторые проблемы порядка слов в истории русского языка. Лекция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431049?SSL

6. **Зализняк А. А.** Языки мира: арабский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/432003?SSL
7. **Зализняк А. А.** О языке древней Индии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431350?SSL
8. **Осипов А. И.** Лекции по апологетике на V курсе МДС. II полугодие. Январь-апрель 2006 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://orthtexts.narod.ru/2006-2_polug_Osipov.htm#_Toc134338201
9. **Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении. – 7-е изд. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511с.
10. **Попов А. С.** Именительный темы и другие сегментированные конструкции в современном русском языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка: Сб. научн. тр. – М., 1964. – С.256-273.
11. **Петровский И.** Лекции об уравнениях с частными производными [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://books.google.com.ua/books>
12. **Пруняк В. В.** Синтаксическая структура научно-учебного монолога (на материале простого предложения вузовской лекции гуманитарного профиля): Автореф... дис. канд. филол. наук. – Днепропетровск, 1990. – 18с.
13. **Сушинська І. М.** Номінативні речення периферійного типу («називний уявлення», «лекторський номінатив») / І. М. Сушинська // Функціонально-когнітивні вияви граматичних структур/ Зб.наук. праць / Укл. А.П.Загнітко (наук.ред.) та ін. – Київ, 1998. – С.62–67.

УДК 81'27

Юрьева Е. В.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОДАЛЬНОСТИ В СЛОГАНАХ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

В статье дается общее представление о категориях объективной и субъективной модальности. Рассматриваются виды модальности в слоганах социальной рекламы. Автором выделены и проанализированы следующие виды модальности: эпистемологическая, деонтологическая, гипотетическая, желательная, аксиологическая, ассертивная. Проанализированы также средства выражения модальности в данном дискурсивном образце.

Ключевые слова: модальность, слоган социальной рекламы, средства выражения модальности, таксономия видов модальности, адресант, адресат.

A general idea of the categories of objective and subjective modality gives in the article. The types of modality in slogans of social advertising are considered in the article. The author has identified and analyzed the following types of modality: epistemological, deontological, hypothetical, desirable, axiological, assertive. The means of expressing the modality are also analyzed in this article.

Key words: modality, social advertising slogan, means of modality expression, taxonomy of modality types, addresser, addressee.

В настоящее время модальность является объектом изучения многих гуманитарных наук, таких как логика, философия, психология и лингвистика.

В лингвистике приобретает большое значение изучение эгоцентричных категорий, с помощью которых человек не просто передает суждение об окружающей действительности, но делает это, пропуская все через себя и собственный жизненный опыт. Одной из таких категорий является категория модальности [10, с. 233].

В современной лингвистике диапазон понятия модальность довольно широк: от определения языковой модальности как прямого аналога логической модальности (классификация типов модальности в плане действительности) до чрезвычайно широкой трактовки, при которой модальность рассматривается как выражение говорящего к действительности [1, с. 144].

Следуя классической логике, все суждения можно разделить на ассерторические (суждения, которые не содержат оценки информации, например: *«Помощь может быть разной»*

(http://www.socreklama.ru/analytics/list.php?ELEMENT_ID=6000&SECTION_ID=107)) и модальные (суждения, которые содержат явную или завуалированную оценку, например: *«Помощь – это просто и недорого»* (<http://1soc.ru/news/view/2825>)). Таким образом, можно утверждать, что модальное суждение – это дополненное авторским отношением ассерторическое суждение.

Общеизвестно, что способами выражения модальности могут быть как лексические, так и морфологические, синтаксические, интонационные и др. средства. В лингвистике существует большое количество таксономий модальности (Н. Д. Арутюновой, Ш. Бали, В. В. Виноградова, Н. Б. Шведовой и др.). Большинство классификаций выстроено с учетом разнообразия средств выражения модальности.

Заменяя одно средство выражения модальности другим, адресант способен изменить модальное значение, внести новый смысловой оттенок.

Учитывая тот факт, что модальность способна выражать оценку, она может быть объективной, то есть такой, которая основана на средствах выражения отношения сообщаемого к действительности (необходимость / вероятность, возможность / невозможность, реальность / нереальность и т. д.), и субъективной, выражающей отношение адресанта к сообщаемому (уверенность / неуверенность, согласие / несогласие, экспрессивная оценка и т. д.).

Субъективная модальность – «функционально-семантическая категория, служащая воплощению оценки со стороны говорящего степени достоверности передаваемой информации» [8, с. 12]. Субъективная модальность играет важную роль в создании текста слогана социальной рекламы – через свое отношение адресант слогана формирует отношение адресата к социальным проблемам, причем мнение адресанта в большинстве случаев не навязывается. Например: «*Родите ли? Курение вызывает бесплодие*» или «*Мужской журнал не делает тебя мужчиной*» (<https://www.adme.ru/tvorchestvo-reklama/20-samyh-moschnyh-socialok-goda-1115210/>). Субъективная модальность реализуется в приведенных слоганах с помощью частиц. Частица «ли» выражает сомнение адресанта, а частица «не» употребляется в качестве основного отрицания. В первом примере адресант выражает негативное отношение к курению, во втором пытается развенчать образ типичного современного мужчины.

Модальность по своей сути субъективна, что проявляется не только в выражении отношения говорящего к событию, зафиксированному в пропозиции, но и в том, что представление о существовании и взаимодействии предметов и явлений окружающего мира также осуществляется человеком, а значимость объектов, подвергающихся интерпретации, определяется объемом индивидуальных картин мира [7, с. 23].

В данной статье мы сделали попытку проанализировать инвентарь языковых средств выражения модальности в слоганах социальной рекламы.

Для анализа материала нашего исследования наиболее приемлемой представляется следующая классификация:

1. *Эпистемологическая (доказательная) модальность* – это модальность, которая указывает на достоверность информации, содержащейся в суждении. Степень достоверности может быть выражена с помощью наречий («доказано», «опровергнуто», «возможно» и др.), модальных глаголов («знает», «верит», «сомневается» и др.), конструкций с прилагательными и причастиями («убежден», «уверен» и др.). Например:

«Я **уверен**, моя мечта **исполнится!**» (<http://files.geometria.ru/pics/original/052/391/52391431.jpg>) или «*Россияне и белорусы – братья и сестры. Я считаю Россию родной страной*», – биатлонистка Дарья Домрачева (<https://m.by.tribuna.com/tribuna/blogs/editors/1646610.html>).

2. *Деонтологическая модальность* – модальность, которая выражает то, что запрещено с точки зрения закона, необходимо или разрешается с точки зрения моральных принципов, устоев, норм поведения.

Языковые средства выражения деонтологической модальности в слоганах социальной рекламы: «должен», «обязан», «следует», «следовало бы», «желательно», «целесообразно», «запрещено», «запрещается», «запрет» и др. Например: «*В метрополитене **запрещается!** Использовать средства звукозаписи (кроме слуховых аппаратов) и прослушивать аудиозаписи или аудиотрансляции без наушников или на повышенной громкости, мешающей другим пассажирам*» (<https://news.mail.ru/society/31291409/>), «*С 1 июня 2013 года **вводится запрет** на курение: в образовательных учреждениях; на спортивных и культурных объектах; в медицинских и санаторно-курортных заведениях; в городском и пригородном транспорте; внутри и ближе 15 метров от входов на вокзалы и в аэропорты, станции метро; на детских площадках и пляжах; в лифтах и подъездах; в зданиях соцслужб и органах власти; на автозаправочных станциях*» (<http://cs21.babysfera.ru/8/b/2/9/1113336.166612259.jpeg>).

3. *Гипотетическая модальность* – модальность, которая выражает возможность высказываний адресанта стать соответствующими/несоответствующими действительности. Этот вид модальности выражается в слоганах социальной рекламы с помощью наречий: «предположительно», «примерно», «приблизительно», «гипотетически» и др.

Средствами выражения гипотетической модальности могут быть также конструкции с нереальным условием и предположительным следствием. Например: «***Если бы ты читал книгу, то знал бы**, что Призрак Оперы никогда не проводил всю жизнь в подвале театра. Он ездил по всему свету, принимал участие в постройке здания Оперы театра и даже смог предотвратить переворот в Персии. А ты всего лишь посмотрел «Призрак Оперы»*» (<https://prikol.i.ua/view/992857/?cp=1>) или «***Если я появлюсь на свет, я буду удивлять тебя!***» (<http://www.taday.ru/text/1919399.html>).

Фраза с условными или уступительными отношениями переносится в гипотетическое наклонение, как только речь идет о фактах или отношениях предполагаемых и, следовательно, нереальных [4, с. 172].

4. *Желательная (оптативная) модальность* – модальность, которая выражает необходимость или возможность с точки зрения пожеланий адресанта. Данный вид модальности реализуется в слоганах социальной рекламы с помощью:

- сослагательного наклонения;
- конструкций «я бы хотел», «я хочу», «я не хочу»;
- других конструкций, например: «если бы только», «только бы», «хотя бы только» и др. Например: *«Я хочу see the world»* или *«Я хочу a better job»* (<http://prportal.com.ua/FotoFakt/provokativnu-reklamu-angliyskoyi-zaminili-na-positivno-motivuyuchu>) или *«Мне небезразлична судьба города. Я не хочу, чтобы решали за меня. Так всегда делают в моей семье»* (<https://do-slez.com/interesnoe/3357-skorovybory-ili10primerov-smeshnoy-reklamy.html>), *«Хочу быть братиком!»* (<http://www.taday.ru/text/1919399.html>).

5. *Аксиологическая модальность* – модальность, которая оценивает явление, ситуацию, человека с точки зрения системы этических/эстетических ценностей.

Позитивная оценка выражается модальностью «хорошо» («прекрасно» / «добро»), негативная – «плохо» («безобразно» / «зло»). Например: *«Читать книги также важно, как читать игру», – защитник ФК ЦСКА Сергей Игнашевич* (<http://www.sostav.ru/news/2010/08/19/r6/>), *«Чем натуральнее – тем полезнее! Здоровые дети – здоровая нация»* (<http://rsg-nn.ru/v-ramkax-realizacii-gorodskogo-proekta-ya-gorod.html>), *«В нашей семье царит радость. Трезвость наша традиция»* (<http://sociama.ru/>) или *«Мой муж самый лучший. Надежный, верный, трезвый»* (www.трезвый-город.рф).

По нашему мнению, оценка – это отображение отношения автора суждения к чему-либо: явлению, предмету и т.д.

Оценка в слогане социальной рекламы может быть выражена прямо (например: *«Уральская. Элегантная и грациозная. Самая добрая кошка на Урале с самым огромным добрым сердцем. Такую породу просто так не купишь. Но ее можно просто так взять из приюта»* (<https://59.ru/text/gorod/329738325659648.html>) – позитивная оценка адресанта; *«Мат вероломно, как червь, «съедает» гармонию и мир»* (<https://gomel.today/rus/news/gomel/57095/>) – негативная оценка адресанта) и косвенно с помощью различных языковых средств (например: *«Я не виноват. У хозяина аллергия»* или *«Я не виноват. Жертва развода»* (<https://catantique.livejournal.com/2363.html>)). Интенция *«Приюти бедное бездомное животное»* выражена в форме непрямого речевого акта. Директивный речевой акт представлен формой репрезентатива, а слова «жертва» и «не виноват», которые имеют эмоционально-экспрессивный окраску, способствуют

усилению воздействия на адресата данного слогана. Адресант косвенно выражает положительную оценку и одобряет стремление адресата (в том случае, если оно появится) приютить бездомное животное. Таким образом, модальность можно рассматривать как одну из стратегий построения текста слогана социальной рекламы.

6. *Ассертивная (утвердительная) модальность* – модальность, которая выражает суждения адресанта, не подкрепленные статистическими данными или какими-либо доказательствами.

Существенным отличием реализации утвердительной модальности в медиадискурсе является почти полное отсутствие традиционных перформативных формул «я х» /«я х, что». Коммуникативная специфика слогана социальной рекламы определяется тем, что данный дискурсивный образец выполняет не только информативную функцию, но и воздействующую. Таким образом, субъективная модальность зачастую оказывается выраженной имплицитно, усиливается персуазивный компонент [5]. Например: «*Дети должны учиться вместе*» (<http://www.dobrovobлаго.ru/>), «*Дети не ищут опасность. Они просто любят конфеты*» (<https://www.sb.by/articles/mchs-bridumali-miluyu-reklamu-chtoby-zashchitit-detey-ot-neschastnykh-sluchaev.html>) или «*Тариф «Болтливый водитель». Все входящие – в капот*» (<http://vse-ravno.net/feedback/boltlivyj-voditel>).

Итак, в данной статье мы предложили классификацию видов модальности в слоганах социальной рекламы. Нами проанализированы следующие виды модальности: эпистемологическая, деонтологическая, гипотетическая, желательная, аксиологическая, ассертивная.

Специфика использования перечисленных видов модальности в слоганах социальной рекламы заключается в том, что они реализуются как с помощью наречий, модальных глаголов, частиц, конструкций с прилагательными и причастиями, лексических средств, так и имплицитно (завуалированно).

С целью усиления воздействия на адресата адресант рекламного сообщения использует модальность как коммуникативную стратегию. В основе формирования модальности большей части слоганов социальной рекламы лежит позиция адресанта, которая отражает субъективный аспект высказывания. Довольно часто в слоганах социальной рекламы интерпретация или оценка адресанта носит имплицитный характер.

Литература

1. **Андрейчик Н. И.** Синтаксические структуры как средство выражения модальности предложения в вопросительных высказываниях / Н. И. Андрейчик //

Лингвистика и методика в высшей школе. Выпуск 2: сб. научн. ст./ редкол.: В. С. Истомин (отв. ред.) [и др.]. – Гродно: Гродненская типография, 2010. – С. 144-148.

2. **Арутюнова Н. Д.** Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / АН. СССР. Ин-т языкознания / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

3. **Виноградов В. В.** О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов // Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – С. 53-87.

4. **Карцевский С. И.** Система русского глагола / С. И. Карцевский // Из лингвистического наследия / сост., пер., вступ. ст. и коммент. И. И. Фужерон, Ж. Брейар, Ж. Фужерон. – М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. II. – 296 с.

5. **Мерзлякова К. Б.** Особенности реализации модальности в испанском гендерном медиадискурсе (на материале журналов *Cosmopolitan* и *Telva*) / К. Б. Мерзлякова // *Litera*. – 2018. - № 1. – С.10-16. DOI: 10.25136/2409-8698.2018.1.25269. URL: http://e-notabene.ru/fil/article_25269.html

6. **Мильруд Р. П., Антипов И. В.** Типологические характеристики модальности в научно-исследовательском письменном тексте / Р. П. Мильруд, И. В. Антипов // *Язык и культура*. 2009. № 1. С. 29-38.

7. **Нагорный И. А.** Ситуация сомнения и специфика ее репрезентации в русском языке / И. А. Нагорный // *Научные ведомости*. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 12 (131). Вып. 14. С. 23-28.

8. **Рымкевич О. Е.** Textoобразующий статус категории субъективной модальности в немецком языке / О. Е. Рымкевич: автореф. дисс... канд. филол. наук : 10.02.04 / Мин. пед. ин.-т. – Минск, 1991. – 22 с.

9. **Сафина А. Р.** Коммуникативные стратегии и тактики, реализуемые при экспликации эпистемической модальности в английском языке // *Вестник БГУ*. 2017. №2 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnyye-strategii-i-taktiki-realizuemye-pri-eksplikatsii-epistemicheskoy-modalnosti-v-angliyskom-yazyke> (дата обращения: 17.04.2018).

10. **Селезнева Т. А.** Понятие субъективной и объективной модальности в языке / Т.А. Селезнева // *Вестник МГИМО – Университета*. – 2013. – № 3. – С. 233-234.

ОБЩЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ВРАЧА: ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ

В статье рассматриваются проблемы, связанные с общением врача и пациента в современном обществе. Акцентируется внимание на особенностях речи врача, которые позволяют установить контакт с пациентом. Отмечается важность соблюдения норм письменной и устной речи для практикующего врача.

Ключевые слова: коммуникативная культура, культура речи, компоненты культуры речи, общение врача.

The article considers problems of communication of a doctor and a patient in modern society. The attention is to the doctor's speech features which help to get into contact with patient. The importance of keeping to standards of oral and written language for physician is noted.

Key words: communicative culture, standard of speech, components of standard of speech, communication of a doctor

Существенной проблемой в профессиональной деятельности практикующего врача является его способность эффективно общаться с пациентами. Как любой другой этикет, медицинский этикет имеет свои нормы и правила, основы которых были выработаны еще в древности. Однако на сегодняшний день в общении врача и пациента можно выделить ряд проблем, обусловленных стремительным развитием медицинских технологий, вовлечением медицины в рыночную экономику, информатизацией и либерализацией культуры и др.

В последнее время значительно активизировались научные исследования проблем формирования культуры профессиональной речи и коммуникативной компетентности. В частности, ученые рассматривают особенности социально и профессионально предопределенного речевого поведения людей, разные аспекты деловой коммуникации в профессиональной деятельности, в том числе и в профессиональной медицинской деятельности.

Частично процессу общения в контексте формирования коммуникативной культуры личности уделяли внимание в своих трудах психологи Б. Ананьев, Л. Выготский, В. Давыдов, А. Леонтьев, Б. Ломов, Л. Петровская, С. Руденский и другие.

Научные основы сущности, особенностей, структуры общения исследуются в научных трудах А. Бодалёва, В. Кан-Калика, А. Киричука, Я. Коломинского, Н. Кузьминой, А. Леонтьева, В. Семиченко.

Проблемам общения врача и пациента посвящены работы Ф. Багияровой, Е. Гринько, В. Одина, Е. Орловой, Л. Чжан.

Однако, несмотря на многочисленные разноплановые исследования в этой области, проблема общения врача и пациента на сегодняшний день остается нерешенной, т.к. довольно часто приходится слышать жалобы пациентов на неспособность врача выслушать жалобы, ответить на вопросы больного, к сожалению, нередкими являются и случаи проявления грубости среди медработников. Как видим, в современном обществе наблюдаются противоречия между социальной потребностью во врача, способном осуществлять профессиональную коммуникацию на высоком уровне, и реальным уровнем сформированности коммуникативной культуры у сегодняшних медиков.

Коммуникативная культура – это ведущий инструмент деятельности каждого активного гражданина страны. Практикой доказано, что речь нужна всем, однако уровень владения теорией и практикой речевой коммуникации для разных профессий не одинаков.

По мнению М. Львова, по этому признаку профессии уместно разделить на две группы. К первой группе ученый относит профессии, для которых речь является предметом и средством: редактор, актер, оратор, преподаватель и учитель-словесник, переводчик, писатель, журналист. Среди профессий второй группы исследователь называет политика, преподавателя и учителя (не филолога), врача, психолога-консультанта, режиссера, теле- и радиоведущего, обозревателя, юриста, дипломата, для которых речь является средством, орудием [2].

Речевая деятельность занимает важное место в жизни современного врача. Врач использует язык как способ влияния на пациента для установления контакта, а также достижения различных лечебно-диагностических целей. Для того чтобы взаимопонимание было достигнуто наиболее быстро и эффективно, речь врача должна обладать определенными качествами, которые мы и рассмотрим в данной работе.

Термин культура речи является многозначным. «Культура речи – это важнейший регулятор системы «человек – культура – язык», проявляющийся в речевом поведении» [4, с. 17]. «Культура речи – это такой набор и такая организация языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач» [1, с. 13]. На сегодняшний день в науке установлено, что культура речи состоит из трех компонентов: нормативного, коммуникативного и этического [5].

Следует отметить, что нормативный аспект культуры речи врача является одним из самых важных, но не единственным. Данный аспект предусматривает знание литературных норм и умение их употребления в речи. Важным качеством речи врача является правильность, которая обеспечивается совершенным владением нормами литературного языка. Правильная речь предусматривает умение отобрать в конкретной ситуации наиболее стилистически оправданный вариант, уместно обосновать применение стилистических норм в соответствии с ситуацией общения, строить устные и письменные высказывания. Следовательно, правильность предусматривает соблюдение орфоэпических, лексических, грамматических, стилистических норм правописания русского литературного языка. Правильность речи врача представляет его общую культуру, высокий профессионализм.

Однако эффективность общения врача не всегда достигается одной лишь правильностью. Важно учитывать, кому адресован текст, принимать во внимание подготовленность адресата к восприятию информации, возрастные особенности, эмоциональное состояние пациента, тяжесть заболевания, социальные и культурные различия. При выборе речевых средств врачу необходимо отдавать предпочтение тем, которые с максимальной эффективностью выполняют поставленные задачи общения во время беседы с пациентом. Навыки отбора таких элементов составляют коммуникативный аспект культуры речи врача.

С правильностью и нормативностью тесно связана чистота речи, которая предопределяет уместное применение канцеляризмов и профессионализмов, иноязычных слов и терминов. Врачу важно подобрать такие лексемы, которые бы адекватно понимались его пациентами, не вызывали дополнительных вопросов.

Точность речи – один из важнейших ее признаков, характеризующий, прежде всего, содержание высказывания. Это употребление точных значений слов, словосочетаний, предложений и умения выражать свое мнение так, чтобы оно однозначно было воспринято адресатом речи. Данное качество речи врача также является важным при общении с пациентами.

Содержательность речи, отображая связь мышления и речи, предусматривает необходимую степень лаконизма, отсутствие пустых фраз, многословья.

Много общего с точностью и содержательностью имеет логичность речи, которая тоже характеризует содержание высказывания и обеспечивает его смысловую последовательность. Кроме того, логичность предусматривает умение четко и последовательно мыслить, придерживаться логики изложения, учитывать речевую ситуацию. Основой логичности речи является логическое мышление,

которое формируется запасом знаний и умением передать их собеседнику. С целью соблюдения логики изложения необходимо владеть законами связной речи. Для будущих врачей важно воспитывать в себе умение четко, последовательно мыслить. Необходимо владеть логикой изложения материала, обязательно учитывать речевую ситуацию. Соблюдение логики изложения положительно влияет на эффективность общения врача и пациента.

Богатство и разнообразие речи в значительной степени зависит от того, насколько говорящий осознает, в чем заключается самобытность родного языка. Богатство языка определяется богатством словарного запаса. При изучении любого языка важная роль отводится работе над усвоением его лексического многообразия: без знания словарного запаса становится невозможным не только адекватное восприятие информации, но и высказывание собственного мнения. Особое значение в медицинском высшем учебном заведении принадлежит обогащению словарного запаса студентов терминологической лексикой.

Уместная речь – умение выбрать удачную форму общения, интонационную тональность, лексические средства, которые лучше всего подходят для нее, учитывать с кем и где, с какой целью ведется общение.

Выразительность речи достигается использованием таких языковых средств, которые обеспечивают влияние на читателя или слушателя. К ним принадлежат выразительные средства художественной речи: особенные синтаксические структуры и выразительные средства звуковой речи: дыхание, голос, дикция, ударение, интонация, а также невербальные средства (мимика, жесты).

Одной из черт хорошей речи является сильный, гибкий и приятный голос – «это живой инструмент, способный адекватно и неповторимо выразить многообразные мысли и чувства человека средствами языка/речи в определенном стиле и в конкретной ситуации общения» [3, с. 54]. За особенностями силы, громкости, характера, чистоты, длительности голоса можно распознать собеседника, его состояние, настроение, черты характера, отношения к сказанному и к слушателю. Врач должен иметь такую силу голоса, чтобы его слышали слушатели, и такую интонацию, которая бы вселяла доверие к нему.

Важным показателем правильной и культурной речи врача является речевой этикет. Этикет (от. фран. *etiquette* – ярлык, этикетка) – совокупность правил поведения, которые касаются внешнего проявления отношения к людям. Этикет регулирует наше поведение в соответствии с социальными требованиями, а речевой этикет как его подсистема регулирует правила речевого поведения. Среди частых

жалоб пациентов, недовольных общением с лечащим врачом, встречаются жалобы на нарушение речевого этикета.

Однако простого соблюдения правил речевого этикета в диалоге не достаточно для врача. Для полноценного влияния на пациента врачу необходимо уметь строить диалог. Чтобы получить понятный ответ от пациента, направить процесс передачи информации в нужное русло, перехватить и удержать инициативу в беседе, активизировать внимание пациента, сделать общение эффективнее, надо знать технику постановки вопросов и технику ответов на них. Путем сознательного использования разного типа вопросов современный врач должен уметь «разговорить» молчаливого, закрытого пациента и в то же время должен уметь вовремя остановить слишком говорливого больного. Врач должен уметь не только говорить, но и слушать. Умение слушать является одним из главных показателей коммуникативной культуры, оно является особенно важным для врача, поскольку одним из важнейших принципов медицинского работника должно быть исключительное внимание к пациенту. Врач должен уметь владеть определенными формулами языка, чтобы корректно реализовать разные интенции: приветствие, благодарность, сочувствие, просьбу, отказ. Врач должен уметь использовать весь богатый потенциал лингвистических средств влияния, которые есть в русском языке; владеть нормами языкового этикета, в основе которого лежит категория вежливости; владеть паралингвистическими средствами и приемами, такими как сила голоса, темп, мелодика, пауза, чтобы уметь показать свое небезразличное отношение к больному человеку, уметь выразить своим голосом сочувствие, соучастие в процессе общения; иметь понятие о невербальных средствах общения, таких как поза, жест, взгляд, дистанция; уметь интерпретировать невербальные средства общения, чтобы понять то, что пациент не хочет или не может выразить вербально; владеть системой норм литературного языка, поскольку уровень доверия к профессиональным качествам врача, который допускает ошибки в устной или письменной речи, резко снижается.

Таким образом, в целом профессиональная речь врача характеризуется такими чертами, как точность, конкретность, уместность, выразительность, логическая последовательность, строгое соблюдение правил языкового этикета. Соблюдение правил устной и письменной речи врачом способствует установлению доверия с пациентами, что в свою очередь повышает эффективность лечебно-диагностического процесса и способствует повышению авторитета профессии врача в обществе.

Литература

1. **Культура** русской речи: учебник для вузов. Под ред. проф. Л. К. Граудиной и проф. Е. Н. Ширяева. – М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА М., 1999. – 560 с.
2. **Львов М. Р.** Основы теории речи: Учебное пособие для студентов высших пед.учеб.завед / М. Р. Львов. – М.: Издательский центр «Академия», 2000. – 248 с.
3. **Попов Л. Н.** Технология реализации педагогического образа/ Л.Н.Попов // Образование и наука. – 2010. – №. 3
4. **Русский** язык и культура речи: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп./ Под ред. проф. О. Я. Гойхмана. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 240с.
5. **Русский** язык и культура речи: учебное пособие / Л. А. Введенская, М. Н. Черкасова. – Изд. 11-е. – Ростов н/Д: Феникс, 2011. –380 с.

Лингвокультурология: учебная и научная дисциплина

УДК 8138

Джинджолия Г.П.

СЛОВО «СЕРДЦЕ» В БИБЛЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

Понятие сердца играет особую и важную роль в религиозной концептосфере. Для его изучения мы обратились к тексту Священного Писания. За словом «сердце» стоит мир смыслов, связанных между собой идеей соборности, идеей всепроникающей любви. В любви соединяются сердца людей с Богом и между собой.

Сердце является средоточием эмоциональной и интеллектуальной жизни человека. В понятии сердца актуализированы такие смыслы, как чистота, непорочность, святость и др.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, семантика слова, синкретизм смыслов, религиозная картина мира.

The concept of the heart plays an especially important role in the religious concept sphere. To study it, we have turned to the Holy Scripture. Behind the word 'heart', there is a great number of meanings, connected with each other through the idea of unity, the idea of an all-penetrating love. In love, people's hearts are united with God and with each other. The heart is the centre of a person's emotional and intellectual lives. The concept of the heart actualises such meanings as purity, chastity, holiness and others.

Key words: concept, concept sphere, word semantics, syncretism of meanings, religious picture of the world.

Понятие сердца играет исключительно важную роль в религиозной концептосфере. Цель статьи – анализ закономерностей осмысления этого понятия в тексте Священного Писания [1].

По нашим подсчетам, общее число употреблений слова *сердце* в Священном Писании – 1245, из которых 1078 – в Ветхом Завете и 167 – в Новом Завете.

Понятие сердца в Священном Писании исследовано в работах П. Флоренского [10], Б. П. Вышеславцева [2], П. Д. Юркевича [11], Г. Н. Скляревской [9].

Б. П. Вышеславцев отмечает, что «*сердце* на религиозном языке есть нечто очень точное, можно сказать, математически точное, как центр круга, из которого могут исходить бесконечно различные радиусы, или световой центр, из которого могут исходить бесконечно разнообразные лучи» [2, с. 80].

Сердце соборно, оно рождает общее чувство, общее переживание [8, с. 211]. По словам Л. Н. Синельниковой, мистическое соприкосновение с Божеством, познание тайн Божиих возможно не индивидуально, а сердцами, соединенными в любви, т. е. соборно. Соборность формируется в человеческом сердце через великую жалость и любовь» [8, с. 211].

(1) *У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имени своего не называл своим, но всё у них было общее.*

Апостолы же с великою силою свидетельствовали о воскресении Господа Иисуса Христа; и великая благодать была на всех их.

(2) *Мы же, братия, быв разлучены с вами на короткое время лицом, а не сердцем, тем с большим желанием старались увидеть лице ваше.*

(3) *Как в воде лицо – к лицу, так сердце человека – к человеку.*

В приведенных примерах соборность *сердца* выражается через метонимический перенос. Как известно, метонимия – операция над именами предметов: это замена имени одной вещи именем другой вещи, связанной с ней отношениями смежности (словари лингвистических терминов). Но метонимия – это не просто подстановка одного явления/имени вместо другого, а установление между ними сложной концептуальной связи.

В примере (1) когнитивную природу имеет употребление единственного числа существительного *сердце* вместо множественного (*у множества веровавших было одно сердце*): *одно сердце* – это одно на всех чувство, одно переживание, «все общее».

В примере (2) слово *лицо* (вместо *человек*) является важным источником информации: «лицо» относится к внешнему восприятию человека; *сердце* мысленно воспринимается как «заместитель» эмоциональной жизни человека и в данном случае противопоставляется «лицу» как главное неглавному, как внутреннее, духовно объединяющее людей, внешнему. (Ср.: *Не снова представляем себя вам, но даём вам повод хвалиться нами, дабы имели вы [что сказать] тем, которые хвалятся лицом, а не сердцем.*)

В примере (3) между внешним проявлением человека (*лицо*) и внутренним (*сердце*) устанавливаются отношения аналогии и противопоставление снимается. Ситуация-аналог, которая привлекается для сравнения, является физической реальностью, поэтому сравнительное значение сливается со значением идентификации. Особую значимость в этом процессе приобретает *вода*. Как известно, в *воде* происходит отражение и удвоение предметов. Люди смотрели в *воду* и видели там свое отражение. Отражательная способность *воды* наделяется символической функцией. Функция отражения переносится с видимого на невидимое, с внешнего на внутреннее, с *лица* на *сердце*.

Сердце – этоместилище чувств и эмоций (*сердце смущается, устрашается, печалится, радуется, веселится, сокрушается, мучается, скорбит, содрогается* и т. д.):

(1) *Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога, и в Меня веруйте.*

(2) *Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир даёт, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается.*

(3) *Но оттого, что Я сказал вам это, печалью исполнилось сердце ваше.*

(4) *Тут [некоторые] из учеников Его сказали один другому: что это Он говорит нам: вскоре не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня, и: Я иду к Отцу?*

Итак они говорили: что это говорит Он: «вскоре»? Не знаем, что говорит.

Иисус, уразумев, что хотят спросить Его, сказал им: о том ли спрашиваете вы один другого, что Я сказал: вскоре не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня?

Истинно, истинно говорю вам: вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет.

Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришёл час её; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир.

Так и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас.

(5) *Ибо Давид говорит о Нём: видел я пред собою Господа всегда, ибо Он одесную меня, дабы я не поколебался.*

Оттого возрадовалось сердце моё и возвеселился язык мой; даже и плоть моя

упокоится в уповании, ибо Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тления.

*(6) Услышав это, они **умилились сердцем** и сказали Петру и прочим Апостолам: что нам делать, мужи братия?*

Пётр же сказал им: покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святаго Духа.

Сердце отождествляется с любовью: человек, в котором нет любви, – это «человек без сердца» и без Бога:

А кто имеет достаток в мире, но, видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце своё, – как пребывает в том любовь Божия?

В любви соединяются сердца людей с Богом и между собой [2; 7; 8; 9].

Идея *сердца* актуализирует такие смыслы, как чистота, праведность, непорочность, святость.

Чистота понимается как исполнение заповедей Божиих. Так, Господь говорит Соломону:

*И если ты будешь ходить пред лицом Моим, как ходил отец твой Давид, в **чистоте сердца** и в правоте, исполняя всё, что Я заповедал тебе, и если будешь хранить уставы Мои и законы Мои, то Я поставлю царский престол твой над Израилем вовек, как Я сказал отцу твоему Давиду, говоря: «не прекратится у тебя сидящий на престоле Израилевом».*

Прилагательное *чистый* получает статус устойчивого эпитета к слову *сердце*.

Встречается выражение «действовать с чистым сердцем», т. е. быть верным заповедям Бога:

И дал им повеление, говоря: так действуйте в страхе Господнем, с верностью и с чистым сердцем: во всяком деле спорном, какое поступит к вам от братьев ваших, живущих в городах своих, о кровопролитии ли, или о законе, заповеди, уставах и обрядах, наставляйте их, чтобы они не провинились пред Господом, и не было бы гнева [Его] на вас и на братьев ваших; так действуйте, – и вы не погрешите.

Сердце «чисто у того», кто «не божился ложно (ближнему своему)»:

Тот, у которого руки неповинны и сердце чисто, кто не клялся душею своею напрасно и не божился ложно [ближнему своему], – тот получит благословение от Господа и милость от Бога, Спасителя своего.

Господь говорит: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Бог не открывается нечистому сердцу.

Чистое сердце означает «непорочное, правое, праведное»:

Кто может сказать: «я очистил моё сердце, я чист от греха моего?»

Очищение является необходимым условием приближения к Богу. Сердце очищается верой:

*(1) и Сердцеведец Бог дал им свидетельство, даровав им Духа Святаго, как и нам; и не положил никакого различия между нами и ими, **верою очистив сердца их.***

*(2) да приступаем с искренним сердцем, с **полною верою, кроплением очистив сердца от порочной совести, и омыв тело водою чистою.***

«Очищение сердца дает общение с Богом, а общение с Богом выпрямляет и устрояет всю личность подвижника» [10, с. 223].

Понятие чистоты срастается со словом *сердце*. Происходит соединение смыслов в единое целое, которое дает слово *читосердечие*.

Чистота сердца синонимизируется с непорочностью, праведностью и святостью. Как пишет Е. С. Яковлева, в «отличие от *святого* понятие *чистого* сопрягается со своей противоположностью – «нечистым», которая также называет некую сакральную область, но с обратным знаком» [12, с. 204].

Сердце – это носитель этических заповедей и предписаний. *Сердце* направляет человека на соблюдение правил поведения, которые помогут «уклониться» от нарушений в отношении к Богу, к другому человеку и к самому себе.

В третьей главе «Первого соборного послания святого апостола Иоанна Богослова» говорится:

Любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою: и мы должны полагать души свои за братьев.

А кто имеет достаток в мире, но, видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце своё, – как пребывает в том любовь Божия?

Дети мои! станем любить не словом или языком, но делом и истиною.

И вот по чему узнаём, что мы от истины, и успокаиваем пред Ним сердца наши; ибо если сердце наше осуждает нас, то [кольми паче Бог], потому что Бог больше сердца нашего и знает всё.

Возлюбленные! если сердце наше не осуждает нас, то мы имеем дерзновение к Богу, и, чего ни попросим, получим от Него, потому что соблюдаем заповеди Его и делаем благоугодное пред Ним.

А заповедь Его та, чтобы мы веровали во имя Сына Его Иисуса Христа и любили друг друга, как Он заповедал нам.

И кто сохраняет заповеди Его, тот пребывает в Нём, и Он в том. А что Он пребывает в нас, узнаём по духу, который Он дал нам.

Ложь, аморальные желания или побуждения «омрачают неосмысленное сердце» (Новый Завет, «Послания апостола Павла», глава 1, 21-32 стихи).

Митрополит Кирилл пишет: «Нравственное состояние личности есть неперменное условие познания Бога. Это означает, что человеку, живущему по закону лжи, творящему неправду и прилагающему грех ко греху, сеющему зло и совершающему беззаконие, никогда не будет дано принять в окаменевшее сердце свое Бога» [7].

Сердце наделяется способностью говорить, мыслить, размышлять. Встречаются выражения «беседовать со своим сердцем» и «сказать в своем сердце», которые описывают процесс думания.

Размышляющий ведет внутренний диалог, говорит со своим сердцем (1) или сердце говорит с ним от лица Бога (2):

(1) *припоминаю песни мои в ночи, беседую с сердцем моим, и дух мой испытывает: неужели навсегда отринул Господь, и не будет более благоволить?*

(2) *Услышь, Господи, голос мой, которым я взываю, помилуй меня и внимли мне.*

Сердце моё говорит от Тебя: «ищите лица Моего»; и я буду искать лица Твоего, Господи.

В приведенных случаях отчетливо проявляются черты внутреннего диалога: обращения (*Господи*), второе лицо, повелительное наклонение (*помилуй, внимли, услышь, ищите*), вопросы (*Неужели навсегда отринул Господь, и не будет более благоволить?*).

Сердце есть орган воли, желаний и решимости. По словам П. Д. Юркевича, «в сердце зачинается и рождается решимость человека на такие или другие поступки, в нем возникают многообразные преднамерения и желания» [11]. Об этом говорят выражения: «благоволение сердца», «изволения сердца», «по воле сердца своего».

Жизнь *сердца* невозможна без участия памяти. *Сердце* запоминает, помнит и вспоминает. В *сердце* хранится все, что человек знает и чувствует. Сердце – хранилище самого ценного, что есть у человека, – заповедей Бога. Описание деятельности памяти фразеологично: *положить на сердце своем, вложить в сердце свое, откладывать слова в сердце своем, вложить в сердце твою мысль* («запомнить», «сохранить в памяти»), *хранить слово в добром и чистом сердце* («помнить»), *пришло ему на сердце* («вспомнить») и др.

Приведем примеры:

(1) *Все слышавшие положили это на сердце своём и говорили: что будет младенец сей? И рука Господня была с ним.*

(2) *И, поспешив, пришли и нашли Марию и Иосифа, и Младенца, лежащего в яслях.*

Увидев же, рассказали о том, что было возведено им о Младенце Сём.

И все слышавшие дивились тому, что рассказывали им пастухи.

А Мария сохраняла все слова сии, слагая в сердце Своём.

(3) *А упавшее на добрую землю, это те, которые, услышав слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении. Сказав это, Он возгласил: кто имеет уши слышать, да слышит!*

(4) *И так положите себе на сердце не обдумывать заранее, что отвечать, ибо Я дам вам уста и премудрость, которой не возмогут противоречить ни противостоять все, противящиеся вам.*

(5) *И научен был Моисей в сей мудрости Египетской, и был силен в словах и делах.*

Когда же исполнилось ему сорок лет, пришло ему на сердце посетить братьев своих, сынов Израилевых.

(6) *Бог положил им на сердце – исполнить волю Его, исполнить одну волю, и отдать царство их зверю, доколе не исполнятся слова Божии.*

Сердце может быть и органом сатаны, который «вкладывает в сердце мысль» солгать Духу Святому [2]:

Но Пётр сказал: Анания! Для чего [ты допустил] сатане вложить в сердце твоё [мысль] солгать Духу Святому?

Сердце соотносится с органами зрительного и слухового восприятия. «Качество» восприятия ставится в зависимость от способности сердца понимать слово Божие, от нравственной чистоты.

(1) *Кто не имеет сердца разумети, у того нет очес видети и ушес слышати.*

(2) *Ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их.*

Сердце, если оно «чистое», видит Бога, принимает Его, входит с Ним в общение: Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

То, что происходит в сердце человека, скрыто от посторонних глаз, оно доступно только Богу. Только Бог знает тайны сердца [2, с. 80]. Одно из обращений к Богу – Сердцеведец: Сердцеведец Бог дал им свидетельство, даровав им Духа Святаго, как и нам.

Связь сердца со зрением просматривается в пословицах, отражающих христианское мировосприятие русского народа: «Куда сердце летит, туда око бежит» [3, с. 174-175].

«Богopodobное око есть в глубине сердца, оно ничем не может быть омрачено и затемнено, оно видит ясно даже в пучине греха, даже на дне падения, даже в аду. Ибо самый отверженный и темный грешник еще имеет око, непогрешимо видящее свой грех. И среди вечных мук он имеет еще око, видящее справедливость этих мук, потому справедливое око, не могущее быть осужденным в силу своей справедливости; оно не может мучиться это око, ибо, в силу справедливости, оно переживает своеобразное удовлетворение в самом созерцании наказания» [2, с. 93].

Сердце осмысливается через слуховые образы. (Ср. в «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля: «сердце чует, слышит», «у сердца уши есть») [4].

Слушание и вслушивание в Христово Слово связано с послушанием:

(1) *Гордые сплетают на меня ложь; я же всем сердцем буду хранить повеления Твои.*

(2) *Я приклонил сердце моё к исполнению уставов Твоих навек, до конца.*

Сердце «ожесточается», «черствеет», «каменеет». Речь в этом случае идет не об эмоциональной черствости, а о неспособности к «разумению», пониманию, верованию.

Люди увидели Бога, идущего по морю, и «подумали, что это призрак и вскричали», они не «вразумились чудом», потому что «их сердце было окаменено», т. е. неспособно понять это чудо.

Иисус говорит ученикам:

Ещё ли не понимаете и не разумеете? Ещё ли окаменено у вас сердце?

Слово *сердце* включается в метафорические сочетания со значением дороги, движения, пути: «стезя сердца», «путь сердца», «шествие сердца». *Сердце* человека выбирает свой путь, но направлением, в которое устремлено движение сердца, управляет Бог. Некоторые контексты употребления:

(1) *Блажен человек, которого сила в Тебе и у которого в сердце стези направлены к Тебе.*

(2) *Стезя праведных – как светило лучезарное, которое более и более светлеет до полного дня.*

Путь же беззаконных – как тьма; они не знают, обо что споткнутся.

(3) *Сердце человека обдумывает свой путь, но Господь управляет шествием его.*

Понятие *сердца* связано с образами храма, света, сияния, солнечных лучей:

(1) *Но Господь сказал Давиду, отцу моему: «у тебя есть на сердце построить храм имени Моему; хорошо, что это на сердце у тебя.*

(2) *Свет сияет на праведника, и на правых сердцем – веселие.*

Радуйтесь, праведные, о Господе и славьте память святыни Его.

(3) *Светильник Господень – дух человека, испытывающий все глубины сердца.*

(4) *Ибо мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы – рабы ваши для Иисуса, потому что Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить [нас] познанием славы Божией в лице Иисуса Христа.*

(5) *А вас Господь да исполнит и преисполнит любовью друг к другу и ко всем, какую мы исполнены к вам, чтобы утвердить сердца ваши непорочными во святыне пред Богом и Отцем нашим в пришествие Господа нашего Иисуса Христа со всеми святыми Его. Аминь.*

Подведем итоги.

Понятие *сердца* играет исключительно важную роль в тексте Священного Писания.

За словом *сердце* стоит богатый мир смыслов, связанных между собой идеей соборности, идеей всепроникающей любви. В любви соединяются сердца людей с Богом и между собой.

Языковыми средствами выражения соборности могут быть метонимия, метафора, аналогия, сравнение, а также наделение символическими функциями тех или иных признаков предметов и т. д.

Сердце отвечает как за эмоциональную жизнь человека, так и за интеллектуальную.

Важнейшие концептуальные признаки *сердца* – чистота, непорочность, святость. *Сердце* концептуализируется через образы зрения и слуха. Распространены образы дороги, храма, солнечных лучей.

Образы, признаки, с помощью которых концептуализируется понятие *сердца*, складываются в единую систему представлений, ценностей, религиозную картину мира.

Литература

1. **Библия.** – М. : Российское библейское общество, 2006. – 1654 с.
2. **Вышеславцев Б. П.** Значение сердца в религии / Б. П. Вышеславцев // Путь. – 1925 – №1. – С. 78-98. – Режим доступа к журналу: <http://www.odinblago.ru/path/1/5/>.
3. **Даль В. И.** Пословицы и поговорки русского народа / В. И. Даль. – СПб.: Диамант, 1997. – 544 с.
4. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В. И. Даль. – СПб.: Русский язык, 1996. – Т. 4.
5. **Колесов В. В.** Философия русского слова / В. В. Колесов. – СПб.: ЮНА, 2002. – 448 с.

6. **Лихачев Д. С.** Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – М.: Наука, 1993. – Т.52. – №1. – С. 112-130.
7. **Митрополит Кирилл.** Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят / Митрополит Кирилл. – Режим доступа: http://azbyka.ru/hristianstvo/iisus_hristos/mitropolit_kirill_slovo_pastyrya_37-all.shtml.
8. **Синельникова Л. Н.** Жизнь текста, или Текст жизни. В 3 т. / Л. Н. Синельникова. – Луганск: Знание, 2005. – Т. 2.
9. **Скляревская Г. Н.** Сердце в Священном Писании / Г. Н. Скляревская. – Режим доступа: http://samlib.ru/p/porjadin_m_e/serdcebiblia.shtml.
10. **Флоренский П.** Столп и утверждение Истины. В 2 ч. / П. Флоренский. – М.: Правда, 1990. – 700 с.
11. **Юркевич П. Д.** Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению Слова Божия // Юркевич П. Д. Философские произведения / П. Д. Юркевич. – М.: Правда, 1990. – С. 69-103.
12. **Яковлева Е. С.** О концепте чистоты в современном русском языковом сознании и в исторической перспективе / Е. С. Яковлева // Логический анализ языка. Языки этики / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 200-216.

УДК 81'255.4+929 Достоевский

**Ткачева Е. А.,
Диденко А. А.**

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ РОССИИ ПО РОМАНУ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Актуальность статьи обусловлена тем, что в наше время уникальные национально-специфические лексические единицы стали предметом пристального рассмотрения целого ряда новых лингвистических направлений. Это связано с развитием перевода и смежных лингвистических дисциплин: лингвострановедения, лингвокультурологии, этнолингвистики, сравнительной лингвистики и теории межкультурной коммуникации, в которых данный феномен изучается с разных сторон и разными методами.

Ключевые слова: особенности перевода, реалии, переводческие приемы.

The research of the article is caused by the fact that in our time, unique national-specific lexical units became a subject to scrutiny of a number of new linguistic directions. This is due to

the development of translation and related linguistic disciplines: linguistics and area studies, cultural linguistics, ethno linguistics, comparative linguistics and intercultural communication theory in which the phenomenon is studied from different angles and by different methods.

Key words: features of translation, realities, and translation techniques.

В наше время уникальные национально-специфические лексические единицы стали предметом пристального рассмотрения целого ряда новых лингвистических направлений. Это связано с развитием перевода и смежных лингвистических дисциплин: лингвострановедения, лингвокультурологии, этнолингвистики, сравнительной лингвистики и теории межкультурной коммуникации, в которых данный феномен изучается с разных сторон и разными методами.

Именно тематическая классификация позволяет наиболее полно систематизировать реалии, очертить основные сферы российской действительности, которым принадлежат денотат этих слов. Подобные классификации проводились многими лингвистами (А. Е. Супрун, А. А. Реформатский, С. И. Влахов, С. П. Флорин, Г. Д. Томахин, В. А. Виноградов). Но лишь немногие из них касаются «чистых» реалий (термин В.А. Виноградова – реалия в значении «слово-реалия»). Это тематические классификации А. Е. Супруна, А. А. Реформатского, С. И. Влахова и С. П. Флорина. Эта классификация легла в основу определения вида реалий с учетом специфики материала.

Цель нашей статьи – проанализировать особенности перевода национально-культурных реалий в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» средствами английского языка.

При анализе особенностей передачи национально-специфической лексики в английских переводах романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» мы старались учитывать вид использованных реалий. Вид реалий определялся их отнесенностью к различным тематическим группам.

Отобранный материал соотнесен с тематическими группами. Все реалии разделены на три основные группы, которые характеризуют особенности географических условий, этнографии и общественно-политического уклада России XIX в.: географические, этнографические и общественно-политические реалии. Эти группы, в свою очередь, разбиты на подгруппы, с целью изучения зависимости вида реалий на выбор того или иного переводческого приема.

Группа географических реалий оказалась самой малочисленной. Она не подлежит дальнейшей разбивке на подгруппы. Этнографические реалии составили наиболее многочисленную группу российских реалий в произведениях Ф.М. Достоевского. Она состоит из пяти подгрупп: реалий культуры и искусства, реалий-мер, реалий-денег,

трудовых и бытовых, к которым относятся реалии, называют предметы одежды, жилые здания, различные виды транспорта, блюд и напитков. Третья группа – общественно-политические реалии, представлена тремя подгруппами: административно-территориальными, военными и реалиями государственного устройства.

Перейдем к анализу вышеуказанного материала.

Большое количество этнографических реалий в Ф. М. Достоевского связано с названиями предметов одежды и названиями профессий. Проанализируем, каким образом данные реалии находят свое отражение в переводе на английский язык.

На ее тонкой и длинной шее, похожей на куриную ногу, было наверхено какое-то фланелевое тряпье, а на плечах, несмотря на жару, болталась вся истрепанная и пожелтелая меховая кацавейка.

Round her thin long neck, which looked like a hen's leg, was knotted some sort of flannel rag, and, in spite of the heat, there hung flapping on her shoulders, a mangy fur cape, yellow with age [4, p. 5].

На наш взгляд, в данном примере переводчик использует слово *cape* (накидка) не совсем удачно, чем более подходящего *jacket*, которое достаточно полно раскрывало бы содержание данного предмета одежды в русском языке (ср. Кацавейка - короткая куртка, кофта). Еще один пример.

Сонечка встала, надела платочек, надела бурнусик и с квартиры отправилась, а в девятом времени и назад обратно пришла [2, с. 54].

I saw Sonia get up, put on her kerchief and her cape, and go out of the room and about nine o'clock she came back [4, p. 62].

И снова переводчик использует слово *cape*, и, как нам, кажется, опять-таки неудачно (ср. Бурнус - плащ с капюшоном, сделанный из плотной шерстяной материи, обычно белого цвета, в России в XIX веке бурнусом называли также просторное женское пальто). Более адекватно данную реалию можно было бы перевести с помощью *raincoat* или *coat*.

В следующих примерах переводчик использует слово *cap* для передачи российских реалий каскетка и чепчик.

Видишь ли ты эту каскетку? [2, с. 158].

Do you see this cap [4, p. 172]?

И что это она хочет показать своим чепчиком! [2, с. 407].

And what does she put on that cap for [4, p. 421]?

Если в первом случае мы можем согласиться с использованием английского слова *cap* для передачи русского каскетку (ср. Каскетка - легкий мужской головной убор

типа фуражки), то во втором примере, скорее всего, адекватного перевода, возможно, достичь за счет использования слова *nightcap*, а не просто *cap*.

Несмотря на то, что в предыдущих примерах мы обратили внимание на неполное соответствие переводов российских этнографических реалий, обозначающих предметы одежды, в большинстве случаев переводчику удалось адекватно передать такие реалии, можно проиллюстрировать следующими примерами.

Сапоги, манишки коленкоровые – великолепнейшие, вицмундир, все по одиннадцать с полтиной состряпала в превосходнейшей виде-с [2, с. 56].

Boots, cotton shirt-fronts - most magnificent, a uniform, they got up all in splendid style, for eleven roubles and a half [4, p. 68].

Но в то же время один господин в вицмундире и в шинели, Солидный чиновник лет пятидесяти, с орденом на шее ... [2, с. 446].

But at that moment a gentleman in civilian uniform and an overcoat - a solid-looking official of about fifty with a decoration on his neck ... [4, p. 462].

Это был молодой парень в кафтане, с бородкой, и с виду походил на артельщика [2, с. 148].

He was a young man with a beard, wearing a full, short-waisted coat, and looked like a messenger [4, p. 161].

Среди этнографических реалий в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» важное место занимают реалии, связанные с обозначением профессий. Наш анализ показывает, что полной адекватности их передачи при переводе достичь трудно, поскольку многие из них уже давно вышли из обихода, а вокабуляр английского языка позволяет лишь приблизительно передать содержательную структуру таких профессий.

Обратимся к анализу практического материала.

К железной дороге от нас всего девяносто верст, и мы уже на всякий случай, сговорились с одним знакомым нам мужичком-извозчиком; [2, с. 83].

It is only ninety versts from us to the railway and we have come to an agreement with a driver we know, so as to be in readiness; [4, p. 100].

Похоже, что использовано слово *driver* не может быть адекватным переводом русского извозчик, мы могли бы предложить использовать более близкий к реалиям России XIX века *cabman*.

Таким образом, очень продуктивным для изучения многообразия переводческих решений является использование множественных повторных переводов того же текста. Параллельные переводы позволяют подвергнуть анализу лексические единицы текста

оригинала и их переводные эквиваленты, а также варианты перевода в параллельных переводах, выполненных в разное время или разными авторами.

При сохранении этнографических реалий, представляющих наименования профессий в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», переводчик, как правило, находит адекватные лексические средства при их переводе, но некоторые из них, можно считать, были переведены неверно.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Влахов С., Флорин С.** Непереваемое в переводе. / С. Влахов, С. Флорин // Монография. – М.: Высшая школа, 1986. – 384 с.
2. **Достоевский Ф. М.** Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. – Роман в шести частях с эпилогом. – Л.: Художественная литература, 1975. – 559 с.
3. **Томахин Г. Д.** Реалии-американизмы. / Г. Д. Томахин // Высшая школа, 1988. – 239 с.
4. *Crime and punishment / Fyodor Dostoyevsky; transl. by Constance Garnett.* – Mineola (N.Y.): Dover, 2001. – 589 p.

УДК 801.61

Семеренко Э.В.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ТВОРЧЕСТВО» В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИРИКИ Б. АХМАДУЛИНОЙ)

В статье рассматриваются языковые особенности репрезентации концепта «Творчество» в поэтическом дискурсе. Материалом исследования послужила лирика Б. Ахмадулиной. Определение значимости данного концепта проводилось на основе высокой частотности в поэтических текстах Б. Ахмадулиной лексем-репрезентантов соответствующего концепта и слов, ассоциативно соотнесенных с ним. Автор приходит к выводу, что концепт «Творчество» в концептосфере Б. Ахмадулиной можно называть мегаконцептом. Данный мегаконцепт реализует в концептосфере Б. Ахмадулиной как традиционные для поэзии метафорические модели, так и окказиональные.

Ключевые слова: концептосфера, концепт, мегаконцепт, репрезентация, творчество.

The article deals with the linguistic features of the representation of the concept «Creativity» in poetic discourse. The research is based on lyrics by B. Akhmadulina. The

significance of this concept was determined on the basis of high frequency in the poetic texts of B. Akhmadulina lexemes-representatives of the corresponding concept and words associated with it. The author comes to the conclusion that the concept of «Creativity» in the conceptual sphere B. Akhmadulina be called megaconcept. This megaconcept implements in the conceptual sphere B. Akhmadulina like traditional poetry, a metaphorical model, and occasional.

Key words: concept sphere, concept, megaconcept, representation, creativity.

Отечественное языкознание всегда волновали темы языка и мышления, роли человека в языке и наоборот. Когнитивные исследования и получили признание в отечественном языкознании потому, что они, прежде всего, обращаются к теме тесной связи языка с человеком, с его сознанием, познанием окружающей действительности и его практической деятельностью.

Рассмотрение концептов в системе текста представляет особый интерес для лингвистики современности. В каждом конкретном тексте автор обогащает концепты собственной символикой, а, следовательно, концептуальный анализ художественных текстов дает нам возможность получить сведения об универсальных характеристиках языковой картины мира личности поэта.

Описание концептосферы поэта связано с реконструкцией индивидуальной поэтической картины мира, поэтической модели мира. Очевидно, что поэтическое богатство и своеобразие определяется не только богатством лексики и грамматики, но и богатством концептосферы поэта.

Актуальность данной статьи обусловлена также тем, что описание особенностей концептосферы поэта, реконструкция «словесно-образной модели мира» [5, с. 182–183] становится сегодня одной из важнейших задач современной лингвистической поэтики.

По нашим наблюдениям, концепт «Творчество» является центральным в концептосфере лирики Б. Ахмадулиной, сквозь него преломляются все мотивы и образы её поэтической системы.

Цель работы – описать основные репрезентации концепта «Творчество» в концептосфере Беллы Ахмадулиной.

По мнению М.Н. Зыряновой, концепт «Творчество» — это совокупность понятий, ситуаций, отношений, сопровождающих процесс творчества. По типу отраженного знания и по причине сложности данного ментального образования его можно отнести к мегаконцептам [3].

Мегаконцепт — многомерное ментальное образование, структуру которого формируют разные по своей когнитивной природе диффузные компоненты [там же].

На наш взгляд, в концептосфере Б. Ахмадулиной концепт «Творчество» можно рассматривать как мегаконцепт.

Одна из классических тем литературы – тема поэта и поэзии. Интерпретация творчества в мировой поэзии имеет два подхода: как полета вдохновения и как тяжелого ремесла.

В литературе XX века сформировалась традиция называть творчество ремеслом, и Ахмадулина продолжила эту традицию: «Не в этом ли разгадка ремесла?..» (стихотворение «Мне вспоминать сподручней, чем иметь...»). Она сравнивает свой труд с делом архитектора: «и воздух обретает плоть / громоздко-стройного собора» («Помысел о Прусте»), художника: «...и линии натурщиц отражать, / размазывая краски на палитрах!» («Чужое ремесло»), оператора: «О, сделать так, как сделал оператор / послушно перенять его пример / и, пристально прикинув к аппаратам, / прищуриться на выбранный предмет» («Чужое ремесло»).

На «ремесленных» сравнениях поэтического труда построено стихотворение «Чужое ремесло». Так, неожиданно выглядят ассоциации с ремеслом печника: «Когда возводит красную трубу / печник на необжитом новом доме» («Чужое ремесло») лирическая героиня «тоже вытирает об траву / замаранные глиною ладони» («Чужое ремесло»), трудом садовода: «О, эта жадность деревце сажать, / из лейки лить на грядках неполитых» («Чужое ремесло»).

Б. Ахмадулина сравнивает поэтическое творчество и с крестьянским трудом: «Светает, садовод! Светает, огородник! / Что ж, потянусь и я возделывать тетрадь» («Лишь грамота и вы — других не видно родин»). В этом примере показательна метафора *возделывать тетрадь*.

По мнению Р. Мустафина, Ахмадулина употребляет эти «понятия-образы в цветаевской интерпретации: «ремесло» или чаще «святое ремесло» в отличие от высокопарного и давно скомпрометированного «творчества» (вспомним хотя бы едкое ахмадулинское «Дома творчества дикую кличку») ...» [4]. Исследователь отмечает, что отсюда же «идет взгляд на поэтическое творчество как на нечто не подвластное рассудку и воле и на гениальность как на «высшую степень подверженности наитию» (М. Цветаева)» [там же].

Труд поэта – тяжкий труд. И так же, как у усталого работника становится сгорбленной спина, у поэта появляется в результате тяжелого труда свой аналог сгорбленной спины:

И остался от этих времён

горб – натруженность среднего пальца («Медлительность»).

В поэзии Ахмадулиной вообще много метафорических определений тяжести поэтического труда:

Пришла и говорю: как нынешнему снегу
легко лететь с небес в угоду февралю,
так мне в угоду вам легко взойти на сцену.

Не верьте мне, когда я это говорю («Взойти на сцену»).

Таким образом, наблюдения позволяют утверждать, что мотив творчества-муки – центральный в поэтической картине мира Ахмадулиной.

Интересным для интерпретации концепта «Творчество» является, на наш взгляд, стихотворение «Немота»:

Кто же был так силен и умен?

Кто мой голос из горла увел?

Не умеет заплакать о нём

рана черная в горле моём.

– О, воспой! – умоляют уста

снегопада, обрыва, куста.

Я кричу, но, как пар изо рта,

округлилась у губ немота.

Задыхаюсь, идохну, и лгу,

что еще не останусь в долгу

пред красою деревьев в снегу,

о которой сказать не могу.

Вдохновенье – чрезмерный, сплошной

вдох мгновенья душою немой,

не спасет ее выдох иной,

кроме слова, что сказано мной.

Ассонансный повтор звука «о» создает фонетический образ немоты: с «круглым» лабиализованным «о» Ахмадулина сравнивает свою безгласность, тщетные попытки произнести слово: «Я кричу, но, как пар изо рта, / округлилась у губ немота».

На лексическом уровне в тексте видим сочетание лексем «высокого» стиля, поэтизмов (*воспой, уста, пред красою*) с лексемами разговорными, сниженными (*дохну*).

Необычно определение вдохновения (*Вдохновенье — вдох мгновенья*), построенное на паронимии – игре слов с использованием лексем разных по значению, но схожих по звуковому облику.

Весь лирический сюжет построен на метафоре: немота – это «рана черная в горле» лирической героини. Для поэзии Ахмадулиной вообще и для этого стихотворения в частности характерна «меафорическая okolность» стиля [4].

Соматизм *горло* для Ахмадулиной устойчиво ассоциируется не только с собственным творчеством, но и с поэзией как таковой. Стихи не только рождаются в горле, но и воспринимаются им: «от задыхания твоих тире / до крови я откашливала горло» («Клянусь»). Стих для лирической героини Ахмадулиной естественен, как ток крови по жилам: «сперва пульсирует мотив / как бы в предсердии искусства» («Пора, прощай, моя скала...»).

Ещё один часто встречающийся у Ахмадулиной соматизм *лоб* — это, прежде всего, вместилище высшей, богом данной мудрости:

Но лоб склоню – и опалит ладони
сиротства высочайший ореол («Подражание»).

– Одаренных богом
кто одаряет? И каким путем?

Как погремушкой, мной гремел озноб:

– Приходит бог, преласков и превесел,
немножко старомоден, как профессор,
и милостью ваш осеняет лоб («Сказка о Дожде»).

Но лоб символизирует не только поэтический дар, а и рациональное начало. Ахмадулина знает: чтобы быть поэтом, таланта недостаточно, творчество сопровождается «работой ума» [2]:

и медленно стираю прядь со лба
для пушего удобства размышленья

(«Так дурно жить, как я вчера жила...»).

Рожденное в горле, осмысленное умом, стихотворение обретает свое бытие на бумаге. За последнюю часть творческого акта отвечает рука. В стихотворении «Биографическая справка» Ахмадулина указывает на прямую связь горла / звука с рукой / строкой: «Всего-то было горло и рука, / в пути меж ними станет звук строкою». «Бег руки вдоль стола» это физический труд, совершающийся почти машинально: рука сама «знает привычку ставить слово после слова» («Другое»):

Что за труд – бег руки вдоль стола?

Это отдых, награда за муку,
когда темною тяжестью лба

упираешься в правую руку («Не писать о грозе»).

Таким образом, творческий процесс объединяет сферы чувственного, рационального и физического. Весь организм поэта ощущает творческие импульсы и участвует в стихотворстве: «Пульсировала бесконечность / в груди, в запястье и в виске» («Дом») [2].

Нравственные муки для поэта не менее страшны, чем физические. Развивая традиционный в поэзии мотив невыразимости в слове полноты человеческих чувств, Ахмадулина раскрывает его через ассоциаты «совесть», «долг», «ответственность». Лирическая героиня испытывает муки совести, из-за того, что ощущает бездну между образом, который мыслится, и словом, в которое он воплощается, ее «честный разум» «стыдится своего несовершенства» («Ночь»). Ей владеет страх «бесстыдства пред листом бумаги, / беззащитной предо мною» («Ночь»). Поэт всегда в долгу перед миром, перед его красотой: «как будто за красу заката / на нем ответственность лежит» («Путник»). Осознавая силу слова, поэт берет на себя ответственность за каждую строку: «нерасторжимы словесность и совесть» («Ночь перед выступлением»). И потому дар «причиняет лишь совесть и боль» («Путешествие»), но другого пути для поэта нет:

Способ совести избран уже,
и теперь от меня не зависит («Медлительность»).

Поэзия становится для лирической героини «роковым делом»:

– Всё пишешь, – я с усмешкой говорю.

Брось, отступись от рокового дела

(«Вот не такой, как двадцать лет назад...»).

Поэтическое творчество именуется Ахмадулиной «чудовищной затеей»:

В чём важный смысл чудовищной затеи:

вникать в значенье света на столе,

участвовать, словно в насущном деле,

в судьбе светил, играющих в окне,

и выдержать такую силу в теле,

что тень его внушила шрам стене!

Не знаю. Но еще зачтется мне

бесславный подвиг сотворенья тени («Описание ночи»).

Поэзия для Ахмадулиной – это нечто стихийное, не управляемое трезвым рассудком и даже противоположное ему. Этим и объясняется ее острая и плохо скрываемая неприязнь к критикам и литературоведам, к тем, кто судит о литературе, руководствуясь лишь трезвым «умыслом», а не «сердцем» [4].

Итак, наблюдения над поэтическими текстами Б. Ахмадулиной позволяют утверждать, что мегаконцепт «Творчество» в её концептосфере реализует как традиционные для поэзии метафорические модели («Творчество — ремесло», например), так и окказиональные («Творчество – мука (физическая и нравственная)» и др.). Метафорическая модель «Творчество – физическая мука» вербализована через соматизмы (*голо, гортань, рука, лоб*) и лексемы, имеющие семы «болезненность творческого процесса» (лексемы *ожог, немота, кровоизлияние*).

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ахмадулина Б.** *Стихи [Электронный ресурс]* / Б. Ахмадулина. — Режим доступа к ресурсу: <http://rurоem.ru/ahmadulina/all.aspx>.
2. **Башкайкина Д.** Мотивная структура концепта «Творчество» в лирике Б. Ахмадулиной [Электронный ресурс] / Д. Башкайкина // Летняя школа по русской литературе. – 2015. – Т. 11. – № 4. – С. 327-335. – Режим доступа к ресурсу : <http://docplayer.ru/52989920-Motivnaya-struktura-koncepta-tvorchestvo-v-lirike-b-ahmadulinoj.html>.
3. **Зырянова М. Н.** Мегаконцепт «творчество» в поэтической модели мира Д. А. Пригова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Зырянова Марина Николаевна. – Омск, 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу : <http://www.dissercat.com/content/megakontsept-tvorchestvo-v-poeticheskoi-modeli-mira-da-prigova#ixzz59bpZ79Sl>.
4. **Мустафин Р.** Поиск алгоритма (Заметки о поэзии Беллы Ахмадулиной) [Электронный ресурс] / Р. Мустафин. – Режим доступа к ресурсу: <http://md-eksperiment.org/post/20170613-poisk-algoritma-zametki-o-poezii-belly-ahmadulinoj> (15.03.18).
5. **Скоропанова И. С.** Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык / И. С. Скоропанова. – СПб.: Невский простор, 2001. – 416 с.

**КОНЦЕПТЫ ПОЭТИЧЕСКОГО ЭПИСТОЛЯРИЯ:
«ВИДЕТЬ» И «СЛЫШАТЬ»
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»)**

Статья посвящена рассмотрению эпистолярного текста сквозь призму понятия «концепт». Автор исследует особенности вербализации концептов «видеть» и «слышать» на материале писем героев романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Ключевые слова: эпистолярный, концепт, вербализация.

The article is devoted to studying the epistolary text through the prism of the term «concept». The author explores the peculiarities of the verbalization of the concepts «to see» and «to hear» in letters of the characters of Pushkin's novel «Eugene Onegin».

Key words: epistolary, concept, verbalization.

Эпистолярные тексты в структуре художественного произведения представляют особый интерес для современного исследователя. С одной стороны, письма героев воспринимаются читателем как нечто внедрённое в текст целого произведения – то, что противопоставляется авторской речи и обычным диалогам героев. С другой стороны, письмо является неотъемлемой частью единого завершённого текста и единого художественного целого.

В последние годы эпистолярный текст стал предметом пристального изучения. На наш взгляд, в первую очередь это связано с изменением статуса эпистолярия. Современная частная переписка неизбежно подверглась "оцифровке" и стала в один ряд с другими средствами быстрой связи. На сегодня частные письма для многих из нас – анахронизм, но именно это и даёт возможность воспринимать их как объект изучения – дистанцированно.

Интерес к эпистолярию обусловлен и чисто теоретически. Развитие теории речевых жанров, основные положения которой были сформулированы М. М. Бахтиным в работе «Постановка проблемы и определение речевых жанров», стало поводом для рассмотрения эпистолярного текста как отдельного речевого жанра. Это нашло отражение в работах Т. В. Шмелёвой, А. В. Курьянович, О. П. Фесенко, Т. П. Акимовой и других современных исследователей.

Сама природа эпистолярия, который, с одной стороны, находит своё воплощение в письменном тексте, а с другой – воссоздаёт ситуацию живого общения, подталкивает нас к рассмотрению письма как пограничного явления, которое необходимо изучать не только с точки зрения лингвистики, но и с точки зрения культурологии. Как отмечает Т. П. Акимова, «изучение частных писем в русле лингвокультурологии предполагает выявление концептов, актуальных именно для эпистолярного текста, и определение особенностей их вербализации в анализируемом материале» [1, с. 105].

Термин *концепт* является одним из центральных понятий в современной когнитивной лингвистике. «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё», –отмечает Ю. С. Степанов [4, с. 40].

По мнению А. Н. Приходько, «концепт представляет собой такой сложноструктурированный феномен, понятийное начало которого, проходя через сито этнопсихологической оценки, органично соединяется с лингвокультурным» [3, с.21].

В диссертационном исследовании, посвящённом лингвокультурологическим характеристикам эпистолярного текста, Т. П. Акимова рассматривает, в числе прочего, особенности вербализации различных концептов русского эпистолярного текста на материале писем классиков русской литературы XIX–XX вв.

Представляется логичным предположить, что концептам эпистолярного текста, входящего в структуру художественного произведения, присущи собственные особенности вербализации.

Слово героев романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин», помимо относительно небольших по объёму высказываний, представлено письмами. Сопоставительный анализ текстов писем Татьяны и Онегина демонстрирует, что несмотря на разницу в возрасте, на различные системы мировоззрения и, наконец, на ту временную дистанцию, которая разделяет два эпистолярных текста, между ними (как и между самими героями) обнаруживается немало общего.

На первый взгляд, это обусловлено тем, что оба героя *живут* в одно и то же время и существуют в лоне одной и той же светской культуры с характерной для неё манерой ведения частной переписки. Однако если рассматривать письма Татьяны и Онегина с лингвистической и – шире – с лингвокультурологической точки зрения, между ними обнаруживаются гораздо более глубинные связи, связанные с принципами отбора языкового материала и построения текста.

Невозможно не обратить внимание на обилие в письмах пушкинских героев глаголов и глагольных форм. Первая строка каждого из писем включает в себя глагол 1 лица настоящего времени, который обозначает не только само действие, но и субъекта, который это действие выполняет (*Я к вам пишу...; Предувижу* всё...).

Вторая особенность – высокая частотность употребления глаголов восприятия. «Глаголы восприятия по семам, обозначающим средства восприятия, подразделяются на следующие подгруппы: 1) глаголы зрительного восприятия; 2) глаголы слухового восприятия; 3) глаголы обоняния; 4) глаголы вкусового восприятия; 5) глаголы осязания» [5, с. 1507].

Как отмечает Н. А. Белова, «перцептивные глаголы (видеть, смотреть, слышать, слушать, чувствовать, нюхать, пробовать, трогать) <...> участвуют в выполнении языком не только эпистемической функции, но и когнитивной: наравне с языком они выполняют роль инструмента познания» [2, с. 51].

Глагол *видеть* встречается в письмах Татьяны и Онегина в различных вариациях. Среди них можно выделить следующие:

1. Инфинитив:

- В деревне нашей *видеть* вас (ПТ);

- Нет, поминутно *видеть* вас (ПО);

2. Приставочные формы:

- *Предвижу* всё: вас оскорбит (ПО);

- Что с вами днём *увиджусь* я (ПО);

- *Увидит* ваш суровый взор (ПО);

3. Отглагольные существительные:

- *Свиданья* верного с тобой (ПТ);

- Ты в *сновиденьях* мне являлся (ПТ);

- Не ты ли, милое *виденье* (ПТ).

Отдельного упоминания заслуживает ряд слов, так или иначе связанных с процессом зрительного восприятия:

- *презренье, взгляд, изобразит, заметя, глядеть, взор, взглядом* (ПО);

- *презренье, незримый, взгляд, мелькнул, вообрази, взором* (ПТ).

Примечательно, что абсолютно во всех случаях глагол *видеть* и производные от него формы сопровождаются личными местоимениями *ты* или *вы*. Так, в письмах и Татьяны, и Онегина появляется одно и то же словосочетание – *видеть вас*.

Приставочные формы встречаются только в письме Онегина, и в каждом из стихов, в котором это происходит, появляется местоимение *вы*. Отглагольные существительные обнаруживаются только в письме Татьяны. И здесь, в рамках одной поэтической строки, они сосуществуют с местоимением *ты*.

Глагол *слышать* употребляется в текстах писем значительно реже:

- И *слышу* гневный ваш укор (ПО);

- Чтоб только *слышать* ваши речи (ПТ);

- Не правда ль? я тебя *слыхала* (ПТ).

В письме Онегина также встречается глагол *внимать*.

Как видим, второй из глаголов чувственного восприятия тесно связан с притяжательными местоимениями (*ваш, ваши*). Личное местоимение *ты* появляется в письме Татьяны в форме родительного падежа (*тебя*), и глагол *слышать* появляется здесь в ином варианте – *слыхать*.

Высокая частотность употребления перцептивных глаголов и производных от них форм в текстах относительно небольшого объёма даёт основание предположить, что с их помощью в тексте романа выражается нечто большее, нежели процессы чувственного восприятия.

В письмах Татьяны и Онегина происходит вербализация их возможной встречи. Оба героя представляют ее по-своему, но в каждой из этих *визуализаций* зрительное восприятие Другого выходит на первый план по сравнению со слуховым:

ПТ	ПО
Поверьте: моего стыда	Нет, поминутно <i>(1) видеть вас,</i>
Вы не узнали б никогда,	Повсюду следовать за вами,
Когда б надежду я имела	Улыбку уст, движенье глаз

<p>Хоть редко, хоть в неделю раз</p> <p>В деревне нашей (1) видеть вас,</p> <p>Чтоб только (2) слышать ваши речи,</p> <p>Вам слово молвить, и потом</p> <p>Все думать, думать об одном</p> <p>И день и ночь до новой встречи.</p>	<p>Ловить влюбленными глазами,</p> <p>(2) Внимать вам долго, понимать</p> <p>Душой все ваше совершенство,</p> <p>Пред вами в муках замирать,</p> <p>Бледнеть и гаснуть... вот блаженство!</p>
---	--

И для Татьяны, и для Онегина **видеть** друг друга оказывается важнее, чем **слышать**.

Переписка героев пушкинского романа представляется не вполне типичной в том смысле, что ни Татьяна, ни Онегин не получают друг от друга ответных писем. Тем не менее, оба письма вызывают ответную реакцию у тех, кому они адресованы. Она находит своё воплощение в монологах героев (МО, МТ).

Рассматривая эти монологи в качестве именно ответов на письма, обнаружим, что в текстах каждого из них также встречаются глаголы **видеть** и **слышать**:

- **Послушайте** ж меня без гнева (МО);
- Урок ваш **выслушала** я (МТ);
- Онегин, **видела** я вас (МТ).

Кроме того, они (или близкие по значению глаголы) встречаются и в описании состояния героев:

	Татьяна	Онегин
4 глава	<p>Так проповедовал Евгений.</p> <p>Сквозь слез не видя ничего,</p> <p>Едва дыша, без возражений,</p> <p>Татьяна слушала его.</p>	
8 глава	<p>Княгиня смотрит на него...</p>	<p>Хоть он глядел нельзя прилежней,</p> <p>Но и следов Татьяны прежней</p> <p>Не мог Онегин обрести.</p>

	<p>И на Онегина <i>глядит</i></p> <p>Без удивления, без гнева...</p>	<p>Упрямо <i>смотрит</i> он: она</p> <p>Сидит покойна и вольна.</p>
--	--	---

Ни в четвертой, ни в восьмой главе романа ситуация не разрешается. Динамика употребления глаголов *видеть* и *слышать* говорит о том, что:

- в четвертой главе романа Татьяна только лишь *слышит* Онегина, но *не видит* его;
- в восьмой главе романа Татьяна *видит* Онегина, в то время как он *смотрит* на неё, но не может *увидеть*.

Однако та самая идеальная встреча, которой не случается в реальности, происходит в письмах героев. Вербальное пространство письма позволяет смоделировать ситуацию, в которой все счастливы – как если бы письма героев не разделяли несколько романских лет, смерть Ленского, отъезд Онегина, замужество Татьяны. Говоря иными словами, в текстах своих писем и Татьяна, и Онегин представляют такое *видение* истории развития взаимоотношений, в которой они *видят*, а потом уже *слышат* друг друга.

Исследование текстов писем Татьяны и Онегина в русле лингвокультурологии позволяет выявить концепты, актуальные для описываемых в романе коммуникативных ситуаций. Рассмотрение писем героев романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и их ответных монологов сквозь призму концептов «видеть» и «слышать» позволяет говорить о том, что: процесс чувственного восприятия, реализуемый посредством употребления глаголов *видеть* и *слышать*, производных от них форм и их синонимов, позиционируется как несомненно важный; зрительное восприятие приобретает первостепенную значимость относительно слухового; нахождение героев на разных позициях относительно чувственного восприятия другого приводит их к взаимному непониманию. Проведённое исследование открывает перспективы выявления иных значимых концептов и изучение процесса их вербализации в тексте пушкинского романа.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Акимова Т. П.** Лингвокультурологические характеристики эпистолярного текста (на материале писем классиков русской литературы XIX-XX вв.): дис. ... д-ра филол. н. Волгоград., 2017. – 421 с.
2. **Белова Н. А.** Глаголы восприятия как объект когнитивного исследования (полевой подход к анализу английских наименований перцептивных действий и состояний) [Текст] / Н.А. Белова // Вестник Оренбургского государственного университета. – №11. – Оренбург: Издательство Оренбургского государственного университета, 2012. – С. 51-55.
3. **Приходько А. Н.** Концепты и концептосистемы / А. Н. Приходько. – Днепропетровск: Белая Е. А., 2013. – 307 с.
4. **Степанов Ю. С.** Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

5. **Усманова М. Г.** Концепт «видеть» и его репрезентации в глагольной системе башкирского языка / М.Г. Усманова // Вестник Башкирского университета. – 2012. – т. 17, № 3 (1). – С. 1507-1509.

УДК 811. 161. 2'282. 2

Шкуран О. В.

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ
САКРАЛЬНОГО МАКРОКОНЦЕПТА «МИЛОСТЫНЯ»
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

В статье рассматривается проблема сакрализации и десакрализации традиционного нравственного и общественного, духовного и личного понимания лексемы «милостыня», которая более чем за семь столетий прошла процесс семантической трансформации и приобрела статус макроконцепта. Данное языковое явление исследуется современной лингвокультурологией. Мы считаем, что лексикографические и фразеологические источники восточнославянских языков свидетельствуют о схожем динамическом процессе в понимании макроконцепта «милостыня».

Ключевые слова: лингвокультурология, сакрализация, десакрализация, семантическая трансформация, макроконцепт «милостыня».

The article deals with the problem of sacralization and desacralization of the traditional moral and social, spiritual and personal understanding of the lexeme "alms". This lexeme passed the process of semantic transformation and acquired the status of a macroconcept for more than seven centuries. This linguistic phenomenon is studied by modern linguoculturology. We believe that the lexicographical and phraseological sources of the Eastern Slavic languages testify to a similar dynamic process in the understanding of the macroconcept "alms".

Key words: linguoculturology, sacralization, desacralization, semantic transformation, macroconcept "alms".

Проблема сакрального является одним из важных вопросов всего гуманитарного знания. Начиная с глубокой древности, сакральное являлось одной из несущих конструкций культуры. Сакральные ценности определяли направленность развития человеческого общества на протяжении нескольких тысячелетий. Отказ от таких нравственных ориентиров существенно деформировало ценности человечества в новом столетии.

Мысль о связи языка с духовной культурой народа нашла яркое воплощение в трудах немецкого ученого Вильгельма фон Гумбольдта (1767-1835): *в каждом языке заложено самобытное мирозерцание* [10, с.12]. Потебнианская концепция понимала слово как живой организм, жизненным центром которого является «внутренняя форма». Первозданное слово-образ, вступая на исторический путь коммуникативных практик, по словам А. А. Потебни, постепенно утрачивало органическую связь с жизнью природного мира и трансформировалось в имплицитную составляющую языка. Коммуникативные процессы погружают такое слово в контексты социального словоупотребления и взаимодействия между людьми [8, с.23]. Проблематика языка и культуры в пространстве сакрального получила дальнейшее развитие в философском творчестве Н. О. Лосского, Б. Н. Вышеславцева, Л. П. Карсавина, С. Н. Булгакова, А. Ф. Лосева и др.

В современной лингвокультурологии сложилось понимание, с одной стороны, универсальности познавательных (когнитивных) механизмов человеческого восприятия мира и использования языка во всех его функциях, а с другой – зависимости отраженной в языке и формирующейся посредством языка картины мира от исторического опыта и культурно-национальных черт этноса. В языке запечатлена наиболее существенная и важная часть этих общих представлений, поэтому говорят о языковой картине мира, которая выступает как своего рода «коллективная философия», – язык ее «навязывает» в качестве обязательной всем носителям этого языка. Вот почему считается, что язык дает важные сведения о специфике национального мировосприятия.

Общепризнанным можно считать утверждение, что стержнем русской культуры является христианское вероучение и православное мировоззрение. Закономерен вопрос, как православное мировоззрение, являвшееся для русского этноса ведущим в течение нескольких веков, отразилось в русском, украинском, белорусском языках. Даже при поверхностном взгляде с этой точки зрения на современные восточнославянские языки заметны оставленные в нем следы православного сознания, нередко застывшие, окаменевшие. Из всех славянских языков только в русском и украинском есть этикетное слово *Спасибо*, в этой форме известное с конца XVI в. и восходящее к сочетанию Спаси Бог! (укр. Спасибі ← Спаси Біг). А другое этикетное слово *Прощай(те)!* по значению связано с одной из христианских традиций, восходящих к монашеской жизни: когда монахи удалялись в Великий пост подальше от обители, они просили прощение, понимая, что долгий молитвенный труд без поддержки братьев может обернуться смертью. Поэтому на Прощеное воскресенье все друг у друга просят прощения, даже не зная давних традиций. Только в русском языке нерабочий день недели уже с XIII-XIV вв. по аналогии с Пасхальным Воскресением начинает именоваться воскресением.

Одной из основных форм сакрального и социального контакта общества с просящим и нуждающимся является *милостыня*, которая всегда подавалась едой, одеждой и деньгами. В одной из детских народных сказок «Чьи руки краше?» речь идет о трех красавицах, идущих на конкурс самых красивых девичьих рук в город: одна из них несла красивый букет роз и была уверена, что ее руки нежны, как лепестки роз; другая, окунув свои нежные руки в ручей прозрачной воды, была убеждена в красоте своих чистых рук; а вот третья смиренно молчала и не оспаривала право быть лучшей. При входе в город сидел нищий и просил милостыню, и только третья смиренная девушка не побрезговала подать красивыми руками еду нищему. Это было главное испытание девушки-победительницы – так решили правители этого города. Ведь красота определяется не внешним, а внутренним содержанием человека. Как же изменился современный эталон красоты и почему *убогих* (другое название *бездомок, бедяша, нищий, несчастный, обездоленный, скиталец* и др.) сейчас называют попрошайками?

На протяжении многих веков отношение к нищим было терпимым и участливым, поскольку такой образ жизни мог достаться любому. Поэтому русская поговорка гласила: *От тюрьмы да от сумы не зарекайся!* [3, с.231]. Именно сума – это необходимый атрибут просящего человека, а в современном лексиконе называется бродяжничеством. Ей приписывались волшебные свойства: у словаков крошки хлеба – остатки от милостыни – давали ребенку, который долго не мог заговорить; у русских – роженице при трудных родах; у белорусов – кормящей матери при отсутствии молока и т. д. [12, с. 408-411].

Как отмечает Н. И. Толстой в этнолингвистическом словаре «Славянские древности», подаяние считалось Богоугодным делом и поддерживалось церковью: *Просит убогий, а подаешь Богу*. В Полесье при засеивании нового урожая крестьянин приговаривал: *и на трудящего, и на просящего*; в Архангельске говорил: *нищим на пищу и нам на корысть* [12, с. 411]. Интересным на взгляд светских людей и сакральным для верующих христиан является тайная милостыня как одна из активных форм благочестивого поведения.

Владимир Мономах, князь Киевский, оставил «Поучение детям» в составе «Лаврентьевского летописного свода» (1377) с таким этическим комментарием: *Прежде всего, Бога ради и ради души своей, страхъ божій имѣйте въ сердцѣ своемъ и творите милостыню неоскудную: въ этомъ – начало всякому добру. Если же кому не любо это поученіе, пусть не погнѣвается, но скажетъ: вотъ на далекомъ пути да на саняхъ сидя, молвить «безлѣпицу»* [9, с. 6] У древних князей вплоть до XVIII в. раздача милостыни была очень распространенным явлением, особенно, в праздничные дни: считалось за

богоугодное дело прислуживание самой княжеской четой во время трапезы нищим. Потребность в милостыне росла особенно в период упадка народного благосостояния.

Существует притча о том, как сам Господь накануне Вознесения Христова дал нищим святое имя, поэтому с давних времен обездоленные люди, прося милостыню, проговаривают слова: «Подайте, Христа ради!» [1, с. 345]. Подающий милостыню руководствуется 2 Посланием апостола Павла к коринфянам: *Да не оскудеет рука дающего* [1, с. 567]. Такой библеизм приобрел статус народного и пережил ряд трансформаций-контаминаций: *Рука дающего не оскудевает; Дающий нищему не обѣднѣетъ; Не ожесточи сердца твоего и не сожми руки твоей предъ нищимъ братомъ твоимъ* [11, с. 27-28]; *Да не отсохнет язык поющего; Да не иссякнет рука дающего; Да не оскудеет рука дающего, да не отсохнет рука берущего и др.*[6] Такие языковые единицы были названы псевдобиблеизмами (В. Хлебда), максимально проявляющими национальное своеобразие любого языка.

Как видно из этого краткого обзора, в лингвокультурологическом спектре макроконцепта «милостыня» имеются два полюса – на одном концентрируется сакрально-христианское понимание, на другом – социально-этическое, акцентирующее характер отношений между субъектом и объектом прототипического действия «подавать» и его главную цель – поддержание мелиоративной семантики, тяготеющей к христианскому миропониманию и увеличению сегментных семантических слоев – *благостыня, добровольная раздача, гостинец, жертва, лепта, подарок, подаяние, подношение, пожертвование* и др.

В словаре Памвы Берынды «Лексіконъ славенноросскій і именъ тълкованіє» (1627) записаны лексемы в такой хронологии *милосердие, мать, смилваны, милостыня, прощена, отпущены* [2, с. 245] именно так, чтобы понять сакральное содержание самой милостыни – при почитании и любви матери и подаче милостыни за грехи свои земные будешь прощен перед Богом.

Немного позже в «Словаре Академии Российской» (1789-1794) слово *милостыня* истолковывается так: *подаяние, сбор, дар, подарок*, приводится пример уменьшительной формы *милостынка*. Для современного словоупотребления *милостынный, милостынная* – непонятные слова, которые в словаре истолковываются так: 1) пользующий(-ая)ся милостью, расположением; 2) услужливый (-ая), угодливый (-ая), любимец(-ица) [11, с. 392]. Данный контекст словарной статьи свидетельствует о позитивном коннотативном оттенке концепта *милостыня* и производных – *милосердие, милосердствовать, многосердная, милосердство* и др. [11, с.392].

А вот словарь В. Даля не дает толкование к концепту «милостыня», употребляет только в контексте словарной статьи к лексеме «бедный». Здесь собиратель народного слова расширяет синонимический ряд – *достойный сожаления, возбуждающий сострадание, бедняк, бедныш, беданюха* и др. Владимир Иванович приводит пример образованных глаголов – *бедняшить* (жить бедно), *бедяшить, бидяшить* (скитаться без жилья), *беднить* (разорять кого-либо), отсюда – *бедноваться, прибедняться* (скупиться на подавание) [3, с.124].

Иоанн Златоуст пишет: «Ты отдал серебро, а приобрел дерзновение перед Всемогущим Богом. То есть ты, через руки нищих, дал Самому Христу помощь. Теперь проси у Христа, чего ты хочешь. Он выслушает тебя. Это касается не только денег, поскольку милостыня шире подавания» [4, с. 236].

В этимологическом словаре М. Фасмера *милостыня* восходит от слова *милосѣрдие милосѣрдный* – производные от др.-русск. *милосѣрдь*, ст.-слав. *милосрѣдь* еѸурлбгчнпт (Супр.), чеш. *milosrdný*, словц. *milosrdný*, польск. *Milosierny* – кальки из лат. или д.-в.-н., ср. лат. *misericordia, misericors* и калькированные оттуда гот. *armahairtei*, д.-в.-н. *armiherzida*; гот. *armahairts*, д.-в.-н. *armaherzî* [14, с.367].

В «Етимологічному словнику української мови» (1982) под редакцией О. С. Мельничук и др. лексема *милостиня* отсутствует, но в словарной статье «милий» представлена словообразовательная цепочка – *милий, милостивий, милостивець, милостиня* (подається з позначкою застаріле), *милоці, милун, милувати, премилений*, что дает нам возможность утверждать о коннотативном оттенке старословянского прилагательного *милий* в соединении со словообразовательными аффиксами [5, с.345].

Таким образом, лексема *милостиня* образовалась путем соединения прилагательного *милий* с двумя аффиксами – самыми продуктивными суффиксами *-ост-* и *-ин-* в русском, украинском языках; *-асц-, -ін-* – в белорусском (ср. *міласціна*).

Однако, просматривая словари современной эпохи, мы наблюдаем динамический процесс отчуждения от первоначальной наполненности, т.е. десемантизации – к ее новому коннотативному оттенку, напр.: в словаре Д. Н. Ушакова *милостыня* определяется так: *Подаяние нищему, нуждающемуся. А нищий имеет значение 'крайне бедный, имеющий недостаток в самом необходимом'* [13, с.256]; словарь С. И. Ожегова 'то, что подается нищему, подаяние' [7, с. 167]. Другие словари русского языка дают такое же толкование лексемы. По всей вероятности, подаяние в советском обществе отсутствовало по причине ненужности милостыни: *Обсуждается сложный вопрос: что значит милостыня в мире, где почти не осталось нищих?* [6].

Национальный корпус русского языка дает возможность проследить динамику семантики макроконцепта *милостыня*, например: *Участие, которое она возбуждает, тяжело, как милостыня.* (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841) - 'быть нищим и жить на милостыню тяжело морально'; *Я милостыни не принимаю, – угрюмо проворчал Пампасов, – Какая же это милостыня? Заработаете – отдадите.* А. Т. Аверченко. Камень на шее (1910-1914)] – 'состояние уязвленного самолюбия'; *Как и молитва, милостыня привлекает благодать и милосердие Божие и на того, о ком творится молитва, и от имени кого это благодеяние совершается.* (Ольга Белякова. «Во Иордане крещающемуся тебе, Господи!»... (2004) // «Уральский автомобиль» (Миасс), 2004.01.20) – 'за милостыню воздастся от самого Творца'; *Вот это есть настоящая милостыня ближнему – а не наши копейки.* (Михаил Шишкин. Венерин волос (2004) // «Знамя», 2005) – 'милостыня – это гораздо больше, чем малая помощь нуждающимся'; *Другой может думать и даже понимать, наоборот, что милостыня как раз худший способ увековечения неработающей бедности; или он может стыдиться, как скверно выказывать себя перед другим таким способом, показной щедростью, и запрещать себе такой нарциссизм.* (В. В. Биbihин. Узнай себя (курс лекций, прочитанный на философском факультете МГУ в 1989–1990 гг.) (1998)) – 'подаяние нищим усугубляет безработицу и иждивенчество' и др.

Таким образом, мы видим семантическую динамику макроконцепта «милостыня». Исторические периоды фиксируют разные понимания концептов, в последнее столетие доминирует рациональное над эмоциональным, материальное над духовным, что не является естественным для русского человека: от пожертвования как необходимого действия греховного очищения к просто механической подачке просящему. Мы можем назвать это десакрализацией самого понятия.

Таким образом, изменения, происшедшие в русском языковом пространстве в период с начала XVIII века до настоящего времени, не могли не повлиять на создание сегментного семантического слоя макроконцепта «милостыня». Секулярная составляющая и утрата важности роли самой милостыни в жизни каждого человека привело к тому, что сформировались новые концепты на базе уже существующего макроконцепта «милостыня». Семантическая трансформация архаического концепта позволила ему войти в парадигму священных понятий. А вот исключительной характеристикой, что выяснилось в процессе диахронического среза, обладает концепт «милостыня» только в христианском понимании – проявление милосердия к нуждающимся, тайное подаяние на протяжении всей земной жизни, милое сердцу дарение для вечности. В этом и состоит сакральность милостыни.

Литература

1. **Библия:** Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Издание Московской Патриархии, 1990. – 1372 с.
2. **Беринда П.** Лексикон Славеноросскій и именъ тлькованіе / Беринда Памва ; відп. ред. К. К. Цілуйко. – К. : Вид-во АН УРСР, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні, 1961. – 272 с. (Сер. наукової літератури „Пам’ятки української мови XVII ст.”).
3. **Даль В.** Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.Даль. – М. : Рус. яз., 1980. – 4 том. – 683 с.
4. **Древние жития Святителя Иоанна Златоуста: тексты и комментарий.** / Пер., вступ. ст., комм. А. С. Балаховской, общ. ред. А. И. Сидорова. – М.: ПСТГУ, 2007. – 523 с.
5. **ЕСУМ II** – Етимологічний словник української мови : у 7 т. – К. : Наук. думка, 1983. – Т. 2: Д–К. – 1985. – 569 с.
6. **НКРЯ** – Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>
7. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка / Под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: Оникс, Мир и Образование, 2007. – 1200 с.
8. **Потебня А. А.** Мысль и язык /А. А. Потебня. – Киев : Синто, 1993. – 190 с.
9. **Поучение Владимира Мономаха** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/archiv/monomah.htm>
10. **Самин Д. К.** Лингвистическая теория Гумбольдта // 100 великих научных открытий / Д. К. Самин. – М. : Вече, 2006. – 480 с.
11. **САР** – PDF-издание Словаря Академии Российской 1789-1794 / Разработчики: А. Ю. Филиппович, Г. А. Черкасова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://it-claim.ru/Projects/ESAR/SAR/PDFSAR/Framesetpdf.htm>
12. **СД** – Славянские древности: этнолингвист. слов. : в 5 т. / сост. Агапкина Т. А., Виноградова Л. Н., Гура А. В. и др. ; под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1995. – 1 т. – 584 с.
13. **ТСРЯ** – Толковый словарь русского языка: В 4 томах / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. – 5527 с.
14. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / Макс Фасмер. – М. : Прогресс, 1986.- Т. 1: А–Д. – 1986. – 576 с.

“INTELLIGENTSIA” КАК КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ЗАИМСТВОВАНИЕ ИЗ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Семантика заимствованных лингвокультурных концептов неизбежно изменяется, адаптируясь к новой концептосфере. Автор рассматривает такие семантические трансформации на примере слова-концепта “intelligentsia”.

Ключевые слова: *концептуальное заимствование, слово-концепт, семантика, сема, дефиниция, концептосфера.*

Semantics of borrowed linguocultural concepts changes inevitably adapting to the new conceptual sphere. The author considers such semantic transformations using the example of the word-concept “intelligentsia”.

Keywords: *conceptual borrowing, word-concept, semantics, seme, definition, conceptual sphere.*

Русский язык входит в число двадцати пяти европейских языков – источников заимствований для английского языка. Данные слова, за редким исключением, отражают типично русские реалии и явления: “*duma*”, “*kulak*”, “*steppe*”, “*samovar*”, “*sputnik*”, “*perestroika*” и т. д. Особое место среди заимствований из русского языка принадлежит слову-концепту “*intelligentsia*”, которое, по мнению авторов онлайн словаря *Merriam-Webster* «... уже к началу 20-го века утратило большую часть своей отчетливо национальной принадлежности и начало употребляться по отношению к интеллектуалам без особого внимания к границам» [8, с.?).

Сейчас, в конце второго десятилетия 21-го века, “*intelligentsia*” хоть и может представляться молодому поколению американцев «забытым, но чрезвычайно полезным словом» [9], оно довольно часто употребляется в англоязычных, в том числе американских, СМИ и нуждается в исследовании, которое помогло бы конкретизировать вопрос о его (слова-концепта “*intelligentsia*”) смысловой содержательности по сравнению с языком-источником.

Статья в упомянутом выше словаре сопровождает своё утверждение цитатой из газеты “*San Francisco Chronicle*” от 20-го октября 1889 года, посвященной женским гимназиям в России, где данное слово ещё даётся в правописании “*intelligencia*”, близком к транслитерированному русскому варианту. Но уже в романе Синклера Льюиса [6]

«Главная улица» (*“Main Steet”*), опубликованном в 1920-ом году, есть диалог, в котором образованная, независимо мыслящая и романтическая главная героиня задаёт вопрос своему собеседнику об одной из своих знакомых: *“Why did you leave Miss Shervin...out of your list of the town’s intelligentsia?”* («Почему вы пропустили мисс Шервин в вашем списке городской интеллигенции?») Речь в романе идет о небольшом американском городке, который, однако, символизировал всю Америку и ее нравы в начале нового 20-го века. Примечательно, что данный вопрос «обрамляет» характеристика этой социальной группы: «люди с настоящими мозгами, способными к творчеству, идеям» (*“the... people who have real imaginative brains”*), критически настроенные по отношению к существующему несовершенному порядку вещей, способные к его реформации, их немного. Обращает на себя внимание сходство этой характеристики с толкованием слова «интеллигенция» в «Новом полном словаре иностранных слов, вошедших в русский язык: с указанием происхождения их, ударений, отраслей знания и с расширенной энциклопедической частью» Е. Ефремова под ред. И. А. Бодуэна де Куртене издания 1912-го года: «Интеллигенция лат. – образованная, умственно развитая часть общества» [2, с. 169]. В то же время, точка зрения Льюиса на *“intelligentsia”* Америки оказывается и детализированной, и реалистичной, что может быть связано как с личными умонастроениями автора (он тяготел к социализму), так и с тем историческим опытом, который уже был на тот момент у России.

Надо отметить, что молодая героиня, использующая в своей речи слово *“intelligentsia”* – это исключение из правил провинциального городка – символа всей страны, где предпочитали говорить *“highbrow”* (высокоинтеллектуальный), употребляя это слово, скорее, в значении «заумный» с отчетливым оттенком иронии и пренебрежения.

Характеристика Льюиса перекликается и с современными дефинициями *“the intelligentsia”*: *“Intellectuals or highly educated people as a group, especially when regarded as possessing culture and political influence”* («Интеллектуалы или люди с высоким уровнем образования как группа, особенно в отношении тех, кто обладает культурным или политическим влиянием») [5]. Или же: *“Intellectuals who form an artistic, social, or political vanguard or elite”* («Интеллектуалы, которые образуют художественный, социальный или политический авангард, иначе говоря, элиту») [7].

В современных дефинициях заслуживает особого внимания акцентуация семы потенциала и личности *“the intelligentsia”*, принципиально отличающая их от современного толкования русского слова «интеллигенция», например, в словаре Т.Ф. Ефремовой: «Социальная группа лиц, профессионально занимающихся умственным –

преимущественно сложным и творческим – трудом, развитием и распространением образования и культуры и отличающихся высотой духовно-нравственных устремлений, обостренным чувством долга и чести» [3]. Как видно из дефиниции, в семантике русского концепта большую роль играет нравственно-просветительская составляющая значения, связанная с многомерностью «интеллигенции», ещё ярче выраженной в однокоренных русских лексемах «интеллигент», «интеллигентный», «интеллигентность».

По мнению Л. Ю. Касьяновой, «заимствование концептов представляет собой заполнение концептуальной лакуны, обнаруживающейся в процессе межкультурной коммуникации при расхождении лингвокультурного опыта» [4]. “*Intelligentsia*”, появившись в американском варианте английского языка для называния социальной группы, уже сформировавшейся в американском обществе того времени, оказалась в ряду слов с общим компонентом «ум», «понимание»: “*intellect*”, “*intelligent*”, “*intellectually*”, “*intelligence*”, “*intelligible*”, “*intelligibility*”. Возможно, именно этот факт не позволил слову-концепту “*intelligentsia*” развить этический компонент своей семантики, что, однако, не препятствовало формированию и конкретизации его прагматического компонента, находящегося в прямом соответствии с характером концептосферы западной культуры.

Так авангардность и элитарность, заявленная в значении “*the intelligentsia*”, актуализировало необходимость дистанцировать его от явлений, когда образование и культурный уровень оказывались бесполезными для общества, что привело к появлению нового слова-концепта “*lumpenintelligentsia*” в 30-ые годы 20-го века [5]. Примечательно, что он, в свою очередь, около полувека спустя пополнил ряды русских концептов и тоже стал не тождествен оригиналу: *Опять надстройка рождает базис./ Лифтер бормочет во сне Гельвеция./ Интеллигенция обуржуазилась./ Родилась люмпен-интеллигенция* [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Вознесенский А.А.** Люмпен-интеллигенция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.askbooka.ru/stihi/andrey-voznenskiy/lyumpen-intelligenciya.html> (Дата обращения: 09.04.18)
2. **Ефремов Е.** Новый полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык : с указанием происхождения их, ударений, отраслей знания и с расширенной энциклопедической частью / составил по русским и иностранным источникам Е. Ефремов ; под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртене. – М.: т-во А. А. Левенсон, 1912. - 605 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.prlib.ru/item/351692>(Дата обращения: 09.04.18)

3. **Ефремова Т.Ф.** Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.efremova.info/word/intelligentsija.html#.WstoVzNLfIU> (Дата обращения: 09.04.18)
4. **Касьянова Л.Ю.** Заимствование концептов как релевантный фактор обновления концептосферы языка / Л.Ю. Касьянова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/zaimstvovanie-kontseptov-kak-relevantnyy-faktor-obnovleniya-kontseptosfery-yazyka> (Дата обращения: 09.04.18)
5. English Oxford Living Dictionaries [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://en.oxforddictionaries.com> (Дата обращения: 09.04.18)
6. **Lewis S.** Main Street. - New York: Penguin Group, 1998. – 474 p.
7. Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.merriam-webster.com/dictionary/intelligentsia> (Дата обращения: 09.04.18)
8. 10 Words from Russian [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.merriam-webster.com/words-at-play/words-from-russian/intelligentsia> (Дата обращения: 09.04.18)
9. Words that deserve wider use [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://wordwarriors.wayne.edu/list> (Дата обращения: 09.04.18)

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ И ВУЗе

УДК 373.01: 811.161.1

Вылиток С. В.

ТЕКСТОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ

В статье рассматриваются условия реализации текстоцентрического подхода к изучению русского языка, характеризуется текстовая деятельность, направленная на формирование метапредметных умений учащихся.

Ключевые слова: компетентностный подход, текстоцентрический подход, текстовая компетентность, анализ текста, речевая среда.

The article deals with the conditions for the implementation of the textocentric approach in the study of the Russian language, characterized by textual activity aimed at developing the meta-subject skills of students.

Keywords: competence approach, text-centric approach, text competence, text analysis, speech environment.

Современные подходы к преподаванию русского языка предполагают усиление практической составляющей новой модели образования. Выпускнику школы сегодня необходимо не только получить достаточные теоретические знания, но и приобрести практические умения для его успешной реализации в жизни.

Задача педагогов – способствовать социализации личности учащегося, формировать и развивать культуру его коммуникативной деятельности. Основой для этого является текст, который современная лингвистика признала главным своим объектом изучения [2]. Именно текст является основой для интеллектуального развития и саморазвития личности и успешной деятельности человека в любой профессиональной области. В связи с этим реализация текстоцентрического подхода при изучении русского языка обусловлена именно направленностью современного процесса обучения на формирование метапредметных умений учащихся.

Развитие языковой личности, обладающей текстовой компетенцией, является требованием времени к организации учебно-воспитательного процесса в соответствии с новыми тенденциями в науке и практике. Текстовая компетенция – деятельность, направленная на приобретение текстовых умений и навыков и передачу идей, знаний, представлений, ценностных ориентаций, норм и образцов поведения, – способствует формированию ценностно-смысловой, общекультурной, учебно-познавательной, информационной, коммуникативной, социальной ориентаций учащегося [5].

Текстовая компетентность включает в себя:

- знание языковых ресурсов, умение их отбирать и организовывать в процессе текстовой деятельности;
- умение проявлять свой взгляд на мир, свою творческую индивидуальность в выборе жизненного материала и в его отражении в слове, осознание индивидуального авторского стиля;
- знание о сферах общения, ситуациях, условиях общения и умение учитывать это при текстообразовании и восприятии текста;
- знание действительности, умение отражать ее в слове при текстообразовании и понимать на основе интерпретационной деятельности;

- знание об адресате и умение учитывать фактор адресата в процессе тестовой деятельности.

Таким образом, в условиях компетентного подхода к обучению на уроках русского языка необходимо в первую очередь уделять внимание обучению пониманию текста, формировать умения активно воспринимать текстовую информацию, нацеливать на поиск существенного, главного, побуждать к размышлению над текстовыми смыслами с целью определения собственной нравственной позиции.

Анализ текста является основным методом обучения его осмысленному восприятию. В.В.Виноградов, А.М.Пешковский, Л.В.Щерба в своих научных работах заложили лингвистические основы анализа текста. Методический аспект этого вопроса находим в работах Н.А.Пленкина, Н.М.Шанского, Т.И.Чижовой. Методическая целесообразность использования текста для формирования речеведческих понятий и развития речевых умений учащихся отражена в работах В.В.Бабайцевой, Л.Д.Беднарской, Т.А.Ладыженской, С.И.Львовой, Е.И.Никитиной, Т.М.Пахновой.

Психологи выделяют несколько уровней понимания текста при чтении: поверхностное понимание (понимание фактов, того, о чем говорится); понимание подтекста (мыслей, связей, отношений, причин, следствий, скрытых за словами текста); осознание читателем общего настроения произведения, отношения автора к описанным событиям, персонажам, его оценок, а также осознание своего собственного отношения к тому, что написано и как написано.

Исходя из уровней понимания текста, учитель, предваряя его анализ, должен объяснить учащимся, что исследование – это научный поиск. Следовательно, задача педагога – прививать детям интерес к данному виду работы и формировать навыки вдумчивого чтения, а также в процессе совместной и индивидуальной работы с текстом научить своих воспитанников думать, наблюдать, пробовать анализировать самостоятельно, увидев при этом скрытые элементы авторской оценки, разгадать миропонимание автора, его мысли и чувства.

Текстовая деятельность, как понятие интегральное, включает в себя литературоведческие знания и знания по стилистике, которые предполагают изучение приемов индивидуально-авторского использования языковых средств. Эти полученные учащимися знания в дальнейшем будут способствовать не только вдумчивому исследованию текста, но и обобщению личных наблюдений, созданию атмосферы творчества, благодаря которой в процессе коллективной и индивидуальной работы с текстом произойдет его осмысление и сформируются навыки самостоятельного анализа.

Для реализации развивающего потенциала речевой среды, создаваемой при обучении русскому языку в процессе работы с текстом, необходимо использовать тексты, обладающие

определенными качествами. Помимо того, что содержание текста должно быть интересно современному ученику, текст еще должен оказывать и эстетическое воздействие, вызывать у читающего эмоциональный отклик, воспитывать хороший вкус. Только при соблюдении этих условий работа с текстом может стать важным событием, пробудить интерес к слову, развивать чувство языка [6].

Для достижения целей современного образования также должна быть продуктивно организована деятельность, в ходе которой осуществляется развитие, обучение, воспитание.

Развитие личности ученика при компетентностном подходе к обучению должно осуществляться через развитие языковой компетенции, создания личностно-ориентированной ситуации, при которой необходимо предлагать тексты, имеющие большое воспитательное и эстетическое значение.

Следовательно, анализ, интерпретация текстов должны быть направлены на то, чтобы раскрыть и использовать субъективный опыт каждого ученика, помочь становлению личностно-значимых способов познания посредством организации целостности познавательной и учебно-воспитательной деятельности.

Рассматривая текст как основу для такой деятельности и как средство духовно-нравственного становления личности, особое внимание следует уделять текстам с краеведческой направленностью. Важным условием для формирования личности является именно создание национального и историко-культурного фона при изучении родного языка. Наиболее прогрессивная методическая тенденция состоит в том, чтобы сохранить и поддержать интерес к национальной культуре, культуре родной речи. «Целью изучения должен стать язык народа во всех его функциях. Первая задача... состоит в том, чтобы посредством языка научить постигать систему миропонимания и мироотношения народа,... научить воспринимать язык не как чистую грамматическую схему..., но как спрессованные веками феноменальные стороны философии, психологии, истории, духовной культуры в целом» [7]. Для достижения этого на современном этапе учителю необходимо осваивать и применять новые методы и приемы обучения русскому языку.

Для того чтобы комплексно формировать предметные компетенции учащихся при работе с текстом на уроках русского языка, учитель должен помочь детям раскрыть все культурные смыслы предложенного текста, что позволит воспринимать его не только как целостную единицу языка и речи, но и культуры.

Таким образом, осуществление на уроках принципа текстоцентризма является, с точки зрения современной лингводидактики, необходимым условием достижения нового качества образования, главным содержанием которого является развитие интеллектуальных умений и навыков, формирование личностных качеств учащихся. В современной методике

именно текст составляет основу дидактического материала, с помощью которого формируются основные коммуникативные умения.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Добротина И.Г.** Текст на уроке русского языка. Информационная переработка текста / И.Г. Добротина // Современные модели уроков русского языка в 5-9 классах. – М.: Просвещение, 2014. – С. 46-62.
2. **Гальперин И.Р.** Текст как объект лингвистического исследования. / И.Р. Гальперин. – М., 1981.
3. **Зарубина Н.Д.** Текст: лингвистический и методический аспекты / Н.Д. Зарубина. – М., 1981.
4. **Пахнова Т.М.** Текст как основа создания на уроках русского языка развивающей речевой среды / Т.М. Пахнова // Русский язык в школе. – 2000. – №4. – С.3-11.
5. **Скоринова Ю.А.** От текста к компетенциям учащихся / Ю.А. Скоринова // Русский язык в школе. – 2011. – №1. – С.10-15.
6. **Степанова Л.С.** К проблеме восприятия текста современными школьниками / Л.С. Степанова // Русский язык в школе. – 2011. – № 8. – С.15-18.
7. **Юлдашева Л.В.** Методологические и методические аспекты проблемы языка как культурно-исторической среды / Л.В. Юлдашева // Русский язык в школе. – 1990. – №4. – С. 54-58.

УДК 37.012:001.8

Дмитренко И. А.

ТЕКСТООРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ С УЧАЩИМИСЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В 5-11КЛ. МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ РАБОТЫ С УЧЕБНЫМ ТЕКСТОМ

В статье представлен опыт работы учителя по формированию навыков смыслового чтения и развитию филологической одарённости учащихся. А также рассматриваются актуальные методические приёмы и формы работы с учебным текстом на уроках русского языка. Данный материал будет полезен педагогам при организации работы с учащимися, направленной на формирование метапредметных способов действия на основе текстоориентированного подхода к обучению.

Ключевые слова: текстоцентризм, смысловое чтение, учебный текст, методические приёмы, дидактические игры.

The article deals with the experience of the teacher's work in forming skills of semantic reading and developing the philological talent of students. It is spoken in detail about actual methodical techniques and forms of work with the text at the lessons of the Russian language. The article is of great help to teachers for organization of work with students, aimed at forming meta-subjective methods of action on the basis of a text-oriented approach for learning.

Key words: text based principle, semantic reading, educational text, methodical techniques, didactic games.

В настоящее время в теории и практике преподавания русского языка в современной школе основным по форме организации обучения является системно – деятельностный подход, который основывается на принципе *текстоцентризма*.

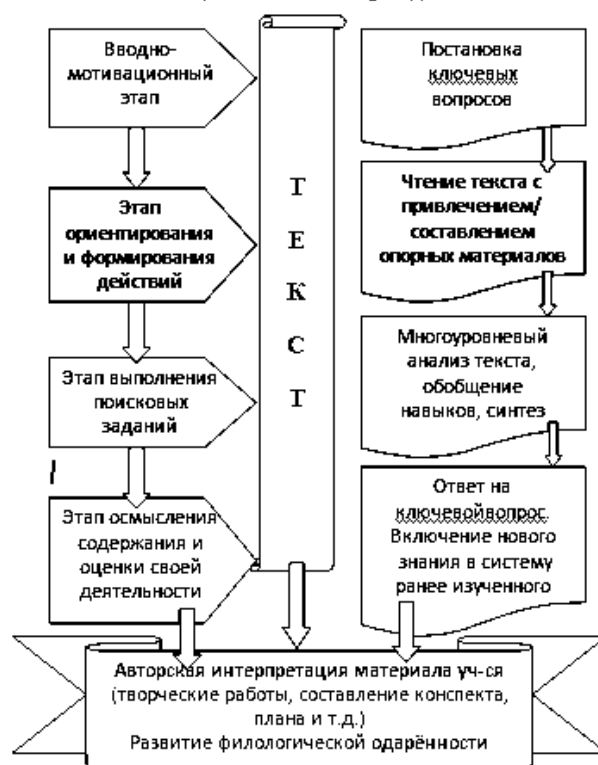
Это принцип признания текста как важнейшей единицы в обучении русскому языку и ключевой единицы общения.

Умение работать с текстом рассматривается в современной лингводидактике как важное общеучебное умение, характеризующее не только уровень функциональной грамотности, но и уровень культуры человека вообще. В этом аспекте текст выступает и основной дидактической единицей, и методическим средством, которое служит основой создания на уроках русского языка не только обучающей, но и развивающей речевой среды [4, с.3]. Уроки, построенные на связных текстах, должны не только формировать коммуникативную, лингвистическую компетенцию учащихся, но и способствовать формированию и развитию навыков осмысленного восприятия информации. Не секрет, что многие учащиеся испытывают трудности осмысления информации (смысловой составляющей чтения), что является одной из главных причин их неуспешности как в учебной деятельности, так и в дальнейшей самореализации личности.

Поэтому работа с текстом, обучение чтению должны быть максимально приближены к условиям реальной жизни, в которых данные умения могут понадобиться человеку.

Теоретическим обоснованием данного подхода являются научно-

Модель поэтапного формирования умственных действий учащихся при работе с текстом (по П. Я. Гальперину)

методические статьи и рекомендации известных ученых-лингвистов, методистов-исследователей и учителей-практиков: Т. А. Ладыженской, Ф. И. Буслаева, П. Я. Гальперина, Н. А. Ипполитовой, Т. М. Пахновой, А. Д. Дейкиной и др.

При организации работы на уроке с учебным текстом я комбинирую лучшие наработки традиционной школы и элементы современных технологий (технология развития критического мышления, технология смыслового чтения и др.) Опираясь на рекомендации Т. М. Пахновой [5, с.10-18] и методику П. Я. Гальперина [1, с.84-87] была разработана модель поэтапного формирования умственных действий учащихся при работе с текстом (см. Рис. 1). В данной модели отражена структура и основные этапы технологии смыслового чтения.

Рисунок 1

Вопрос о необходимости обучения смысловому чтению одним из первых поставил известный психолог А.А. Леонтьев, отметив, «что сегодняшняя школа учит в основном технике чтения, но оказалась неспособной учить собственно чтению, смысловому восприятию, адекватному пониманию содержательной стороны целостного текста. И когда, становясь, например, студентом, школьник вынужден перерабатывать огромные объемы профессиональной и общественной литературы, он к этому просто не готов»[3, с.67].

Технология смыслового чтения включает в себя следующие этапы работы с текстом:

I этап. Работа с текстом до чтения.

1. *Антиципация* (предвосхищение, предугадывание предстоящего чтения).
2. *Постановка целей* урока с учётом общей готовности учащихся к работе.

II этап. Работа с текстом во время чтения.

1. *Первичное чтение* текста. Самостоятельное чтение в классе или чтение - слушание, или комбинированное чтение (на выбор учителя) в соответствии с особенностями текста, возрастными и индивидуальными возможностями учащихся. Выявление первичного восприятия.
2. *Перечитывание текста*. Медленное «вдумчивое» повторное чтение (всего текста или его отдельных фрагментов).
3. *Анализ текста*. Постановка уточняющего вопроса к каждой смысловой части. Обобщение прочитанного. Постановка к тексту обобщающих вопросов.

III этап. Работа с текстом после чтения.

1. *Концептуальная* (смысловая) беседа по тексту. Коллективное обсуждение прочитанного, дискуссия. Выявление и формулирование основной идеи текста или совокупности его главных смыслов.

2. Работа с материалами учебника, дополнительными источниками (для уроков литературы – знакомство с писателем).

3. Работа с заглавием, выполнение стилистических, грамматических и творческих заданий

Обсуждение смысла заглавия. Обращение учащихся к готовым иллюстрациям, схемам.

IV этап. Осмысление содержания и авторская интерпретация материала (творческие работы, направленные на развитие филологической одарённости) [6, с. 34-36].

В практике преподавания русского языка в современной школе предлагаются разнообразные методические приёмы работы с учебным текстом на уроке русского языка, которые способствуют вовлечению учащихся в различные виды деятельности, направленные на обогащение воображения, мышления, памяти, речи и развитие навыков смыслового чтения. Чаще всего называются следующие: редактирование текста, «расширение»/продолжение текста, восстановление «смешавшихся» текстов, интеллектуально-лингвистические упражнения, работа с текстами-миниатюрами, составление синквейнов, кластеров, ментальной карты, инсерт к тексту, дидактические игры.

Остановимся на некоторых из них.

«Расширение»/ продолжение текста (с использованием технологии смыслового чтения)

Работа с учебным текстом при изучении темы «Местоимение» бкласс.

На каждой парте лежит конверт с названием текста:

1-й ряд - «Заместители»; 2-й ряд – «Дублёры»; 3-й ряд – «Запасные игроки».

- I. ?- с учителя: О чём может идти речь в тексте с таким названием?
- II. Чтение текста про себя (текст взят из книги Ивановой В. А., Потихи З.А. «Занимательно о русском языке»).

Ответы на вопросы учителя, используя только «Да» или "Нет».

?-сы: -Понятно вам, о чём идёт речь в тексте?

- Готовы ли вы объяснить название?

Их мир широк и многообразен. Без них нет языков. В своей речи мы часто ими пользуемся, поэтому не случайно, что по частоте употребления они занимают 3-е место. Но при высокой частоте употребления их не так уж много. Поэтому они вынуждены постоянно повторяться в нашей устной и письменной речи.

Без них нельзя обойтись, а в силу частого употребления и малого количества повторение неизбежно, так как постоянно возникает необходимость указывать на предметы, события, явления, качества, о которых уже упоминалось раньше. Как длинна,

как нудна была бы наша речь, если в ней не было этих помощников. Они создают нам речевое удобство, так как экономят время и пространство [2, с. 137].

III. Чтение текста вслух (один ученик) и концептуальное обсуждение.

- 1) Определение особенностей стиля текста.
- 2) Поиск концептуальных положений (основной мысли) текста.
- 3) Выполнение грамматических заданий.

IV. Творческое / исследовательское задание (индивидуально)

- 1) Написать развёрнутый ответ на вопрос: «Почему текст с одним содержанием имеет разные названия? Какое из названий больше подходит данному тексту?» (92-3 предложения);

- 2) написать лингвистическую миниатюру «Приключения местоимения...» / или нарисовать Местоимение

- 3) заграникомандировка:

Цель командировки: сравнить нормы употребления местоимений в разных языках, изучаемых в школе, обратить внимание на точность употребления местоимений при переводе.

✓ Прочитать отрывок из романа М. Твена «Приключения Тома Сойера» в оригинале, перевести на русский язык. На что вы обратили внимание при переводе местоимений? Как бы вы объяснили американцам, двойное толкование английского местоимения «you» в русском языке?

✓ Прочитать отрывок из романа В. Гюго «Отверженные» в оригинале, перевести на русский язык. На что вы обратили внимание при переводе местоимений?

Какая особенность французских местоимений отражена в этом диалоге?

(в французском языке ударная и безударная форма личных местоимений звучит по-разному).

Такая организация работы с учебным текстом позволяет не только расширить знания учащихся по изучаемой теме, но и способствует развитию полилингвистической компетенции и формированию метапредметных способов действия учащихся.

Создание синквейнов, кластеров, ментальных карт, инсерта к тексту также позволяет осмыслить всю полученную информацию, усвоить новое знание, сформировать у каждого ученика собственное отношение к изучаемому материалу. Опыт показывает, что изучение нового материала через самостоятельную работу с текстом и переработка его в виде графических (образных) схем и таблиц интересны и полезны учащимся 7–11-х классов.

Использование ментальной карты наиболее эффективно работает при заучивании текстов наизусть (особенно прозаических). Например, отрывок из поэмы Н.В Гоголя «Мёртвые души». Создавая ментальную карту, дети не зазубривают, а осмысливают и запоминают содержание отрывка.

Развитию навыков смыслового чтения и формированию филологической одарённости школьников способствуют **дидактические игры**, в основу которых положен учебный текст. В своей практике чаще всего использую такие из них: «Сундук мудрости», «Обнаружение ошибки», «Назойливый игрок».

Сундук мудрости

(по принципу ромашки Блума)

Сценарий игры. Внимательно читаем текст. Теперь каждый пишет записку, в которой задается трудный вопрос по тексту. Пожалуйста, заверните записку и положите ее в «сундук». Затем повторно все читают текст. А теперь возьмем из «сундука» по одной записке, где по очереди читаем вопросы и приступаем к ответам. Ведущий (он же хранитель сундука) называет победителей, учитывая содержательность, глубину вопроса и оригинальность ответа (выбираем 6 лучших вопросов для ромашки). Оценивается качество своих вопросов и качество ответов на вопросы одноклассников.

Обнаружение ошибки

Сценарий игры. Давайте прочитаем учебный текст как можно внимательнее, но в темпе. Надеюсь, что все поняли содержание и главную мысль прочитанного текста. Теперь вам будет предложен этот же текст, но с измененным содержанием. Ваша задача — найти и исправить все неправильные утверждения. Это лучше сделать письменно. После самостоятельной работы каждого мы все вместе обсудим текст. Приступим к просмотру вновь предложенного текста. Начали! Помечайте у себя на листочке ошибки, сделанные в тексте. Теперь обсудим исправления. Ведущий определяет лучших, самых точных и оригинальных игроков.

Назойливый игрок

Сценарий игры. Известно, что мелкие подробности учебного материала нужны для прочного усвоения и долговременного запоминания. Сейчас мы читаем текст в темпе, но внимательно, затем вы составите список вопросов. У кого будет больше интересных и содержательных вопросов, тот и выиграл в этом интеллектуальном состязании. Читаем текст, чтобы составить вопросы. Целесообразно, чтобы вопросы охватили весь учебный материал, все его нюансы. Запишите, пожалуйста! А теперь по очереди отвечаем на вопросы.

Отвечает тот, кого попросит ведущий. Затем определим самого назойливого игрока. Итак, ваши вопросы! Ведущий определяет победителя.

Таким образом, использование на уроке русского языка различных приёмов работы с учебным текстом способствует овладению школьниками основными механизмами чтения и развитию навыков смыслового чтения.

Моя задача как учителя состоит в том, чтобы создать на уроках, построенных на связных текстах, условия для самоутверждения и самореализации учащихся, расширить масштабы их интеллектуальной и творческой деятельности, сделать её разноплановой, неординарной и универсальной.

Литература

1. **Гальперин И. Р.** Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М., 2001. – 144 с.
2. **Иванова В. А.** и др. Занимательно о русском языке: Пособие для учителя / В. А. Иванова, З. А. Потиха, Д. Э. Розенталь. – Л.: Просвещение, 1090. – 255с.
3. **Леонтьев А. А.** Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – М.: Леонард, 2014. – 224с.
4. **Михайловская Г. А.** Тексториентированный подход к изучению русского языка // Русская словесность / Г.А. Михайловская. – 2002, № 6. – С. 2 – 5.
5. **Пахнова Т. М.** Развивающая речевая среда как средство приобщения к культуре // РЯШ / Т.М. Пахнова. – 2004, № 4. – С.8
6. **Сметанникова Н. Н.** Обучение стратегиям чтения в 5-9 классах: как реализовать ФГОС: пособие для учителя / Н. Н. Сметанникова. – М. :Баласс, 2011. – 128 с. – (Образовательная система «Школа 2100»).

УДК 378 147:811.161.1

Лазарева Л. К.

О РАБОТЕ С УЧЕБНО-НАУЧНЫМ ТЕКСТОМ В КУРСЕ

«РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ»

В статье рассматриваются некоторые вопросы обучения студентов технического вуза работе с научным текстом как коммуникативной единицей. Определяется место формирования умений и навыков в области написания реферата в системе подготовки студентов к работе с научным стилем речи.

Ключевые слова: коммуникативная деятельность, научно-технический текст, реферат.

The article discusses some issues of teaching technical university students how to work with scientific text as a communicative unit. The place of formation of skills and skills in writing an essay in the system of preparing students for work with scientific style of speech is defined.

Key words: communicative activity, scientific and technical text, abstract.

В процессе реальной всесторонней и многообразной деятельности человеческий социум реализует свои потребности в интерактивном информационном обмене посредством языковой деятельности. Базовым компонентом в процессе внутрисоциумного общения является текст, выступающий « в коммуникации как относительно завершённый отрезок общения – как единица, структурированная и организованная по определенным правилам, несущая когнитивную, информационную, психологическую и социальную нагрузку общения» [3, с. 89]. Текст в течение достаточно длительного периода является одним из важнейших объектов для изучения специалистами разных наук, в том числе и лингвистов. Исследованию проблем текста посвящено значительное количество работ и в отечественной, и в зарубежной лингвистике. Текст как феномен стал одним из центральных явлений в лингвистических исследованиях во второй половине XX – начале XXI вв. Широко известны в этой связи работы М. М. Бахтина, В. А. Бухбиндера, Н. С. Валгиной, И. Р. Гальперина, Г. В. Колшанского, А. А. Леонтьева, О. И. Москальской и многих других исследователей. В литературе указанного периода текст рассматривался как « основная вербальная единица коммуникации» [3]; как единица, способствующая процессам образования, понимания и восприятия текста (А. А. Залевская, Е. С. Кубрякова, Г. И. Богин, Н. А. Мельчук); как явление психолингвистики, социолингвистики, культуры (А. А. Залевская, В. В. Красных, Е. С. Кубрякова, А. А. Леонтьев); исследовались речес коммуникативные аспекты текста (Ю. Н. Земская, А. А. Чувакин и др.). Вопросы всестороннего изучения текста и с точки зрения прагматической, функциональной, иных находят отражение в статьях современных исследователей, издаваемых в различных научных сборниках.

Нашей задачей не является изучение некоего теоретического фрагмента современной теории текста. ЦЕЛЬЮ данной статьи является рассмотрение некоторых особенностей работы с учебно-научным текстом в процессе обучения студентов первого курса технического университета. ПОСТАНОВКА проблемы. Финальным контрольным этапом в современном техническом вузе, как известно, является написание и защита дипломного проекта, состоящего как из расчетной, технической части, так и

сопроводительного вербального текста. Задача преподавателей-русистов, как представляется, и состоит в том, чтобы заложить базовые основы знаний, умений и навыков в работе с образцовым научно-техническим текстом в аспекте его интерпретации, сформировать соответствующий тип научного мышления.

Вопрос обучения студентов работе с научно-техническим текстом остается актуальным в течение всего периода обучения в вузе. Процесс подготовки будущих специалистов к финальному этапу продолжается, естественно, весь период обучения, осуществляется в различных видах и формах на основе использования разнообразных материалов, реализуется в формировании необходимых компетенций, сведённых к списку необходимых и достаточных. Наиболее важные для данной работы знания, умения и навыки формируются как в процессе обучения общетехническим и специальным дисциплинам, так и в процессе изучения гуманитарных дисциплин. Подчеркнем, что особое место в структуре этой работы занимает курс «Русский язык и культура речи».

Базируясь на точке зрения, в соответствии с которой текст является основной коммуникативной единицей и, таким образом, главным составляющим компонентом в информационной деятельности, сопровождающей весь процесс обучения в вузе, рассмотрим некоторые особенности работы с учебно-научным текстом. Под наименованием учебно-научный текст в данном случае понимается общенаучный текст, изъятый из определенной общенаучной дисциплины в соответствии с учебной программой курса. Он воплощает и транслирует логику конкретной науки, будучи соотношенным с определенной понятийной сферой, нашедшей отражение в соответствующем корпусе терминологических единиц разных видов.

Взяв в качестве образцового некий уже созданный оригинальный научный текст, преподаватель должен учитывать его тематические, композиционные, языковые, смысло-содержательные особенности, поскольку любой текст в этом смысле представляет собой систему. Учебно-научный текст в нашем понимании, будучи одновременно и объектом изучения, и средством обучения, является первичным, исходным, некой моделью, подлежащей прочтению, пониманию, восприятию и воспроизведению.

Выбор оригинального первичного текста для последующего анализа некоторым образом ограничен. В случае, когда работа со специальным текстом ведётся на 1-м курсе, нередко встает вопрос о дисциплине, определяющей тематику избираемого текста. Совершенно понятно, что текст строго по специальности избран быть не может, поскольку ни денотативная сфера, ни сопровождающий корпус терминологической лексики на этом этапе студентам-первокурсникам неизвестен и непонятен. Исходя из этого, как правило, для работы на занятиях по русскому языку избираются тексты по

физике, по химии, по информатике, иногда могут быть подключены тексты по изучаемым гуманитарным дисциплинам. Важным является тот факт, что эти тексты обладают следующими признаками: наполнены частично известной терминологией; предполагают однозначность содержания и восприятия; не имеют какого-либо второго плана и эмоционально-экспрессивной составляющей; объективно реализуют взаимосвязь между коммуникацией и жизнедеятельностью человека.

Работа со специальным научным текстом в техническом вузе предполагает преодоление нескольких этапных моментов. Во-первых, непреложным объективным условием является усвоение обучаемыми формальных признаков и характеристик научного стиля речи, выступающего базовым в учебно-профессиональной коммуникации соответствующей сферы деятельности. Во-вторых, студенты должны уверенно распознавать научный текст; знать его структуру; особенности его внутренней организации, виды связи между его компонентами; способы изложения информации. Не менее значимы в общей структуре обучения и научно-популярные тексты, которые не столь строги с точки зрения структурной и языковой организации, но важны с точки зрения содержащейся в них новой или малоизвестной информации. Научно-популярные тексты, обращенные к неспециалистам, влияют на развитие общекультурной компетенции обучаемых. Например, в процессе нашей работы после проведения цикла занятия на тему «Речь. Коммуникация. Общение», «Виды общения. Вербальное общение», «Невербальные виды общения» студентам предлагается для чтения и анализа статья «Лингвистическая музыка» об особенностях языка барабанов у народности банту. Задача – обобщить информацию и передать ее в определенной форме, например, в виде реферата-резюме общего характера. В-третьих, следующим этапом в этой работе выступает формирование умений и навыков в области компрессии научного текста. Опираясь в определенном смысле на частичные предварительные знания студентов в этом аспекте, полученные в школе, преподаватели корректируют их. Необходимо активизировать знания студентов относительно составления планов разных видов; закрепить в их сознании различия между ними; сформировать понимание роли ключевых слов в организации текста и в его воспроизведении; сориентировать в умении написать соответствующую учебно-речевой ситуации аннотацию.

Однако самым сложным в этой последовательности производных учебных текстов является реферат. Реферат – это, как известно вторичный текст, созданный на основе текста-оригинала, появляющийся в результате процессе компрессии. Сложность написания реферата состоит и в самом процессе работы с научным текстом, и в разнообразии видов рефератов. Процесс формирования умений и навыков у обучаемых в

области работы с научным текстом предполагает некие этапы восприятия, понимания и интерпретации его. По словам исследователей, «естественные процессы понимания текста обеспечиваются работой ансамбля соответствующих механизмов и протекают на разных уровнях осознанности при взаимодействии комплекса внутренних и внешних факторов». [5; с.70] Восприятие, описываемое в научной литературе как сложный многоуровневый феномен в случае работы с текстом ассоциируется, в первую очередь, с высшим смысловым уровнем, поскольку предполагается реализация возможностей текста как коммуникативной единицы в процессе его осмысливания. Процесс воспроизведения полученной информации в форме нового, вторичного текста является сложной творческой деятельностью по переводу информации с национального, в данном случае с русского, языка на язык интеллекта с учетом предшествующего опыта, лингвистических, специальных и общекультурных знаний индивида [9].

Учитывая разнообразие видов рефератов, следует отметить, что и объём извлекаемой информации, и используемые языковые средства будут различны, соответствуя конкретным схемам-моделям, поскольку собственно текст, его содержание обусловлены мотивом создания. При порождении вторичного текста роль создающего велика, поскольку индивид в данном случае выступает не только как интерпретатор, но и как автор, извлекая из оригинала новое/ главное/ наиболее существенное, при этом обобщая информацию и записывая ее в традиционно форме.

При обучении написанию информационных рефератов на кафедре русского языка ДонНТУ предлагается некая модель [3]. Опираясь на данную модель и вышеизложенное, предлагаем следующие задания, направленные на формирование умений и навыков по подготовке информативного реферата к статье «Шум» [3].

Отметим, что упражнения, направленные на формирование умений и навыков в области лексико-грамматической трансформации текста, активно прорабатывались на предыдущих занятиях[3]. В данный список заданий внесены лишь те, что связаны непосредственно с аналитико-синтетическим преобразованием текста, со строго обозначенным извлечением искомой информации с последующим воспроизведением в необходимой форме.

- Прочитайте текст «Шум». Определите, о чем идет речь: о процессе, о явлении, о науке, об истории науки, о проблеме...?

- Просмотрите текст еще раз. Выпишите 5-10 слов наиболее важных для понимания его содержания, с вашей точки зрения.

- Прочитайте текст более внимательно. Разделите его на смысловые блоки. Подумайте, какая информация блока наиболее важна с точки зрения сообщения о

конкретных фактах; какая часть содержит оценочный, иллюстративный или теоретико-сопроводительный компонент. Определите, какую именно информацию следует рассматривать как основную.

- Выделите главную мысль блока и запишите ее в форме номинативного предложения в виде логического плана.

- Сравните и проанализируйте полученный вами план с соответствующим вариантом типового плана. При необходимости внесите в свой план коррективы.

- Сформулируйте и запишите тему статьи, используя следующее начало: «Статья посвящена (чему)...», «В статье речь идет (о чем)...», «Автор статьи описывает...»

- Определите общий перечень вопросов, поднимаемых автором в статье «Шум». Запишите их в обобщенной форме, используя один из предложенных вариантов: В статье автор рассматривает следующие вопросы...; Основные вопросы:...; Описывая проблему шума, автор выдвигает следующие вопросы...

- Определите, как автор анализирует данную проблему: рассматривает все поднятые вопросы или избирает какой-то один в качестве базового и, возможно, предлагая определенное решение.

- Сформулируйте определение понятия «Шум», используя конструкции: шум – это явление, связанное с тем, что ...; шум – это явление, обусловленное тем, что ...; явление, при котором... называется шумом.

- Просмотрите еще раз схему-модель информационного реферата и рассмотренные ранее образцы. Подумайте, как следует расположить уже сформулированные вами тезисы: определение понятия, основные вопросы, формулировку темы, предложенное автором решение.

- Напишите информативный реферат к статье «Шум».

- Просмотрите выписанные из текста слова, проанализируйте, насколько важную часть информации текста они передают. Избыточные слова вычеркните. Запишите данные слова как ключевые.

Поскольку в практике использования вербального текста при защите курсового и дипломного проектов предполагаются и письменная и устная форма, такой письменный вербальный текст мы рассматриваем как основу для устного публичного выступления. Работа в жанре устного публичного выступления является одним из ключевых вопросов на будущих занятиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бабаева И.А.** Обучение реферированию научно-технического текста/ И. А.Бабаева // Вестник ТГПУ. – 2011. – Выпуск 1(103). – С.53-58.

2. **Колшанский Г.В.** Коммуникативная функция и структура языка / Г. В. Колшанский. – М.: Наука. – 1984. – 176 с.
3. Русский язык и культура речи. Учебник для студентов высших учебных заведений нефилологического профиля подготовки. Часть 2 «Культура профессионального общения» Авторы: доц. Лазарева Л.К., доц. Мачай Т.А., доц. Стеценко Н.М.– Донецк: ДонНТУ, 2017.– 207с. 1 файл.– (электронный ресурс) Систем. требования: Acrobat Reader.
4. Структура научного текста: учебное пособие для студентов экономических специальностей (на укр. языке)/Л.К.Лазарева. – Донецк: ДонИЭК,2001. – 44 с.
5. Текст и его понимание / А.А.Залевская. – Тверь. – 2001. 177 с.
6. Текст как объект лингвистического исследования/И.Р.Гальперин. – 5-е изд., стереотип. – М.: КомКнига, 2001. – 144с. – (Лингвистическое наследие XX века).
7. Теория текста / Н.С.Валгина. – Москва:Логос. – 2003. – 173 с.
8. Теория текста: учебное пособие / Н. В. Панченко, И. Ю. Качесова, Л. М. Комиссарова, А. А. Чувакин, Ю. Н. Земская. – М.: Флинта,Наука. – 2010. – 132 с.
9. **Уланович О.И.** Текст и его понимание / О. И. Уланович // Вестник МГЛУ. Серия «Психология, педагогика, методика преподавания иностранных языков. – №3 – Минск: МГЛУ, 2001. – С.22-30.

УДК 82.09

Тыщук Д. С.

ФОРМИРОВАНИЕ УВАЖЕНИЯ К ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОЗНАКОМЛЕНИЯ С ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Статья посвящена рассмотрению потенциала художественной литературы в процессе формирования уважения к личности в начальной школе. В объективе автора – педагогическое преломление отношения общества к людям с ограниченными физическими возможностями. В работе представлен вариант анализа идейно-проблематического содержания литературного произведения с позиции формирования у младших школьников уважения к личности как приоритетного элемента системы ценностей (на материале сказки В. Гауфа «Маленький Мук»).

Ключевые слова: толерантность, уважение к личности, анализ текста художественного произведения.

The article considers the potential of fiction in the process of formation of respect for the individual in primary school. In the author's lens – pedagogical refraction of the society's attitude

to people with disabilities. The article presents a variant of the analysis of the ideological and problematic content of the literary work from the perspective of the formation of younger schoolchildren respect for the individual as a priority element of the value system (based on the material of V. Gauf's tale «Little Mook»).

Keywords: tolerance, respect for the individual, analysis of the text of the artwork.

Проблема формирования личности младшего школьника является одной из самых актуальных в современной педагогике.

Учащийся младшей школы как участник общественной жизни, даже в пассивной позиции, не может не быть подвержен воздействию окружающей жизни – не всегда положительному, благотворному, гуманистическому.

Ребенок, в силу совокупности различных факторов, не имеет опыта наблюдения максимального широкого поля человеческих характеров, жизненных обстоятельств и ситуаций с точки зрения активного участия, но, знакомясь с произведениями художественной литературы, может приобрести опыт отношения к разным, порой непростым проявлениям жизни.

Литературные произведения представляют образы, соотносимые с людьми разного уровня достатка, возраста, статуса, в целом со специфическими особенностями. Научить ребенка достойно относиться к тому, кто рядом, на основе существующих в произведениях литературы жизненных и поведенческих моделей – эффективный путь формирования уважения к личности как элемента ценностной системы, значимого не только для взаимодействия с миром, но и приобретения гуманистической позиции.

Цель предложенной статьи – рассмотреть вариант анализа идейно-проблематического содержания литературного произведения с позиции формирования у младших школьников уважения к личности как приоритетного элемента системы ценностей (на материале сказки В. Гауфа «Маленький Мук»).

Теоретическая основа содержится в работах Ш. Дж. Ахундовой [2], А. Екушевой [3], Е. Обориной [4] и других.

В научном дискурсе этики уважение определяется как «одно из важнейших требований нравственности, подразумевающее такое отношение к людям, в котором практически признается достоинство личности» [7, с. 362]. Личностное достоинство реализуется в возможности человека свободно и полноценно жить, не боясь проявлять свою индивидуальность, ощущая достойное восприятие себя обществом.

Учитель начальной школы должен объяснить воспитанникам, что «действовать уважительно по отношению к другим означает главным образом не знаки уважения, а непосредственное признание прав окружающих» [2, с.190].

Педагог призван объяснить детям, что каждый человек – неповторим, причем не только по причине уникальности внутреннего мира, но и внешнего образа. Физический недостаток – не результат человеческого желания, это итог сложных генетических и биологических процессов, накладывающих на своего обладателя крайне сложную миссию непохожести на других – в условиях постоянной опасности быть униженным, угнетенным, осмеянным. Физический недостаток у человека – основание для еще большего процента выражения уважения, демонстрации поддержки, искренности, не имеющей ничего общего со снисходительностью и жалостью.

В период обучения в начальной школе важно обратить внимание учащихся на «формирование и развитие у детей безусловного чувства ценности человека в принципе, в частности уважительное отношение к людям с ограниченными возможностями здоровья, их признание и понимание» [1, с. 41–42].

В данном случае понимание сущности уважения к личности сближается с сущностью понятия толерантность.

«В педагогическом аспекте толерантность рассматривается как сформированное или формируемое моральное качество, моральная добродетель, комплексное личностное качество, родовое существенное свойство человека, условие успешной социализации, проявляющееся в социальных отношениях, главным признаком которого является уважение права другого на отличие» [4, с. 28].

Относительно людей с ограниченными физическими возможностями, речь идет о «заинтересованности в их судьбе, оптимистической вере в способности, в общении, основанном на доверии, отсутствии прямого принуждения, приоритете положительного стимулирования, терпимости к недостаткам» [3, с. 310].

Выше уже отмечалось, что произведения литературы предоставляют возможность демонстрации поведения людей в специфических ситуациях, но крайне важных для формирования гуманистической ценностной системы воспитуемых. Рассмотрение сказки В. Гауфа «Маленький Мук» в ключе здоровой критики негативного общественного отношения к имеющему физические недостатки персонажу – успешный шаг к формированию в младших школьниках толерантной жизненной установки.

Автор знакомит юного читателя с главным персонажем опосредованно, но, при этом, акцентируя внимание на его внешнем отличии от других людей.

Мальчик-рассказчик считает закономерным и справедливым, что он с товарищами постоянно подсмеиваются над необычным человеком, несмотря на то, что за плечами субъекта насмешек – долгие годы жизни:

«В те времена Маленький Мук был уже старичок, ростом же не больше трех-четырёх футов. Притом сложен он был весьма странно: на туловище его, маленьком и хрупком, сидела голова, размером куда объемистее, чем у других людей» [6, с. 339].

Юный герой, подводя читателя к непосредственному знакомству с главным персонажем, не скрывает удивления от реакции собственного отца на бесконечную травлю Мука. Отец стыдит сына за ужасное отношение к по-настоящему достойному человеку, жизнь которого не была исполнена радости и благополучия.

Педагог, анализируя произведение, должен обратить внимание учеников на то, что врожденные физические недостатки человека – не предмет для насмешек над ним, это тяжелое бремя, усложняющее жизнь, несправедливо ограничивая доступ к доступным здоровым людям возможностям.

Драматизм положения Мука объясняется тем, что с момента его появления первым, кто позволил себе унижающие действия, стал его отец: «Сына этого он недолюбливал, стыдясь его малого роста, и не дал ему никакого образования» [6, с. 339].

После смерти отца ближайшие родственники жестоко отвергают оставшегося без средств к существованию Мука. Долг покойного отца оказался превыше человеческого отношения к близкому родственнику: «Жестокосердная родня, которой покойный задолжал больше, чем мог заплатить, выгнала бедняжку из дому, посоветовав ему идти искать счастья по свету» [6, с. 340].

Пытаясь хоть как-то обосноваться в чужой стране, Муку удается устроиться на так называемую службу к старухе Агавци, содержащей огромное количество кошек. Путник должен был ухаживать за кошками за мизерное жалованье, порцию кошачьей похлебки и возможность переночевать. Жадная старуха была крайне несправедлива по отношению к и без того несчастному юноше: «Находя свои комнаты в беспорядке, старуха злилась и сваливала все на Мука; и как он ни оправдывался, она больше верил невинному виду своих кошечек, чем речам слуги» [с. 342].

Когда чаша терпения Мука переполняется, он, пытаясь взять справедливо заработанные деньги, оказывается в секретной комнате старухи (ключ от тайного помещения ему дает собачка, которую он жалел и подкармливал, в отличие от хозяйки). Мук забирает себе неподходящие по размеру большие туфли и палочку, которая (как станет известно позже) указывает на место размещения сокровищ.

Волшебные туфли-скороходы помогают герою молниеносно переместиться в пространстве: «Колесом завертелся он на каблуке, пожелал очутиться в ближайшем большом городе, и глядь – туфли поднялись на воздух, вихрем помчались сквозь облака, и не успел Маленький Мук прийти в себя, как оказался на большой площади, где было разбито множество палаток и сновало бессчетное количество людей» [6, с. 344].

Маленький Мук, оказавшись в другом королевстве, искренне верит, что королевский стражник действительно воспринял его как кандидата на пост гонца. Основание для пренебрежительного отношения – внешность Мука.

Автор описывает читателю визуальный образ, в котором Маленький Мук предстает перед стражником: «Тельце с огромной головой, халатик и пышные шаровары, длинный кинжал за широким поясом, маленькие ножонки в большущих туфлях, – право же, при виде такой комичной фигурки нельзя было сдержать смех» [6, с. 345].

Поражает факт, что король не только не пресекает пренебрежительное отношение к человеческой личности среди подданных, а напротив, культивирует его.

Карлик в качестве гонца – тема дикого и жестокого развлечения, которое позиционируется как настоящая забава: «...Все, кого носили ноги, устремились на луг, где были устроены помосты, откуда двор мог следить за бегом хвастливого карлика» [6, с. 344].

Удивлению двора нет предела, когда становятся очевидными феноменальные способности Маленького Мука.

Король, отдавая себе отчет в пользе соединения в Муке порядочности и способности экстренно выполнять самые важные поручения, начинает относиться к герою совершенно иначе.

Расположение короля к Муку вызывает негодование у других придворных: «...Прочие слуги короля не питали к нему расположения, они не могли перенести того, что ничтожный карлик, только и умевший, что быстро бегать, занял первое место в милостях государя» [6, с. 345].

В. Гауф не скрывает критики, направленной на подлое естество дворцовой морали, в то время как добросердечный Мук «не помышлял о мести, он был слишком добр для того, он думал о средствах заслужить благодарность и любовь своих врагов» [6, с. 345]. Образ Маленького Мука противопоставляется всем обитателям королевского дворца, который, пытаясь доказать свое по-настоящему гуманистическое отношение к людям, выбирает методы, в последствии использованные против него же как оружие.

Мук, используя функции волшебной палочки-кладоискателя, находит место сосредоточения золота, начинает щедро делиться им с придворными.

Чиновники, получившие деньги в дар, преподносят новость королю в невыгодном для гонца свете. Таким образом, Мук навлекает на себя беду – королевское обвинение в краже государственных денег.

Король изгоняет Маленького Мука из своего государства, отбирает волшебные туфли и палочку.

Благосклонная судьба дает герою еще один шанс на установление справедливости. Оказавшись в неизвестном лесу и позавтракав ароматными плодами фигового дерева, Мук приходит к поразительному открытию: после поедания плодов его уши увеличились до уродливых размеров. К счастью, плоды, растущие на соседнем дереве, позволяют избавиться от результата предыдущей дегустации.

Обиженный герой решает проучить короля за несправедливость, которой монарх отплатил ему за преданную службу.

Представившись иностранным торговцем, Мук приносит королю диковинные плоды фигового дерева. Король не отказывается от угощения, но в тот же момент ощущает не только приятный вкус, но и происходящую деформацию во внешнем облике.

Финальные слова Мука отражают всю его внутреннюю боль и обиду:

«Вероломный король, ты платишь неблагодарностью за верную службу, да будет тебе заслуженной карой уродство, которым ты поражен. Я оставлю тебе длинные уши, дабы они изо дня в день напоминали тебе о Маленьком Муке» [6, с. 351].

Маленький Мук, покинув королевский дворец, начинает вести отшельнический образ жизни, предельно сократив контакты с окружающими людьми. «Житейский опыт сделал его мудрецом, который, невзирая на несколько странную наружность, больше заслуживает уважения, нежели насмешки» [6, с. 351].

Формирование уважения к личности в контексте ознакомления с произведениями художественной литературы в начальной школе – перспективная ниша, в пределах которой представляется возможным воспитать целостную личность, обладающую нравственными, этическими, эстетическими ценностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Амирдашян А.Ю.** Толерантность по отношению к людям с ограниченными физическими возможностями / А.Ю. Амирдашян // Перспективы науки и образования. – 2017. – № 5 (17). – С. 41 – 42.
2. **Ахундова Ш.Дж.** Уважение, его основа и типы / Ш.Дж. Ахундова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – № 1 (129). – С. 189 – 192.

3. **Екушевская А.Е.** Историческая эволюция отношения общества к человеку с ограниченными возможностями / А.Е. Екушевская // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 5 (27). – С. 308 – 311.
4. **Оборина Е.В.** Педагогический аспект феномена толерантности / Е.В. Оборина // Педагогическое мастерство: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Москва, апрель 2012 г.). – М.: Буки-Веди, 2012. – 200 с. – С. 27-29.
5. Сказки немецких писателей: Сост. Ю.П. Цельмин. – Одесса: Аспект, 1993. – 496 с.
6. Словарь по этике / Под ред. А. А. Гусейнова и И.С. Кона. – М.: Политиздат, 1989. – 447 с.

Сведения об авторах

Александрова Наталья Евгеньевна, магистр кафедры теории и практики перевода германских и романских языков ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля» (*Луганск, ЛНР*)

Балко Марина Владимировна, доктор филологических наук, доцент кафедры краеведения ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики» (*Донецк, ДНР*)

Белоусова Евгения Владимировна, старший преподаватель кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» (*Луганск, ЛНР*)

Вылиток Светлана Витальевна, методист ГОУ ДПО ЛНР «Республиканский центр развития образования» (*Луганск, ЛНР*)

Гелюх Наталья Анатольевна, старший преподаватель кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» (*Луганск, ЛНР*)

Диденко Анна Александровна, магистр специальности «Филология. Язык и литература (английский)» ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» (*Луганск, ЛНР*)

Джинджолия Гигла Паршаванович, доцент кафедры русского и французского языков Западночешского университета (Чехия)

Дмитриенко Инна Александровна, ГБОУ ЛНР «Роскошнянский УВК СШ I-III ст. – ДС» Лутугинского района, учитель русского языка и литературы (*Луганск, ЛНР*)

Епифанова Татьяна Владимировна, ассистент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени

Тараса Шевченко» *(Луганск, ЛНР)*

Курмакаева Нина Петровна, доцент кафедры русского языка ГОУ ВПО ДНР «Донецкий национальный университет» *(Донецк, ДНР)*

Лазарева Людмила Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет» *(Донецк, ДНР)*

Луценко Ирина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» *(Луганск, ЛНР)*

Мачай Татьяна Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет» *(Донецк, ДНР)*

Мельничук Анастасия Игоревна, магистр специальности «Русский язык и литература», ассистент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» *(Луганск, ЛНР)*

Могила Сергей Анатольевич, старший преподаватель кафедры славянской филологии и прикладной лингвистики ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» *(Донецк, ДНР)*

Плахотник Алла Николаевна, старший преподаватель кафедры философии, социальных и гуманитарных наук ГУ ЛНР «Луганский государственный медицинский университет имени Святителя Луки» *(Луганск, ЛНР)*

Пономарёва Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» *(Луганск, ЛНР)*

Романова Елена Генриховна, старший преподаватель кафедры русского и латинского языков ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького» *(Донецк, ДНР)*

Семеренко Элла Викторовна, преподаватель ОП «Брянковский колледж Луганского национального университета имени Тараса Шевченко» *(Луганск, ЛНР)*

Серебряк Марина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии и издательского дела ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» *(Луганск, ЛНР)*

Синельникова Лара Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» *(Луганск, ЛНР)*

Скрипченко Елена Валентиновна, ассистент кафедры русского языка ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» *(Донецк, ДНР)*

Соболева Ирина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» *(Луганск, ЛНР)*

Сушинская Ирина Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, и.о.заведующего кафедрой социально-гуманитарных дисциплин ГОУ ВПО «Донецкий институт железнодорожного транспорта» *(Донецк, ДНР)*

Теркулов Вячеслав Исаевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета *(Донецк, ДНР)*

Ткачева Елена Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» *(Луганск, ЛНР)*

Тыщук Дарья Сергеевна, ассистент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Ровеньковский факультет ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» *(Луганск, ЛНР)*

Шаповалова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г.Севастополь (РФ, Севастополь)

Шкуран Оксана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии и издательского дела ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» *(Луганск, ЛНР)*

Шпилева Яна Анатольевна, преподаватель кафедры теории и практики перевода ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» *(Луганск, ЛНР)*

Юрьева Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет» *(Донецк, ДНР)*

Юсеф Юлия Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной медицины и экономики здравоохранения ФПО ГУ ЛНР «Луганский государственный медицинский университет имени Святителя Луки» *(Луганск, ЛНР)*

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ
Материалы II Международной научно-практической конференции
(25 апреля 2018 года)

Подписано в печать 30.08.2018. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman.
Печать ризографическая. Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 181.
Тираж 5 экз. **Заказ № 00.**

Издатель
Издательство ГОУ ВПО ЛНР
«Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко
«Книга»
ул. Оборонная, 2, г. Луганск, ЛНР, 91011. Т/ф: (0642)58-03-20
e-mail: knitaizd@mail.ru

Свидетельство субъекта издательского дела
МИ-СГР ИД 000001 от 29.10.2